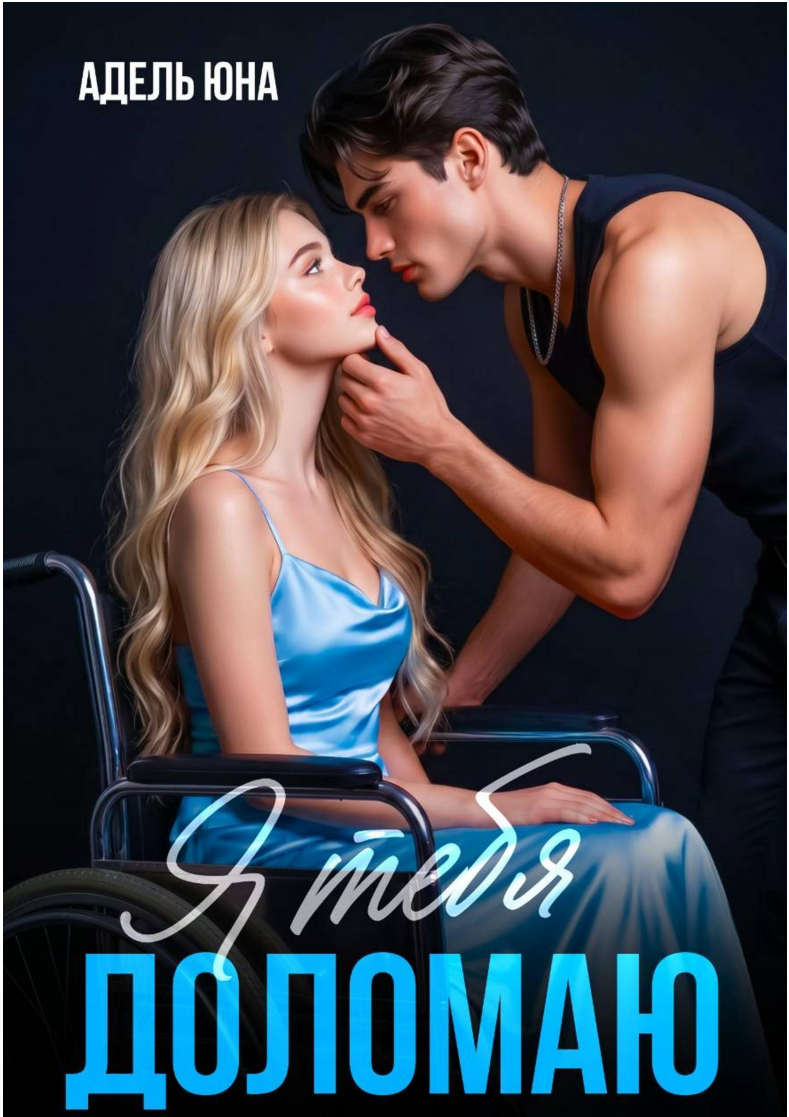
АДЕЛЬ ЮНА
Я тебя
ДОЛОМАЮ

Адель Юна
Я тебя доломаю

https://litres.ru/73932963
SelfPub; 2026

Аннотация

БЕСПЛАТНО.

— Не ори, поняла? — процедил Глеб.

И отпустил только когда я смогла кивнуть. Воздух обжёг лёгкие, глаза заслезились.

— Из кожи вон лезешь, чтобы вызвать жалость, смотреть противно — прокомментировал он. — Плевать мне, чего ты хочешь или не хочешь. Я предупрежу тебя только один раз: попытаешься залезть в мою семью, я тебя доломаю так, что с кровати встать не сможешь. Ясно тебе?

***

Я — сиротка в коляске. Он — избалованный наследник, который привык получать всё. На первый взгляд всё так, но что если мы оба сломаны? Глеб угрожал мне при каждом удобном случае, но каждый раз, когда доходило до дела, пытался помочь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	52
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	70
Глава 12	76
Глава 13	86
Глава 14	91
Глава 15	96
Глава 16	102
Глава 17	107
Глава 18	113
Глава 19	121
Глава 20	127
Глава 21	134
Глава 22	142
Глава 23	148

Глава 24 156
Глава 25 162
Глава 26 167
Глава 27 175
Глава 28 185
Глава 29 193
Глава 30 203
Глава 31 209
Глава 32 216
Глава 33 223
Глава 34 228
Глава 35 233
Глава 36 241
Глава 37 251
Глава 38 256
Глава 39 265
Глава 40 274
Глава 41 282

Адель Юна
Я тебя доломаю

Глава 1

Саша.

— Ты ещё кто такая?

Дверь распахнулась, и в мою комнату вошёл высокий парень в кожаной куртке. Я не успела ничего ответить, а он уже остановился с таким видом, словно его ударили под дых.

За окном стемнело, тёплый свет шёл только от торшера, что стоял у моей кровати. Я с неохотой задержала на вошедшем взгляд. Отметила мрачное выражение лица, тёмные волосы и необычно-яркие синие глаза.

Сын моего попечителя? Не так я его себе представляла…

— Ты… — собралась с силами, прочистила горло и попыталась ответить. Голос был хриплым с непривычки. Последние недели я не была особенно разговорчива. — Выйди. Не до тебя сейчас.

Каждое слово давалось с трудом. Кровь отлила от лица, побелели пальцы, на лбу выступила холодная испарина. Обезболивающие действовали всё хуже.

Когда он вошёл, я пыталась пересесть с кровати на кресло. Самостоятельно.

Рядом была кнопка вызова сиделки, но я намеренно её проигнорировала.

Просто устала… Устала чувствовать себя настолько никчёмной.

— С чего бы мне уходить? — парень даже не смотрел на меня, он водил взглядом по спальне, злясь с каждой секундой всё больше. — Это моя комната.

Я уже отрегулировала кровать, хоть далось это с трудом. Попыталась приподняться на руках, но таз, а потом и всё тело скрутило жуткой болью. Пришлось сдаться и опуститься назад, сдерживаясь, чтобы не заорать.

Было откровенно не до его метаний. А метаться он начал буквально. Сначала прошёлся по спальне, затем заглянул в комнату, где отдыхала сиделка (жаль, что она вышла в самый неподходящий момент), потом прошёл мимо к двери на лоджию.

— Где мои вещи? — он вернулся и навис прямо надо мной с таким видом, будто готов лично вышвырнуть из своего пространства. В котором, впрочем, не осталось ничего, напоминающего о нём. — Ты кто такая?

— Никто.

Я смотрела в сторону плывущим от боли взглядом.

Надеялась, что он просто уйдёт. А я попытаюсь снова. Нужно было всего лишь пересесть на коляску, доехать до ванной комнаты и там переместиться на унитаз. Всё было оборудовано под мои нужды. Так почему же мне было слож-

но сделать настолько элементарные вещи?

— Чёрт, — парень повысил голос и вдруг, нагнувшись, схватил меня за подбородок, бесцеремонно повернув голову в свою сторону, — смотри на меня, когда я с тобой говорю!

От резкого движения боль прострелила позвоночник. Я не выдержала и вскрикнула. Из глаз брызнули слёзы. Слишком долго терпела.

Его хватка мгновенно ослабла. Он изменился в лице и смотрел на меня уже совсем другими глазами. Точнее, смотрел так, будто впервые по-настоящему увидел. Меня и мою ситуацию.

Теперь перед ним была не раздражающая помеха, а маленькая искалеченная девочка, слабая до отвращения.

Правильно, мне и самой было от себя мерзко. Не нужно было кричать. Не так уж и больно было.

— Да что с тобой такое? — спросил он мрачно, вглядываясь в моё лицо. — Разве я тебя ударил?

Я не ответила. Лишь покрепче стиснула зубы.

Он как будто испугался. Интересно, с чего вдруг?

— Вижу, что мою комнату превратили в больничную палату, — он ненадолго отвлёкся на мигающие аппараты у моей кровати, прошёлся взглядом по инвалидному креслу и полураскрытым шкафчикам с лекарствами. — Вижу, что нога перебинтована. Думал, просто сломала. Все, кого я знаю со сломанными ногами и руками, нормально так могли двигать башкой. Она же у тебя не перебинтована.

Правильно. Бинты только сегодня сняли. Было сотрясение.

— Ты пытаешься меня в чём-то убедить или оправдываешься? И когда успел насмотреться на людей с переломами? — я усмехнулась одним углом губ, не сводя с него взгляда и считая быстрые удары собственного сердца. — Угрожаешь?

Думала, что после аварии, после смерти мамы и разрушенной карьеры в фигурном катании, мне уже будет плевать на то, что со мной в итоге станет.

Но, оказалось, что я всё ещё могу трястись за свою бессмысленную жизнь, которая ничего больше не стоит.

— Да ты вся белая, — произнёс он, приложив пылающую ладонь к моему лбу в холодной испарине. — Ложись или сиди как сидишь. Я позову кого-нибудь. Позже узнаю, что происходит. С тобой разговаривать, видимо, бессмысленно.

Он выпрямился и отошёл от меня, намереваясь скрыться за дверью.

Нужно было так всё и оставить, но упрямство вынудило окликнуть его:

— Стой. Я в порядке. Не нужно никого звать. Найди Андрея Викторовича и узнай, что случилось с твоими вещами. Ты же его сын? Про меня ничего не говори.

И без того доставила его отцу и всем вокруг слишком много проблем.

Я вскинула на него болезненный взгляд. Он слегка нахмурился.

— Что значит в порядке? К тебе прикоснуться нельзя — кричишь так, будто тебя режут.

От такой наглости я даже рот открыла. Ну надо же!

— А кто вообще просил меня трогать? Не трогал бы, и всё было бы в порядке.

— Ещё скажи, что это я тебе ногу сломал.

— Надо было сразу говорить с ним. Думаешь, это я на коляске от твоих вещей избавилась? Я вообще не знала, что эту комнату до меня кто-то занимал…

— Я просто пришёл к себе и, конечно, не ожидал увидеть здесь визгливую инвалидку.

Он был так напряжён, что под бледной кожей лица заходили желваки.

— Тебя даже не предупредили… — выдохнула я. — Неужели это из-за моих слов…

Пока мы говорили, если это вообще можно было назвать нормальным разговором, я всё ещё пыталась пересесть в кресло. Была надежда, что если немного потяну время, то смогу справиться со всем одна. И потом лягу спать хотя бы со знанием, что способна сама себя обслужить. Что всё не так… плохо.

— Из-за каких ещё слов? — он подошёл ближе, и именно в тот момент у меня всё-таки получилось.

Приподнялась на руках, перенесла на них вес и качнулась в сторону кресла. Боль тут же ошпарила тело. Кажется, я снова вскрикнула. Но некогда было себя за это винить. Это был

первый раз, когда у меня получилось сделать что-то без помощи. Я была счастлива.

И хоть слёзы текли по щекам, а губы дрожали, я улыбалась, что, наверное, выглядело жутковато.

— Что ты творишь? — парень оказался рядом мгновенно. — Там на тумбе кнопка вызова медсестры, так? Спрошу её, где она шляется…

Я только часто и шумно дышала, глядя в пол. Ответить нормально сразу не могла, поэтому просто схватила его за запястье. Худыми, холодными и липкими пальцами.

Ему, наверное, было противно. Но я не сразу об этом подумала.

— Подожди.

— Что ещё?

— Она просто вколет мне больше обезболивающего. От него побочки неприятные. Нельзя его принимать каждый раз, когда что-то болит. Я перетерплю. Со мной всё нормально, иначе она бы не отошла. Здесь, как я понимаю, хорошо платят… Просто занимайся своими делами… Глеб… — я вдруг вспомнила его имя. Сама не поняла как. Ведь слышала его наверняка лишь раз и то случайно, в чужом разговоре.

— Если бы ты не пыталась так качать пресс, может быть, ничего и не болело бы, — угрюмо ответил он.

— Просто… в туалет хочу, — я шмыгнула носом и неловко улыбнулась. — Так что лучше потом поговорим.

— Так давай довезу, — он вдруг ухмыльнулся и прибли-

зился как раз в тот момент, когда я подняла голову, чтобы посмотреть на него. Мы неожиданно столкнулись взглядами.
— Какие проблемы?

— Если бы мне нужна была помощь, я бы, наверное, позвала медсестру, как думаешь? — я поджала губы и продолжила свою прерванную мысль, надеясь, что это заставит его уйти. — Когда я лежала в палате после операции и только приходила в себя от наркоза… Пришёл твой отец. Не помню, о чём мы говорили. Но тогда я, кажется, и сказала, что всегда мечтала о комнате с балконом. У нас в квартире его не было. А мне бы так хотелось. Неужели эти глупые слова заставили твоего отца выкинуть твои вещи? У меня и в мыслях этого не было… — Меня вдруг разобрал истерический смех. Не знаю с чего бы, но это хотя бы отвлекало от боли. — Что у вас вообще за отношения такие?

— Ты… издеваешься? — лицо Глеба потемнело, он вцепился в подлокотник кресла так сильно, что костяшки пальцев побелели. Кажется, я задела его сильнее, чем мне бы хотелось. — Да кто ты вообще такая?

Глава 2

Глеб.

Только недавно эта странная девчонка смеялась с перекошенными лицом и глазами на мокром месте, а теперь застыла, глядя прямо на меня.

Длинные светлые волосы растрепались и взмокли у корней, под большими серо-зелёными глазами залегли тени, губы были бледными и сухими. Ещё розовый шрам, что тянулся ровной линией чуть ниже виска по щеке, свежести и жизнерадостности её внешности тоже добавлял не особо.

Если бы не аппараты и не переделанная до неузнаваемости комната, решил бы, что беднягу пытали.

Такое куда больше было в духе моего отца.

Зачем он всё-таки притащил эту девчонку в дом?

Что их вообще связывает?

— Ты уже спрашивал, — процедила она в ответ на мой вопрос. — Мы просто вернулись к тому, с чего начали.

Такая странная…

Я не мог смотреть на неё спокойно. Было просто не по себе.

Когда только вошёл в комнату, толком не рассматривал девчонку.

Очередной учебный год в моей забугорной шараге подошёл к концу, я вернулся в дом на лето, как мы с отцом и до-

говаривались.

Он прекрасно знал, что примерно в это время я буду здесь. И ни словом не обмолвился о том, что поселил в мою комнату непонятно кого.

То, что я удивился — это мягко сказано. Диван, кровать, комп с двумя мониторами, мини-бар, снаряжение, все вещи в огромном гардеробе — всё это просто испарилось. Из последнего вообще сделали отдельную спальню с кроватью-полуторкой.

Чёрт возьми, какой же тёплый приём.

Мне казалось, что это какая-то злобная шутка отца. Его ответ на то, что меня дважды за последний семестр чуть не выперли из колледжа.

Гнев застилал глаза, я видел, что у девчонки перебинтована нога, видел долбанное инвалидное кресло, в общем, всё, кроме того, какой бледной и дрожащей она была, как стискивала зубы, как едва не плакала.

Ей было больно, а я даже не заметил этого.

И схватил за лицо, требуя ответа, как последний изверг, который готов из неё душу вытрясти ради грёбаной комнаты.

Она закричала, и меня окатило страхом.

Ещё не хватало заставлять кричать от боли колясочницу, которая вся весила, наверное, как одна моя нога.

Самому себе вмазать хотелось. Чувство было такое, словно я ненароком пнул кошку, а она жалобно замяукала. Маленькую, пушистую, беззащитную, ни в чём передо мной не

провинившуюся…

Как тогда ком застрял в глотке, так до сих пор не отпустило.

И хотя меня выбили из колеи её предпоследние слова, временно стало как-то по боку. Всему этому должно быть какое-то объяснение. А если и нет, если отец правда выкинул все мои вещи по первому же слову незнакомки… как-нибудь переживу. Уже не в первый раз.

— Как тебя зовут? — спросил я вдруг, сам от себя этого не ожидая.

В сущности, какая мне была разница?

Хотя так удобнее будет о ней думать, если ещё придётся.

Я уже спрашивал, кто она такая, имея в виду, что она делает на моей территории или какое отношение имеет к моему отцу.

Вопрос про имя другой. Я сам его задал и сам… смутился? У неё тоже были смешанные эмоции. По щеке стекла слеза. Девушка, поморщившись то ли от боли, то ли от досады, быстро стёрла её и произнесла:

— Саша. Меня зовут Саша.

— Саня, значит, — я ухмыльнулся, хотя на это не было никакой нормальной причины. — А тебе идёт.

И тут же перехватил ручки на спинке инвалидного кресла, чтобы развернуть её в сторону стеклянной затемнённой двери ванной комнаты.

Успел сделать только несколько шагов, как она закричала:

— Что ты творишь? — повернула в мою сторону голову. И сделала это с трудом. Машина её, что ли, переехала? Дело-то явно было не только в ноге.

— Не хочу, чтобы ты обмочилась. Или стесняешься?

— Остановись! — хриплый крик заставил меня сделать так, как Саша хотела.

Чёрт возьми, неужели я опять всё только усугубил?

Надо было нажать на кнопку вызова медсестры или сиделки, или кем она там была, и просто уйти, а не вестись на идиотские манипуляции…

— Что с лицом? — вопреки моим опасениям, что ей стало хуже, она остро усмехнулась. — Вид такой, будто подумал, что у меня что-то отвалилось от твоего кривого вождения.

— Нет? — спросил и почувствовал себя реально тупым.

— Здесь есть управление, — Саша нажала сбоку и часть подлокотника открылась, там лежала штука, похожая на джойстик. — Она электрическая. Мог бы и пораскинуть мозгами немного.

Я чуть не ляпнул, что в последний раз, когда имел дело с коляской, мне приходилось крутить эти чёртовы колёса самому.

Это было уже, наверное, лет десять назад.

С тех пор не особо следил за обновлениями, не думал, что мне это понадобится.

— Откуда мне было знать, что отец тебя посадил на чёртов электрический стул?

— Ты и не должен был, — она усмехнулась, должно быть, колкими на ощупь губами. — В этом и проблема.

— Здесь всё ещё нет никого, кто бы пересадил тебя на толчок, кроме меня.

Я открыл дверь в ванную комнату и с нехорошим чувством заметил, что внутри тоже всё переделали под нужды колясочницы. Меня тут словно никогда и не было. Даже плакат из старого журнала сняли, безвкусный и не в тему к дорогой чёрной отделке, но мне он нравился.

— А ты извращенец, — протянула Саша. — Чего-то такого я и опасалась, когда мне предлагали сюда переехать.

Я посмотрел на неё, истощённую одним лишь пересаживанием с кровати на кресло и, видимо, разговором. Спорить не хотелось.

Всё ещё злился, правда, не на неё.

— Что просто не расскажешь, почему ты здесь? Ты вымоталась, но разговор вышел бы гораздо короче, если бы просто объяснила в двух словах.

Она слегка нахмурилась, посмотрела куда-то мимо меня отрешённым взглядом и ответила:

— Не знаю я, Глеб. Да и… мне просто всё равно.

Всё равно? Она не была дочерью кого-то из друзей отца, я бы знал. А даже если — у неё не было бы причин лечиться в этом доме. В этой комнате.

По всему выходило, что она просто девчонка с улицы.

Девчонка, которая получила лучшее лечение, электроко-

ляску и мою спальню.

И при этом ей… всё равно?

Мучать её вопросами я бы больше не стал. Собирался вызвать медсестру — и плевать на упрямство Саши, — а затем найти отца.

Но сделать это мне, конечно же, не дали.

Дверь резко распахнулась.

И уже через минуту меня швырнули в стену.

Видимо, здесь место только для инвалидов.

И меня решили сделать одним из них.

Ну так… чтобы соответствовал.

Страшно не было, но впервые врасплох застала мысль: "Если ему так приспичило снова сделать это, почему при ней?"

Глава 3

Саша.

Всё произошло так быстро.

Сначала с причитаниями вбежала Диля, в голубом халате поверх домашнего платья. Она встала между мной и Глебом с таким видом, будто готова была закрыть меня собой от взрывающейся гранаты.

Сразу после в дверном проёме появился Андрей Викторович. Высокий и сухой мужчина с жидкими светлыми волосами и глубокими залысинами. У него была широкая квадратная челюсть и в общем крупные, хищные черты лица. Даже прямоугольные очки не сглаживали впечатление человека опасного и неприятного.

Может быть, всему виной был мой растерянный вид. Или же двусмысленное поведение Дили.

В любом случае Андрей Викторович не стал разбираться в ситуации и оказался рядом с сыном быстрее, чем тот успел опомниться. Он заломил ему руки, схватил за шиворот и, не сдерживаясь, впечатал лицом в стену. Каждое движение было таким уверенным, словно он делал подобное уже не в первый раз.

— Какого… — не успел Глеб договорить, как его притянули к себе и швырнули в ту же стену, где уже было пятно крови.

На этот раз Андрей Викторович ещё и припечатал его ботинком. Удар пришёлся по спине.

Я наблюдала за происходящим молча, мало что понимая. Только на языке осела горечь, и с каждым мгновением всё больше накатывала тошнота.

За что его так?

— Какого хрена — это я тебя должен спросить. Что ты здесь забыл, щенок?

Глеб осел на полу. Из его брови текла кровь. Губа тоже была разбита. Он выглядел злым, но в отличие от меня абсолютно не шокированным.

— Он тебе ничего не сделал? — склонилась ко мне Диля. — Я отошла всего на пять минут… На ужин была рыба, не хотела нести сюда запах…

— С тобой ещё поговорим, — Андрей Викторович прошёлся по медсестре холодным взглядом.

Глеб внезапно рассмеялся, хотя в голосе не было ничего, кроме злой иронии.

— Это уже не мой дом или что? — он запрокинул голову и посмотрел на отца блестящим взглядом. — Не думал я, что у тебя так рано маразм начнётся…

— Здесь ничего твоего нет и не будет, — ответил Андрей Викторович буднично, будто повторял эту фразу до того сотню раз.

Сам при этом выглядел почти точно так же опрятно и спокойно, как и всегда, когда я говорила с ним в больнице или

когда он показывал мне дом. Словно ничего особенного не произошло.

Смотреть на очередную историю под лозунгом “богатые тоже плачут” больше не было сил.

Я выдохнула и всё же решилась вставить своё слово, всё ещё не до конца понимая, почему у меня вообще вдруг появилось на это право:

— Он просто зашёл к себе в комнату. Откуда ему было знать, что я здесь?

— Он ничего тебе не сделал? — снова спросила Диля.

— Да кто ты такая? Почему я должен был что-то делать? — Глеб попытался подняться, но его отец резко надавил ему на плечо. Парень сцепил зубы и побледнел.

— Я всю новую прислугу предупредил о твоём характере. Ты бешеный пёс. И к тебе будут относиться соответствующе.

— Но… — голова закружилась, перед глазами поплыло, на мгновение я забыла, как дышать. Закашлялась до слёз, но всё же смогла договорить. — Он... Он был здесь недолго и уже собирался уходить.

Андрей Викторович моргнул и вдруг мгновенно изменился в лице. Натянул неестественную улыбку и похлопал сына по голове, словно собаку.

— Ах, так он ничего плохого не сделал. Это прекрасно! Значит, просто познакомились? Ничего страшного, Саша, не обращай внимания. Ему это нисколько не повредит. Сколько его помню — всегда любил драки устраивать. Это просто

профилактика и не более того. Чего ты сел? — мужчина отошёл от Глеба будто с брезгливостью. — Поднимайся и иди к себе. Уже поздно, нечего тревожить девочку.

— К себе — это куда?

Глеб с тёмной усмешкой на губах вытер кровь с лица рукавом и поднялся.

Он был почти таким же высоким, как отец, и в гораздо лучшей форме. Что-то мне подсказывало, что он легко бы мог ему ответить, но не делал этого.

— А я тебе не сказал? — Андрею Викторовичу будто доставляло особое удовольствие издеваться над сыном. — Одно время ты любил жить на цокольном этаже. Или не любил, а тупо бунтовал? Уже не помню… В любом случае я распорядился, чтобы все твои вещи отнесли туда. Очень уютное местечко, даром что рядом с гаражом.

— И в чём же причина? — спросил Глеб уже без эмоций. Он выглядел таким уставшим, что я даже на пару мгновений забыла о своём состоянии, ноющая нога и тошнота стали просто фоном. — Это я могу узнать?

Он вдруг перевёл на меня взгляд. В груди что-то неприятно ёкнуло.

Может быть, я просто надумывала, но в его глазах было слишком много всего. Боль, ненависть... стыд?

Мне было жаль, что это произошло. И что я это видела.

В груди словно застряло что-то острое, мешающее дышать. Я была здесь не к месту, лишней и чужой. А его отец

относился ко мне лучше, чем к родному сыну.

По крайней мере, он точно хотел это показать.

Вот только Глебу или мне?

— Не можешь. Теперь это комната Саши. Она была самой подходящей по размеру, с хорошей ванной, местом для оборудования и свободного перемещения на коляске. Нашлось пространство и для Дили, опять же. А ещё, — он вдруг усмехнулся, — здесь отличная лоджия. Ничего личного, Глеб. Я, видимо, был о тебе слишком хорошего мнения. Думал, ты уже мужчина, а не мальчик, который будет убиваться из-за комнаты.

— Не в этом же дело…

— Вот и прекрасно. Не суйся в мои дела. Ясно тебе?

Он схватил Глеба за плечо, явно намериваясь выпроводить его из комнаты, хотя тот, мрачный и даже потерянный, прекрасно ушёл бы сам.

С одной стороны, я надеялась, что они поскорее исчезнут за дверью, и я смогу спокойно справить нужду и обдумать всё, что произошло.

С другой — почему-то опасалась, что Андрей Викторович продолжит измываться над сыном в ином месте.

В любом случае выйти они не успели — в проходе появилась девушка с длинными красными волосами, мокрыми от воды. В ушах были белые беспроводные наушники. А обнажённое тело прикрывало одно лишь не слишком большое махровое полотенце.

Она выглядела довольной и игривой, пока не оглядела комнату и не вытащила из уха наушник. Ритмичная музыка доносилась даже до меня, хотя я сидела дальше всех от выхода.

Странное дело... Девушка явно заметила сильную перемену обстановки, но зачем-то сделала вид, что это не так:

— Эм, что тут такое? Здрасте, Андрей Викторович! А я тут… хотела у Глеба футболку взять. Забыла свою эту… ночнушку, представляете? А Глеб такой большой, мне его футболки по размеру как платья. Только вот… — её взгляд остановился на мне, заискивающее выражение на лице тут же изменилось, словно кто-то перелистнул слайд. — Это ещё кто?

Она оглядела меня от тапочек, что выдали ещё в больнице, до помятой футболки.

— Дочка кого-то из прислуги?

Глава 4

Саша.

— Моя гостья, Александра, — ответил Андрей Викторович ровно. — Саша, познакомься с Евой. Она подруга Глеба и дочь одного из моих близких друзей. Часто проводит здесь время, но тебя не побеспокоит. Правда же?

На этот вопрос девушка только кивнула. Не совсем уверенно.

Глеб перевёл взгляд с неё на меня, словно сравнивая нас. Может быть, я просто надумала, но мне стало неприятно.

— Так, значит, у тебя тут нет футболки? — Ева совершенно не смущалась своего вида ни перед старшими, ни перед парнем.

У неё было треугольное лицо, острые черты, глаза светлые и будто волчьи, тонкие, красивые губы. Невысокая, но с хорошей фигурой. Рядом с Глебом Ева смотрелась очень хорошо. И будто чтобы лишний раз подчеркнуть это, она подошла к нему ближе.

— Ты не думай, — продолжила девушка. — Я сразу заметила, что у тебя кровь. Хотела предложить тебе полотенце… Но тут дядя Андрей… Пойдём, покажешь, где поселился. Почему мне не отвечал? Написал бы сразу, я не приходила бы сюда.

Она не говорила, а буквально щебетала, так что нужно бы-

ло время, чтобы привыкнуть к такой манере речи и начать улавливать смысл слов.

Заметила кровь, значит. Её сложно было не заметить. Но не спросила о том, что случилось. Он что правда так часто дерётся? Или она поняла, что это дело рук его отца? Почему тогда ничего ему не сказала и так мило улыбалась?

В этом сумасшедшем доме это в порядке вещей?

— Идём уже, — процедил Глеб, взяв Еву за локоть и сделав шаг к выходу. — Здесь так тоскливо, обосраться можно. Ненавижу больницы.

— Да и на болезных смотреть — то ещё удовольствие, сразу аппетит пропадает, — подхватила Ева уже в коридоре.

— Не обращай на них внимания. Они немного старше тебя, но всё ещё ведут себя, как дети, — Андрей Викторович задержался и окинул меня придирчивым взглядом. — Как себя чувствуешь?

Я посмотрела на него с усталостью. Привычно пожала плечами, но вышло как-то ломано. Хотя самый серьёзный удар пришёлся на моё колено, боль периодически гуляла по всему телу.

— Нормально, — выдохнула и нажала на джойстик, чтобы подъехать чуть ближе к нему. Диля последовала за мной, нервничая и явно не понимая, куда деть руки. — Можно спросить кое-что, пока вы не ушли?

— Я сейчас занят. Только если один вопрос.

— Почему… почему не рассказали ему, что взяли надо

мной попечительство? Почему не объяснили, зачем помогли? Разве он не понял бы? И зачем было так его…

— Это, — Андрей Викторович мягко прервал меня и усмехнулся, — уже три вопроса, а то и четыре. Вот что, это касается только меня и тебя. Я не обязан отчитываться перед ним, и он хорошо должен это понимать. С ним не стоит ни на миг ослаблять поводок — глотку перегрызёт и не посмотрит, что я его отец. Тебе не нужно о нём думать. Я обо всём позабочусь. Поняла?

— Да, — отозвалась тихо. — Вы правы.

— Скажи, — он уже собирался выйти, но вдруг обернулся, — Глеб сильно истерил, когда не нашёл здесь своих шмоток?

Я распахнула глаза. В мыслях вспыхнула нехорошая догадка.

— Он выглядел… удивлённым, — отозвалась неуверенно.

— Ты не умеешь хорошо рассказывать, Саша. Впрочем, я рад что ты не такая болтливая, как Ева. От неё иногда голова раскалывается. Даже не знаю, буду ли рад, когда они с Глебом поженятся… Ладно, до завтра. Не бери в голову. Этому малолетнему идиоту хорошо иногда напоминать, где его место, чтобы не зарывался.

С этими словами, уже откровенно потешаясь, он наконец-то ушёл.

— Тебе помочь лечь в постель, дорогая? — заботливо

спросила Диля.

— Да, спасибо… Только можешь мне сначала помочь сходить в туалет? — попросила я скомкано, уже не надеясь, что у меня хватит сил справиться самой.

Потом я ещё долго не могла уснуть, размышляя о поведении Андрея Викторовича.

Я бы не удивилась, если бы узнала, что он сам искусственно создал всю эту ситуацию: то, что Диля отошла и то, что именно в тот момент в комнату вошёл Глеб.

Вряд ли он намеривался натравить сына на меня. Значит, сам знает, что он не такой уж и урод, каким его описывает всем вокруг.

Скорее всего, просто хотел над ним поиздеваться. Ведь решил меня перевезти он не вчера. И у него было достаточно времени уведомить обо всём своего сына. Не отчитываться, но хотя бы сказать где его вещи.

Тем не менее Андрей Викторович этого не сделал.

Раз он такой жестокий человек, почему решил помочь мне? Неужели только из-за того, о чём рассказал мне в больнице?

В тот момент, когда он предложил помочь с лечением, мне было плевать на своё будущее. Но я согласилась.

Согласилась, потому что знала, что этого хотела бы мама.

Я должна была жить дальше ради неё.

Помощь Андрея Викторовича виделась мне единственным шансом не загубить свою жизнь окончательно.

Но после той сцены с Глебом, по лицу которого текли струйки крови, я уже была не уверена, что поступила правильно.

Я бросила взгляд на окно. За стеклом по облакам плыла серебряная луна. Впервые с момента аварии мои мысли были не о прошлом, которого я лишилась, а о будущем, в котором меня явно подстерегали новые опасности.

***

— Да всё ясно, что тут ещё обсуждать? — я услышала голос Евы и поморщилась.

Был обед следующего дня. Диля сидела на лоджии и читала книгу. Я сама её отпустила. Не очень комфортно всё время чувствовать на себе обеспокоенный взгляд и отвечать на вопросы о самочувствии каждые десять минут.

Сама же лежала на кровати под капельницей. Её звук одновременно успокаивал и наводил на не самые приятные мысли. И тем не менее я бы слушала его дальше, не отвлекаясь на голос Евы.

Девушка явно стояла прямо за дверью. Знать бы ещё, чего ради.

Диля говорила, что она всегда останавливалась в одной из гостевых комнат на втором этаже, которую считала своей.

Моя же спальня — или спальня Глеба? — находилась на третьем.

— Ну, конечно, любовница. Не будь наивным-то таким. Кажется, Жанночке пора собирать манатки. Скажи, какая

мачеха тебе больше нравится? — она рассмеялась, но ей никто не ответил.

Через минуту Ева как ни в чём не бывало продолжила. Говорила по телефону?

— Ну, наверное, просто приезжал к ней раньше. Наскоками. А тут она попала в эту аварию, вот он и расчувствовался. А вообще, я думаю, что она специально это устроила. Сломала ногу, потому что поняла, что ей ничего нормального от старика не светит. Вот и решила как-нибудь форсировать события. Эта нищета только как не изголится ради денег… Просто стерва!

Я лишь крепче стиснула край простыни и уставилась в потолок.

Пусть говорит что хочет. Мне всё равно.

Вот только...

Глава 5

Саша.

Значит, вот оно как?

Любовница… Нищета изголяется ради денег… Сама себе ногу сломала…

Я быстро поняла, что Ева специально решила поболтать по телефону под дверью, чтобы насолить мне.

И думала, что мне будет всё равно.

Даже небрежно усмехнулась.

А потом почувствовала, как по щекам потекли слёзы.

Вспомнила раннее утро, когда мы ехали на моё выступление. На задних сидениях лежали сумки с костюмом, косметикой и новенькими коньками (мама потратила на них половину зарплаты).

Я была сонной и не в настроении. Сидела на переднем сидении, обнимая себя за ногу и устроив подбородок на коленке. Жутко хотелось кофе, но заехать за ним мы уже не успевали.

Мама пыталась меня подбадривать, но все её слова только раздражали.

— Конечно, всё будет отлично, — передразнила я. — Это не тебе сейчас выступать.

— По-своему, но я тоже вложилась в твою карьеру, — улыбнулась мама, кивая в сторону сумки, в которой лежали

коньки.

Конечно, дело было не только в них. Она вообще с первого дня и с большим трудом вкладывалась в то, чтобы у меня была возможность проявить себя в большом спорте.

Но и я, в свою очередь, занималась этим только ради неё.

— Если не выиграю, получится, что зря потратилась? Из-за этого переживаешь? Не думаешь, что вообще не стоило всё это начинать, если не тянешь?

На меня так сильно давили все наши надежды. Слишком многое стояло на кону. Мать тратила громадные усилия, время и деньги. Все старания вот-вот должны были начать окупаться с лихвой, но… я начала проигрывать.

При всей своей идеальной технике и даже старательно улыбаясь перед жюри.

С тех пор в маме что-то изменилось. Да и я сама была на взводе.

— Саша, — произнесла она, глядя на дорогу, — тебе просто... надоело, верно?

Я не успела ответить. Только открыла рот, чтобы продолжить перепалку. Уверенная, что это ерунда, что мы быстро помиримся, что когда-нибудь всё обязательно будет так, как раньше.

Иллюзия безмятежного прошлого, в которое всегда можно будет вернуться…

Этой иллюзии меня лишили.

Какой-то пьяный урод, который гулял всю ночь, врезался

в нас на полной скорости. Как выяснилось позже, он погиб моментально. Счастливчик.

Мама же, вся переломанная и в крови, ещё долго хрипела в перевёрнутой машине. Я приходила в сознание урывками и слышала её несколько тягостных мгновений, прежде чем снова вырубиться.

Иногда эти звуки до сих пор доносились до меня — в журчании воды, когда открывался кран, в звуках ночи, когда приходило время ложиться спать, и в самих снах тоже.

Пока Ева где-то в коридоре продолжала разговаривать, намеренно повышая голос, у меня сжималось сердце. Я никак не могла понять, почему мне так не повезло. Мы с мамой всегда были близки и редко ссорились. Так как одна из этих редких ссор выпала на последний момент её жизни?

Почему я была так уверена, что могу выливать на неё своё раздражение без последствий?

Теперь ведь… даже прощение не у кого попросить.

— Ладно, котик, — вздохнула Ева, — ты скоро будешь дома? Без тебя так скучно… Ага, давай.

Я уже было решила, что она собралась уйти, как вдруг дверь приоткрылась. Девушка высунулась и осторожно осмотрела комнату.

Хотела проверить, слышала ли я о её грязных подозрениях? Поразительная щепетильность…

Её взгляд остановился на мне. На губах тут же появилась усмешка.

— А, ты здесь… — легкомысленно протянула она. — Как дела? Лежишь?

— Что? — я ненадолго отвернулась, чтобы вытереть слёзы. Ещё не хватало, чтобы она думала, что это из-за её дурацких слов.

— В смысле что?

— Если ты что-то сказать хотела, то подойди поближе. А то, понимаешь, у меня со слухом плохо после аварии.

На Еве были короткие джинсовые шорты и шёлковый багровый топ. Шею украшала красивая цепочка, наверное, очень дорогая. Она хорошо выглядела и как будто имела всё, чего только могла желать. Так чего ж она так изменилась в лице, когда услышала про мою якобы глуховатость?

Стало так обидно, что придумала хороший план, а в итоге зря потратила время?

Почувствовала себя глупо?

— Капец, — Ева подошла ближе и скривилась. — Глухота это хуже всего, ты в курсе?

— А?

— Ну да, сколько приколов с немыми. Даже “Русалочка” есть. Для многих такой дефект у девушки — это даже плюс. Слепота, например, тоже полбеды. Обостряются другие чувства, и это даже эротично, не надо никакими повязками пользоваться. Конечно, если глаза на месте и просто не видят. А вот глухота… — она сделала ещё шаг, чтобы я точно услышала её незамысловатые оскорбления, — это прям

отстой. Какому парню понравится повторять по десять раз? Ты будешь очень сильно всех раздражать. В конце концов, все просто забудут твоё имя. Так и будешь просто "глухоманью" или "тетерей", ха-ха!

— Ева… — я приподнялась и хмуро уставилась на неё.

— Чего?

— Ты такая громкая. Тебя даже контуженный услышит без проблем!

Смотреть на её наглое лицо было невыносимо. Я даже не подумала, что нас с Андреем Викторовичем можно было связать таким образом. Неужели здесь все такие испорченные, что других вариантов просто в голову не пришло?

— А, — улыбнулась Ева, — так ты правда всё слышала? Зачем подслушивала наш с Глебом разговор? Ты словно крыса, которая поселилась в наших стенах.

Последнюю фразу она явно репетировала. Такие старания… Вот только чего ради?

— А что, — продолжила Ева, — что-то не так? Ты явно приложила много усилий, чтобы попасть сюда. Разве тебе не хотелось бы, чтобы это кто-то отметил?

Приложила много усилий? В ушах зазвенело.

Тогда мама спрашивала, не специально ли я стала проигрывать. Не проигрывала ли на самом деле потому, что не хотела больше заниматься фигурным катанием.

А я не хотела и хотела одновременно. Но в тот конкретный раз я бы многое отдала, чтобы так и не попасть на вы-

ступление.

И… не попала.

Может быть, это действительно случилось из-за меня?

Могла ли я как-то притянуть несчастный случай?

Я была под сильными обезболивающими, эта мысль показалась мне логичной и, более того, правдивой. Ощущение ещё большей вины, тяжёлой, неподъёмной, накрыло с головой.

Я закричала и схватила книгу, которая лежала на тумбе. Увесистый том “Истории XIX века”. Он полетел Еве прямо в голову.

Рука заныла от острой боли. В глазах на миг потемнело.

От шока она, наконец-то, заткнулась, а я опустила взгляд на свою руку и поняла, что проткнула её иглой насквозь.

— Да ты… что ты творишь! — всё-таки молчание длилось недолго. — Сумасшедшая! Я сейчас же расскажу обо всём дяде Андрею и своему отцу. Тебя просто вышвырнут.

— Он вышвырнет свою любовницу? — я усмехнулась ломано, чувствуя себя просто отвратительно.

— Ты всего лишь временная подстилка, — бросила Ева, прежде чем наконец-то уйти, — а я член семьи. Большая разница.

Глава 6

Глеб.

— Скажи как есть Игорь, — я сидел на диване в своей старой комнате с кирпичными стенами и разговаривал с помощником отца по видеосвязи, — это он был тем человеком, который сбил девчонку?

С того момента, как мы с Сашей познакомились, прошло пару часов. Ева до последнего не хотела уходить, но мне всё-таки удалось её выпроводить.

Смотреть было противно на её возмущения. К ней это всё не имело никакого грёбаного отношения.

И если она до сих пор думает иначе, то у меня для неё плохие новости…

Впрочем, в сторону Евы и её нелепых потуг в очередной раз меня соблазнить, даже думать было лень.

— Ты про отца? — Игорь, вечно аккуратный брюнет лет тридцати, в этот раз выглядел помятым. Наверное, бедолага наивно полагал, что сможет выспаться в свой выходной. Это даже забавно.

Я кивнул. С тёмных волос на экран попала капля воды. Вместо моего джакузи здесь был только старый душ, так что расслабиться после долгой дороги не вышло.

Мысль про причастность отца к аварии казалась мне самым логичным объяснением ситуации. И самым приятным,

что скрывать. По крайней мере, это подсветило бы его нежелание говорить о Саше подробнее.

И гарантировало бы, что девчонка не останется в доме надолго и никак мне не навредит.

— Решил, что поэтому он оплатил ей лечение? — Игорь зевнул. — Нет, Глеб, мы были на сделке в этот момент. В другом городе. Он здесь ни при чём.

Я напрягся. Терпеть не мог неясность.

Слишком легко можно было представить, что отец способен кого-то переехать и тут же замять эту ситуацию хорошей денежной компенсацией. Лучшее лечение, личная сиделка, даже комната сына… На что только не пойдёшь, чтобы не судиться.

— А его водила?

— Исключено.

— Реально? — я уже видел по его лицу, что это была правда. Слишком хорошо его знал. Но почему-то продолжил упираться. — Не говорите как есть, потому что боитесь, что буду шантажировать или что?

Игорь буквально махнул на меня рукой и принялся поправлять волосы, словно и не собирался продолжать спать, как только я перестану его доставать.

— Водитель той машины скончался на месте. Какой-то мажорчик, но не из нашего круга. Был пьяным и не только. Отдыхал всю ночь, ехал под утро домой, наверное. И то ли заснул, то ли ещё что. Андрей Викторович был в больнице

по работе, узнал про девочку случайно, решил помочь. А почему тебя это так интересует?

Отвечать, что у меня отжали комнату, было просто тупо. Да и самого за пару часов уже так достала эта тема, что хоть вешайся.

Дело-то не в спальне.

У меня и без того были дерьмовые отношения с отцом. С каждым днём они становились всё хуже, точно так же как хуже становилось и самому отцу. Он болен, и довольно серьёзно.

Мне всё больше стало казаться, что я уже ничего не исправлю.

А тут ещё и непонятная девчонка, к которой у него явно какой-то нездоровый интерес.

Я просто хотел понять, какого чёрта начало происходить вокруг.

Но объяснять всё это Игорю не стал. Просто спросил:

— А что с ней? Что врачи сказали-то?

— С кем? С Александрой? Что-то с коленом. И так по мелочи. Давай тебе заключение врача скину. Об остальном завтра поговорим, — он снова зевнул. — Мне вставать в шесть утра, Глеб, имей совесть. Все с ней как с ума посходили…

— Так а я о чём? — усмехнулся. — Давай.

Он отключился и через пару минут скинул мне пдф-файл. Вот так, никакой тайны пациента просто не будет существовать, если врачи работают на моего отца.

Игорь всегда старался быть мне полезным, потому что знал, что в конце концов будет работать уже на меня.

Хотя после сегодняшнего я уже начал в этом сомневаться…

Устроившись на диване поудобнее с банкой колы, я принялся читать документ. Нужную инфу умел вычленять довольно хорошо, поэтому быстро добрался до сути.

Сложнее было понять, с какого перепуга я вообще этим озаботился. Подходить к ней ведь больше не собирался. Детали её здоровья не могли ответить на все мои вопросы, но идея узнать, из-за чего она тогда закричала, казалась важной.

— Закрытый оскольчатый перелом задней стенки правой вертлужной впадины со смещением. Задний вывих правого бедра. Сотрясение головного мозга. Множественные ушибы мягких тканей туловища и конечностей, ссадины и рвано-ушибленная рана мягких тканей лица. Посттравматическое растяжение мягких тканей шейно-поясничного отдела позвоночника, мышечно-тонический синдром.… — повторил вслух, чтобы лучше запомнить. — Ясно, почему она такая дёрганная, — соврал сам себе, ясно нихрена не было. — Но это же не смертельно… Эй…

Тут же написал Игорю:

“Так я не понял, ходить-то она сможет?”

Ответ последовал уже через несколько секунд. Какой исполнительный!

“Там вроде было написано, что да. Чем читаешь. Через

три-четыре месяца сможет. А вот про спорт ей придётся забыть".

— Про спорт? — я выгнул бровь.

Саша не особо напоминала спортсменку.

"Какой ещё спорт?", — напечатал тут же.

Но засранец уже не отвечал. Уснул, наверное.

Я ещё полчаса погуглил все составляющие диагноза, более или менее разобрался. Основной удар при аварии пришёлся на одно колено, вторую ногу она удачно прижимала к себе. Конечно, головой тоже ударилась. Было сотрясение. И с позвоночником небольшие проблемы, так что ей действительно могло быть неудобно даже голову поворачивать.

А я заставил её это сделать.

В очередной раз почувствовал себя скотиной. Ну и ладно.

Сам не понял, как вырубился с телефоном в руках. Мне снилось что-то неприятное, липкое и громкое. А потом серо-зелёные глаза и колкий смех…

***

Я возвращался домой, когда мне на уши по телефону присела Ева. До того катался по делам. И зачем только поднял трубку?

Она предположила, что Саша — любовница отца. Сначала это показалось нелепым. Девчонка не была похожа на его типаж.

Эталоном для него была нынешняя жена, Жанна. Он любил тонкие кости, минимум жира, чтобы руки под солнцем

едва ли не просвечивались. Девушки должны быть выше метра восьмидесяти. Темноволосые и темноглазые.

Моя мачеха была такой и женщины до неё тоже. Если бы их выставили в ряд, не знаю, узнал бы отец свою жену с первого раза или нет.

С другой стороны, непонятно, что могло взбрести ему в голову на старости лет. Моя мать не была похожа на Жанну, например. Может быть, у него это эрами происходит. В одно десятилетие он предпочитал одних девушек, в другое — других.

По крайней мере, это бы прозаично объясняло его поведение. Если бы это оказалось правдой, мне не пришлось бы ломать голову дальше.

Но приятного в таком выводе было мало.

— Вот и думай, на что она ещё пойдёт, раз даже не побоялась себе ногу сломать, — продолжила Ева. — Твой отец, кажется, не собирается к тебе смягчаться, Глеб. Это меня очень беспокоит, если честно.

— О чём ты вообще?

— Кто знает, может одной комнатой дело не ограничится. Не успеешь оглянуться, как её имя окажется первым в списке его завещания. Что тогда будешь делать?

Я съехал на обочину и остановил тачку.

— Глеб? — прошептала Ева. — Чего замолчал?

В ответ она услышала смех, который уже было невозможно сдерживать. В какой-то момент у меня даже заболели рёб-

ра. Чёрт. А это забавно. Она такая забавная.

— Чего ржёшь?

— Да ничего. Просто хотел сказать: иди нахрен, Ева.

Глава 7

Саша.

— Головные боли в твоём случае вполне себе ожидаемы, — произнёс Роман Иванович без особых эмоций. — Попробую выписать тебе таблетки, у которых другой принцип действия, чтобы облегчить состояние. Если боль будет только усиливаться, назначу повторный МРТ.

Это доктор из больницы, которую спонсирует Андрей Викторович. Они договорились, что он будет приезжать раз в какое-то время, чтобы отслеживать прогресс и корректировать планы по лечению при необходимости.

Кажется, он хорош в своём деле. Даже слишком для меня.

Пусть травмы и не самые приятные, мой случай едва ли был таким особенным и сложным, чтобы оправдать столь пристальное внимание.

— Думаете, может появиться что-то вроде опухоли?

Я выгнула бровь и приподняла голову, чтобы окинуть его взглядом. Роман Иванович был невысоким худощавым мужчиной лет тридцати пяти, у него были пшеничные волосы чуть ниже плеч, собранные в низкий хвост, полукруглые очки на кончике острого носа, блёклые серые глаза с холодным, отрешённым взглядом. Последний я видела и у себя в зеркале.

В этом плане мы очень подходили друг другу, как врач и

пациентка: ему было плевать на всё и всех вокруг, мне тоже — и на себя в том числе.

Будто из-за этого тёплая и мягкая Диля, что сидела на стуле рядом с кроватью, так сильно нервничала.

— Тебе не нужно думать об этом, — ответил Роман Иванович, делая пометки в моей медкарте. — Андрей Викторович не хотел бы, чтобы ты волновалась.

— Да ведь и нет причин для волнения! — вставила Диля, которой явно хотелось сделать формулировки доктора немного бережнее. — Я помню, какой ты была, когда меня только к тебе приставили, Сашенька. Сейчас совсем другое дело. Идёшь на поправку.

Доктор скептически хмыкнул. Впрочем, мне показалось, что по-другому это делать он в принципе не умел.

Я слышала от другой медсестры, что он долго работал в городской больнице в неотложке, прежде чем перейти в платную элитную клинику. На первом месте работы ему явно было не до сантиментов, там и за несколько месяцев легко загрубеть и зачерстветь — не то что лет. Для него я была очередным безликим набором болячек. С той лишь разницей, что за моё персональное лечение наверняка хорошо платили.

Диля же была именно медсестрой-сиделкой, она часто проводила со своими пациентами месяца и сильно с ними сближалась. Ей основная работа заключалась в том, чтобы сделать мою жизнь комфортнее, вот она и старалась изо всех

сил.

Решила, наверное, что я испугана и меня надо поддержать. Как это мило и бессмысленно. Самое страшное я уже пережила, так что мне было всё равно.

Я улыбнулась ей и ничего не сказала. Только сильнее сжала холодными, липкими пальцами белую простыню.

За окном было солнечно, впервые за долгое время мне захотелось подышать свежим воздухом на улице, а не сидеть на кровати, считая минуты до того, как меня смогут оставить в покое.

— Часто тошнит?

— Так же.

— При каких обстоятельствах в основном?

— Если сажусь, но она быстро проходит. От резких запахов. Еды, духов… Ещё от громких звуков. И разговоров тоже, — я опустила глаза и неловко улыбнулась.

— Понимаю, — отозвался Роман Иванович, видимо, в шутку, но прозвучало это серьёзно. — Это нормально, что тебя утомляют разговоры. По этой причине я и не заставляю тебя работать с психотерапевтом прямо сейчас.

Позади тут же раздался хрипящий и булькающий звук. На грани слышимости, но безумно навязчивый. Мне стало не по себе, и я покрепче стиснула зубы.

Иногда голова была пустой, а иногда на меня накатывали тяжёлые и очень мрачные мысли, от которых было негде спрятаться.

Мне каждую ночь снились кошмары.

Иногда я просыпалась и несколько тягучих минут не могла понять, где находилась.

И всё же… обсуждать всё это я была не готова.

— Со мной всё в порядке, — ответила так твёрдо, как только могла.

Но Роман Иванович проигнорировал это, видимо, даже не сочтя нужным убеждать меня в обратном. Для него всё было очевидно. И это… отрезвляло.

— Результаты анализов не слишком изменились с прошлого раза. Гемоглобин пока ниже нормы, но ничего критичного. Воспалительных признаков нет. Шов выглядит хорошо. Отёк вокруг колена уменьшается. С рукой тоже всё обошлось.

Мы с Дилей переглянулись.

Кажется, она всё ещё чувствовала себя виноватой. Когда Ева ушла, женщина тут же оказалась рядом и принялась помогать: вытащила иглу, обработала ранку и заклеила её пластырем.

Она призналась, что слышала нашу перепалку, но не решилась сразу вмешиваться. Не думала, что мне могут нанести физический вред, поэтому стояла в стороне. И правильно, вообще-то, я навредила себе сама.

У Дили умер муж в прошлом году, она осталась с детьми одна. Из родственников была только мать, за которой тоже требовался уход. Эта работа была для неё отличной возмож-

ностью. И она опасалась ссориться с Евой.

Ведь если мне так никто и ничего не сказал, несмотря на её угрозы вышвырнуть меня из дома, то Дилю она могла бы легко попросить заменить, если бы та попалась ей под руку.

Ева выглядела как девушка, которой никто и никогда не отказывал, так что я не обижалась на Дилю.

Я сама была ребёнком такой вот матери, на которой всё держалось и для которой потерять работу означало потерять будущее.

— Это просто мелочь, — ответила я доктору, имея в виду свою проткнутую руку.

— Да ладно, — вздохнул он, — чем больше таких мелочей, тем больше у меня зарплата.

Диля переменилась в лице, а Роман Иванович впервые пусть и не улыбнулся, но усмехнулся.

— Шучу, что вы такая впечатлительная? Мне выгоднее, чтобы Саша не совершала сумасбродных поступков. В конце концов, что делать врачам, если у них закончатся пациентки?

Намекнул на то, что я намеренно себе навредила?

Я решила никак на это не отвечать. К счастью, он и не собирался продолжать тему.

— На следующую неделю рекомендации прежние, — продолжил он. — Режим щадящий. Никакой нагрузки на правую ногу. Пересаживания только с помощью, если боль выраженная. Обезболивающее по схеме, а не тогда, когда со-

всем невмоготу. Свет и шум ограничить. Упражнения на дыхание — каждый день. Шейно-поясничный отдел не перегружать. Голову резко не поворачивать. Станет критично хуже — пишите. Александра, есть ко мне ещё какие-нибудь вопросы?

Я осторожно покачала головой.

Нет, он ещё в больнице мне сказал всё самое важное. Стоять на ногах смогу через минимум три, а то и четыре месяца. Какое-то время ещё, конечно, буду хромать. А, ну и ранние хронические боли и прочие болячки после таких серьёзных травм мне обеспечены.

А вот про фигурное катание точно придётся забыть.

С шести лет я занималась только двумя вещами: спортом и учёбой. Ещё тогда знала, что мне нужно приложить все усилия ради того, чтобы вытащить маму из нищеты.

“Вдвоём мы выкарабкаемся” — так она говорила.

Почаще бы вспоминать подобные слова, а не жуткие предсмертные звуки…

В любом случае, с перспективой стать чемпионкой я уже попрощалась.

Не успела как следует оплакать потраченные на это годы ранних подъёмов, соперничества, крови и пота. Наверное, у меня ещё будет на это время.

Теперь оставалось надеяться лишь на учёбу, как на билет в нормальную жизнь. Авария выбила меня из колеи, но благодаря усилиям Андрея Викторовича, я снова могла зани-

маться.

Вот только… я больше не знала, ради чего.

На прикроватном столике лежала пара учебников. Я вчитывалась в параграфы механически, отчасти пытаясь забыться, отчасти понимая, что обучение только больше заставляет роиться в голове вопросы о том, какой теперь во всём этом смысл.

Теперь, когда мамы нет рядом…

Доктор ушёл, но я недолго оставалась только с Дилей. После стука для проформы в спальню вошёл Андрей Викторович.

— Диля, — позвал он и женщина вздрогнула. Наверняка всё ещё из-за ситуации с Евой. Я нахмурилась, уже готовясь её защищать. Хотя и помнила, что за ту сцену с Глебом, например, не последовало никакого выговора. — Если Саше прямо сейчас ничего не нужно, выйди ненадолго. Пообедай. Мне нужно с ней поговорить.

Сиделка посмотрела на меня, и я кивнула.

Когда она нас покинула, Андрей сел на её место, осмотрел комнату и протянул мне кое-что из пакета, который я не сразу заметила. Это был тонкий и очень лёгкий белый ноутбук. От неожиданности я едва смогла удержать его в пальцах.

— Зачем?

— Для учёбы и чтобы не скучать, — он вдруг улыбнулся. — Всё уже настроено под тебя. Также обрати внимание на папку с документами. Хочу чтобы ты начала её изучать.

— Что там? — я слегка нахмурилась и подрагивающими пальцами открыла крышку ноутбука.

Вдруг испугалась, что сделаю это слишком резко и сломаю дорогую вещь.

— Структура холдинга, направления, дочерние компании, несколько базовых отчётов, несколько людей, которых нужно запомнить. Ничего сложного. Для начала.

— Не понимаю…

Я замялась, чувствуя, как по телу разлилась холодная тревога. Всё это было очень странно.

— Тебе сейчас и не нужно.

***

Глеб.

Я знал, что отец собирался проведать Сашу после врача. Игорь проболтался.

Так что у меня было время, чтобы найти ключи, подняться на третий этаж и через кладовую зайти на лоджию, из которой можно было услышать, о чём будет их разговор.

Я не особо опасался, что отец может пожелать полюбоваться видами или что-то в этом роде.

Казалось, что если в очередной раз вмажет — я даже не почувствую.

Дойдя до двери к Сашиной комнате (я слишком быстро привык к этой мысли) и устроившись под окном так, чтобы меня не было видно, вдруг вспомнил тот вечер, когда запачкал стены и пол своей кровью.

Меня уже не злило, что он это сделал.

Бесило всё ещё, что сделал при ней.

Знать бы, с какого перепуга меня так это волнует.

В любом случае будет лучше сосредоточиться на их разговоре.

Что-то подсказывало, что поведение отца наедине с Сашей всё окончательно прояснит.

Только вот я не был уверен, буду ли готов к тому, что в итоге услышу…

Глава 8

Саша.

— Андрей Викторович, — я перевела опасливый взгляд с экрана на мужчину, — думаю, что это всё уже выходит за рамки… нашего первоначального уговора.

— Правда? — он усмехнулся и поднялся с трудом, уперев ладони в колени. Было сложно представить, что этот человек несколько дней назад легко избил такого здорового парня, как Глеб. — По-моему всё вполне себе в рамках.

Я вспомнила тот день, когда меня срочно повезли на операцию, потому что сделали рентген и поняли, что всё гораздо плачевнее, чем ожидалось.

Тогда мне сделали наркоз в обычной государственной больнице, а очнулась я уже в личной просторной палате, где один незнакомец в белом халате говорил о чём-то с другим незнакомцем в чёрном пиджаке.

Этот момент — лишь один урывок из множества, когда я то засыпала, то просыпалась.

Но когда окончательно пришла в себя, доктором оказался Роман Иванович, а незнакомым мужчиной — Андрей Викторович. Он сидел рядом, дремал и держал меня за руку.

Сначала я подумала, что уже где-то видела его лицо. Но где именно вспомнить не смогла.

А потом накатили уже другие, куда более важные и болез-

ненные воспоминания.

Двое суток я была не в себе, и мы не могли нормально поговорить. Потом чувства просто заморозились. Словно психика решила таким образом защитить себя.

Я просто смотрела в стену. Больше не плакала. Ни с кем не говорила.

“Александра, — в палату вошёл Андрей Викторович, он был моим самым частым гостем, но меня абсолютно не интересовало, кто он такой, — тебе пора задуматься о своём будущем…”

Я не ответила.

“Прогнозы у врачей положительные, тебе повезло. Несколько месяцев — и будешь ходить почти как раньше”.

Ну и что? На тот момент я не боялась навсегда остаться инвалидом. Даже не думала об этом.

“Наверное, тебе интересно, почему ты в этой клинике и кто я такой…”

Нет, вы ошиблись, неинтересно.

“Я очень хорошо знал Алёну, твою маму…”

Только тут он смог привлечь моё внимание. Я перевела на него взгляд. В горле застрял ком, ответить не получилось. Но мне хотелось узнать, что он скажет дальше.

“Вот, посмотри-ка сюда, девочка, — он вдруг достал из бумажника потёртое старое фото и показал мне. Судя по характерной картинке, снимок был сделан лет двадцать назад. Ещё на плёнку. Там была моя мама. Молодая, с выкрашен-

ными в ужасный блонд волосами, явно накрученными на бигуди. С косметикой. Улыбалась. А этот человек её обнимал. Странно, но он почти не изменился. Только волос тогда было больше. — Веришь теперь? Ты, наверное, даже помнишь меня. Я приходил несколько раз, когда ты была маленькая. Приносил тебе гостинцы".

"Не помню, — отозвалась я хрипло. — Не совсем."

"Ну ничего, ты тогда была совсем малышкой."

"Она ничего про вас не рассказывала…"

"А про многих других друзей рассказывала?"

Мама вообще не особо сильно любила говорить о жизни до меня. Так что его аргумент был весомым.

Тогда мне стало хуже, и мы не смогли договорить. Но Андрей Викторович продолжал приходить. Мы немного общались. Он объяснил, что узнал обо мне случайно и решил помочь. Заверил меня, что ему ничего это не стоило.

Я отреагировала спокойно. Мне было всё равно. Не чувствовала благодарности, не чувствовала себя обязанной. Казалось, что это была просто его прихоть, и меня она касалась лишь опосредованно.

Примерно такая же реакция была и на следующее его предложение:

"Я обязан о тебе позаботиться. Предоставить тебе лучший уход. Думаю, тебе будет лучше переехать в мой особняк. У тебя будет отдельная комната и сиделка. Так я смогу помогать тебе, не приезжая каждый раз в больницу".

“Вам и не обязательно приезжать, — ответила тихо, без тени вежливости. — Денег было бы достаточно”.

Он усмехнулся, словно ему это понравилось.

“Саша… это не совсем удобно. И ещё — тебе пока нет восемнадцати. У тебя не осталось родственников, и сейчас в органах опеки решается твоя судьба. Я мог бы взять над тобой попечительство. Все документы готовы, у меня есть все условия. Позволь помочь тебе. Я поставлю тебя на ноги и помогу с учёбой. Твоя мама хотела бы этого”.

“Не говорите за неё, — я нахмурилась. — Не понимаю всё же, к чему такие старания…”

“Если честно, ты поможешь мне этим не меньше, чем я тебе. Твоя мать была очень дорогим для меня человеком. Видишь ли, я болен. Сердце. Через несколько месяцев сложная операция, не уверен, что переживу её. Я знаю, что она желала для тебя только лучшего. Без помощи эта авария… сильно отбросит тебя назад. Я дам тебе возможность восстановиться. Тебе нечего опасаться — попечительство продлится не больше двух месяцев, но оно позволит мне о тебе позаботиться на законных основаниях.”

Тогда я пусть и не сразу, но согласилась. Только ради мамы. Мне казалось, что это единственная возможность сделать так, чтобы все её усилия не пропали даром.

— Вы не говорили, что я буду жить в комнате Глеба, — я посмотрела в глаза Андрею Викторовичу, чтобы лучше сконцентрироваться и отогнать болезненные воспоминания.

— Какое это имеет значение? Глеб большую часть времени будет проводить у друзей. И не в подвал же я его сплавил. Там тоже неплохие такие хоромы.

— И всё же мне как-то не по себе… Наверное, меня лучше было бы поселить в гостевой комнате.

— На втором этаже напротив Евы? Она бы тебе покоя не дала. Я обещал помочь, а не искалечить сильнее. К тому же тут уже созданы все условия для тебя. Ты лучше, — его тон вдруг стал резче, — не думай о нём вовсе. Для тебя его не должно существовать. Это всё касается только нас: меня и тебя.

Я вздохнула. Лично мне Андрей Викторович ещё ничего плохого не сделал, но от его слов по коже пробежали холодные мурашки.

— А файлы? Для чего мне их изучать? Вы не говорили об этом раньше.

— Ты очень разумная девочка с аналитическим складом ума. Если бы не фигурное катание, смогла бы перескочить на пару классов и уже учиться в университете.

— Откуда вы это знаете? Я была отличницей. Как и многие другие в моей школе. Ничего особенного.

— Только вот твои характеристики и результаты тестов говорят об обратном. Не удивляйся так. Ты не сразу пришла в себя, мне было интересно, что ты за человек. Вот и навёл справки. У тебя всё в порядке со способностями, осталось только научиться правильно ими пользоваться, потому как

ум сам по себе не гарантирует успеха.

— Мне это известно.

Он кивнул и продолжил мягко, но уверенно:

— Ты отлично подготовлена к вступительным экзаменам. Дальнейшее обучение, скорее всего, будет казаться тебе скучным. Изучи информацию о моём холдинге. Позже вернусь и задам пару вопросов. Уверен, это отвлечёт тебя больше, чем талмуды по истории.

— Если хотели найти способ меня развлечь, могли бы поиграть со мной в шахматы, — я неуверенно улыбнулась.

— Это тоже можно будет устроить.

Он подошёл ближе и задумчиво коснулся моих волос. Погладил по голове, провёл пальцем по виску. Чуть ниже начинался шрам.

Я отшатнулась и от неожиданности прикусила язык до крови. Взгляд мужчины был затуманен, словно он не отдавал себе отчёта в действиях. В движениях не было ничего такого, но мне стало неприятно.

— Шрам хорошо заживает, — заключил он холодно. — Будет аккуратная тонкая полоска. Потом отшлифуем лазером и ничего заметно не будет вовсе.

Я хотела попросить его больше меня не трогать, но мысль сбилась и вышло ответить только на его последние слова:

— Меня это мало волнует, Андрей Викторович.

Он рассмеялся бархатно и немного хрипло.

— Не говори глупости, Саша. Ты *очень красивая*. Не за-

бывай об этом. В нашем мире, что угодно может стать оружием, если использовать это с умом.

— Значит, это ваше желание, как моего… — хотела сказать "попечителя", но почему-то замялась. Головная боль, тошнота, таблетки — всё это делало меня заторможенной. — Мне нужно быть красивой и изучать структуру вашего холдинга?

— Да… И ещё кое-что.

Мужчина склонился надо мной и сказал тихо, проникновенно, глядя мне прямо в глаза:

— Не падай духом.

Я успела только моргнуть, как он отстранился и направился к двери.

— Помни, пока ты со мной, тебе нечего опасаться. Я о тебе позабочусь, — бросил напоследок. — Позову Дилю, пусть не оставляет тебя одну.

Как только он сказал это и вышел, я заметила какое-то движение за окном. Присмотрелась и вздрогнула от неожиданности. За стеклянной дверью, ведущей на лоджию, стоял Глеб.

Он прожигал меня взглядом и не двигался.

Как он там оказался? И давно ли?

Я нахмурилась, ничего не понимая. На мгновение решила, что у меня окончательно поехала крыша. Но парень оставался на месте, сколько бы я ни отводила и возвращала ему взгляд.

Жутко хотелось пить и спать, но тревога была сильнее. Я попыталась пересесть с кровати в кресло, и в этот раз у меня вышло с первой попытки. Боль охватила тело, особенную нижнюю часть и спину, и я сильно зажмурилась в глупой попытке перетерпеть.

Прежде чем открыла глаза, услышала щелчок. Парень открыл дверь и вошёл в спальню с таким видом, будто вот-вот на меня набросится.

— Ну привет, — ухмыльнулся он, — *красотка*.

Я не успела опомниться, как он оказался рядом и положил ладони на подлокотники кресла, рассматривая меня одновременно холодно и жадно.

Глава 9

Саша.

— Глеб… — его имя сорвалось с губ само собой.

— Что? — выдохнул он. — Снова потребуешь, чтобы я ушёл, да?

Я попыталась повернуть голову, чтобы бросить взгляд на закрытую дверь. Диля должна была вот-вот вернуться.

Глеб ударил ладонью по спинке кресла рядом с моим лицом, заставив вновь обратить на себя внимание.

Я вздрогнула от неожиданности и сжалась, на что он только злобно осклабился.

— Хочешь позвать на помощь или как?

— На помощь? — я посмотрела в его красивые синие глаза и вдруг расслабилась.

Лишние мельтешения только причиняли дискомфорт. Надо было лишь устроить затылок на маленькой ортопедической подушке, не вертеть головой и ровно, глубоко дышать, чтобы забыть о гуляющей по телу боли и почувствовать себя почти нормально. Вышло вполне удобно. Парень занял приемлемую для разговора позицию.

— Не собираюсь я никого звать, — продолжила сразу же, как перевела дух. — Если сейчас не выскажешься, потом всё равно ведь снова припрёшься… Не понимаю только, почему вы все ко прицепились.

На лице всё ещё была жуткая ухмылка, но взгляд у него мгновенно потемнел.

— Хватит уже делать вид, что ты ничего не понимаешь, маленькая дрянь, — выплюнул Глеб. — Хочешь сказать, что тебя ничего не связывает с моим отцом? Что просто так оказалась в доме такого человека, да? И совсем ничего для этого не сделала?

Губы непроизвольно растянулись в улыбке. Как же мне это осточертело.

— Да что за дерьмо у тебя в голове? Тоже думаешь, что я каким-то образом специально сломала ногу, чтобы поселиться в твоей дурацкой комнате? Какой же бред… Зато я теперь куда лучше понимаю твоего отца.

— С чего это?

— Он прав насчёт тебя. Тебе лечиться надо. Придурок…

— С больной головы на здоровую не вали… Я знаю про аварию. Вряд ли ты могла такое провернуть по своей воле.

— Тогда почему своей невесте не рассказал? — я вдруг вспомнила дебильное поведение Евы и разозлилась ещё больше.

— Невесте? — Глеб нахмурился, будто я сказала что-то нелепое и выбила его из разговора. — Ты про Еву? Она здесь вообще при чём? Хочешь время оттянуть? Может, лучше расскажешь, кто ты на самом деле такая?

— Я уже отвечала… Никто. Если тебя не устраивает, скажи мне, что хочешь услышать? Какой ответ тебя удовлетво-

рит? Я назовусь кем захочешь, лишь бы ты уже наконец-то от меня отстал!

Он рассмеялся и вдруг склонился ближе, коснувшись моих волос и накручивая локон на палец. Странно, но это не вызывало во мне таких неприятных чувств, как когда почти то же самое делал Андрей Викторович.

— Ну да, так обычно и бывает. Для маленькой мисс Никто лучшие врачи и личная сиделка. Её же мой отец наедине называет красивой и трогает, как ему нравится. А она и не сопротивляется, словно это в порядке вещей. За деньги на всё готова?

— Боже… — я поморщилась. — Тебе самому не смешно?

— Смешно было. Пока не увидел вас вдвоём. Только не понимаю, почему ты ему выкаешь. Это такая игра? Или вы ещё в процессе перехода на “ты”?

Глядя мне в глаза, он несколько раз слегка подёргал за прядку, вынуждая скорее ответить.

— Вырви уже клок и успокойся, — я прикрыла глаза. — Всё равно все волосы выпадут через несколько месяцев.

— Больно надо, — он будто осёкся и немного отстранился. — Знаешь, что ещё странно? Это обычное дело по-твоему, что маленькую никчёмную девчонку просят прочитать и запомнить информацию о бизнесе влиятельного человека? Никогда не слышал, чтобы он посвящал в свои дела ту же Жанну.

— Я… — запнулась, картинка перед глазами начала

плыть, накатила тошнота.

Глеб буравил меня нетерпеливым взглядом.

— Что, не знаешь, что сказать? Ты затеяла очень опасную игру, Саня. Не стоило связываться с моим папашей. Впрочем, это самый удачный момент, чтобы всё-таки попытаться…

— Почему?

— Сама знаешь. Он в последнее время не в себе. Может быть, тебе и удалось найти в нём струну, за которую ещё можно подёргать. Допускаю даже, что это произошло случайно. И ты вцепилась в этот шанс. В твоём-то положении — не удивительно. Думаешь одурачить его ради должности в компании? Или хочешь чего-то большего?

— Глеб… — я вздохнула и коснулась ладонью его руки. Будто надеясь, что так до него лучше дойдут мои слова. — Это ваши с ним дела. Не знаю я, чего он хочет, но я ничего не хочу. Вообще, — усмехнулась мрачно. — Решай свои проблемы с ним сам. Я не знаю, что у вас произошло, но хватит вмешивать в это меня!

— Не знаешь, что у нас произошло? — он оттолкнул мою руку, будто с брезгливостью. — Но знаешь точно, что произошло у вас с ним. Что-то же касается только, мать вашу, вас двоих. Интересно, что.

— Так кто я, по-твоему? Любовница? Охотница за деньгами? Или та, кто нашла хитровыделанный способ получить хорошую должность в вашей бизнес-империи? Сам-то не за-

путался в своих обвинениях?

— А я не знаю, — отчеканил он, — в этом-то и проблема.

За дверью послышались шаги. Я обратила на это внимание и тут же зашипела и задёргалась: Глеб приблизился и закрыл мне рот ладонью, чтобы не закричала. Как будто я собиралась!

Его взгляд заострился. Может быть, он хотел со мной что-то сделать и при этом не привлекать внимание?

Но за дверью наверняка уже была моя сиделка, и она вот-вот…

— Диля! — послышался звонкий голос Евы. — Вас же так зовут? А ну-ка подойдите сюда, будьте добры…

Кажется, Диля замешкалась, но затем шаги всё же отдалились.

Значит, всё было спланировано?

Его невеста стояла за дверью и следила за тем, чтобы Глебу не помешали?

У меня закружилась голова. Он своей огромной лапищей закрыл мне ещё и нос почти полностью. Дышать выходило через раз.

Убить меня решил?

Глава 10

Саша.

— Не ори, поняла? — процедил Глеб.

И отпустил, только когда я смогла кивнуть. Воздух обжёг лёгкие, глаза заслезились.

— Из кожи вон лезешь, чтобы вызвать жалость, смотреть противно… — прокомментировал он. — Плевать мне, чего ты хочешь или не хочешь. Я предупрежу тебя только один раз: попытаешься залезть в мою семью, я тебя доломаю так, что с кровати встать не сможешь. Ясно тебе?

Он окинул меня не самым дружелюбным взглядом.

Отдышавшись, я кивнула и когда он уже был у двери, ответила:

— Ясно. Упрекаешь меня в том, что я якобы имею виды на деньги твоего отца. Тем или иным образом. А сам-то? На какие только мерзости не пойдёшь, чтобы не упустить своё.

Он остановился, но не обернулся. Хотя угрюмое выражение лица было несложно представить.

— Ты правильно заметила. Речь о том, что принадлежит мне.

Глеб не вызывал во мне ничего, кроме отвращения. Больше всего хотелось, чтобы он ушёл и больше никогда не возвращался.

Но, несмотря на это, я почему-то спросила о том, что меня

на самом деле мало интересовало. Тихо, и не ожидая, что он услышит и ответит.

— Думаешь, что заслужил своё наследство?

— Что ты там сказала? — Глеб резко хлопнул дверью и развернулся. — Ты что… типа меня осуждаешь?

Я посмотрела на него и поняла, что он разозлился куда больше, чем в тот вечер, когда мы познакомились.

— Тебе повезло быть его сыном, — я всё равно продолжила свою мысль. — Ты попал в один процент тех, у кого есть почти всё. Так что мог бы быть и более… благодарным.

Он скривился и сделал ко мне шаг. В каждом движении читалась угроза.

— Да что ты знаешь?

— А ты что? — я вцепилась в подлокотники кресла. — Думаешь, что можешь просто так заваливаться сюда и говорить мне гадости? А мне в ответ и очевидного нельзя сказать?

— Очевидного?

— Что ты зарвавшийся тупой мажор, который только и делает, что трясётся из-за денег, ради которых и пальца о палец не ударил…

Он остановился в паре метров от меня.

— Боюсь представить, что ты такого сделала тяжёлого, если теперь даже меня попрекаешь…

Я рассмеялась.

— Да при чём тут я, Глеб? Ты меня не заденешь. Твои

грязные мысли говорят только о тебе. Это не я не могу ответить, когда меня бьют, а потом угрожаю девушке на коляске…

Парень стиснул зубы. Атмосфера вокруг него сгущалась. Казалось, что вот-вот он сорвётся. Что я вот-вот умру.

Попаду туда, куда и должна была несколько недель назад.

И увижу маму.

— Это решение твоего отца. И оно тебе не нравится. А претензии ко мне, да? Легче ведь мне угрожать, я же тебе по лицу не врежу, — я продолжила говорить как одержимая. — Только вот я не такая, как ты. Сунешься ко мне ещё раз — я тебе глаза выцарапаю, грёбаный урод…

Тогда, когда мне уже казалось, что парень свернёт мне шею, он рассмеялся.

— Глаза выцарапаешь? — он произнёс это как-то странно мягко и ещё и усмехнулся. Мне это совсем не понравилось. — Что-то я сомневаюсь, что ты станешь защищать свою жалкую жизнь… Так, значит, твой лечащий врач был прав. Тогда мне не стоит не о чём беспокоится.

— В смысле? — я растерялась. — Ты говорил с моим врачом?

Он всё-таки развернулся и решил уйти. Так ничего и не сделав.

— Да, — ответил уже спокойно, будто издеваясь и не глядя на меня. — Он думает, что у тебя есть суицидальные наклонности.

Сердце пропустило удар. Это из-за иглы, которой случайно проткнула руку? Я ведь не хотела себе вредить…

Или из-за моих слов, когда я билась в истерике первые дни после смерти мамы?

В любом случае эти слова Глеба задели меня куда сильнее, чем его дебильные обвинения про любовницу.

Он коснулся слишком личного. Зачем говорил с моим врачом? Почему Роман Иванович вообще ему что-то отвечал?

Я сидела в кресле, глупо смотрела Глебу вслед и чувствовала себя не то что голой — распотрошённой.

Как только он ушёл, ко мне подбежала Диля. Она выглядела обеспокоенной. Наверняка они столкнулись в коридоре.

— Сашенька, на тебе лица нет. Он что-то сделал?

— Я… — с трудом подняла на неё взгляд. — Не знаю…

Из коридора доносился голос Евы. Наверное, они принялись меня обсуждать…

Диля нахмурилась и поспешила закрыть дверь.

— Всё нормально, — наконец, сказала я. — Не беспокойтесь.

— Она спрашивала меня, почему под пуфиком пыль. Я пыталась ей объяснить, что я не горничная, но она никак не унималась…

— Понятно.

Мне не хотелось разговаривать. Но Диля, присев на стул

и принявшись теребить подол халата, смогла привлечь моё внимание:

— Он очень сложный мальчик. Я тут уже наслушалась о нём историй… Но у него тоже умерла мама, и…

— Что? — голос дрогнул.

Женщина тут же побледнела.

— Ох, прости, Сашенька, я не должна была это говорить.

Я опустила взгляд. Значит, Глеб знает, что это такое? Из-за этой мысли стало только больнее.

— Диля… — я вытерла слёзы запястьем. Впервые в этом доме плакала не из-за физической боли. — Думаешь, я нормальная?

Думаешь, я смогу жить дальше?

Она захлопала густыми чёрными ресницами, явно не понимая, о чём именно я спрашивала.

— Конечно, Сашенька. Ты очень хорошая девочка. У тебя всё будет хорошо.

Я кивнула.

— Не говорите больше о Глебе. И его отцу ничего не рассказывайте.

— Милая, ты уверена?

— Ага. Пусть сами… разбираются.

На следующий день после ужина я смогла оставить у себя нож.

Помыла его, когда Диля спала в своей комнате.

И спрятала под матрас.

Глава 11

Глеб.

Несколько дней назад.

— Она в тебя книгой швырнула? — я бросил на Еву недоверчивый взгляд.

Только вернулся домой и стал разбирать вещи. Подключил компьютер, поставил новые колонки с мощными динамиками и врубил музыку. Еве приходилось говорить на повышенных тонах, чтобы её было слышно, но меня это особо не волновало.

После того разговора, где она делилась со мной жутко тупыми теориями заговора, девушка вела себя так, будто в душе не заметила моих последних слов.

— Ага, сам посмотри! — она подошла поближе и ткнула пальцем в свою скулу. — Знаешь, как больно? Синяк точно останется…

Ева прекрасно выглядела, и на лице у неё ничего не было, кроме небольшого количества косметики.

На контрасте с моей помятой рожей её слова звучали особенно нелепо.

Я перевёл взгляд на её губы, а затем на малиновые нарощенные волосы. Цвет мне доставлял, так и хотелось руку протянуть и сжать.

В этом не было ничего удивительного, ведь это я сказал

ей перекраситься. Правда, ещё до расставания.

— Глеб, — протянула она капризно, — поцеловал бы хоть, чтобы быстрее зажило.

Она прижалась ко мне, устроила острый подбородок на чёрной футболке и смешно захлопала ресницами.

— Как подцепила эту дурацкую манеру кривляться и канючить в Японии, так до сих пор тебя не отпускает. Рожей не вышла, чтобы это смотрелось мило.

Я нахмурился, а она рассмеялась. Довольно красиво.

— Имеешь в виду, что я слишком сексуальна? А раньше тебе нравилось…

— Ага, — я подхватил её под аппетитный круглый зад, обтянутый лишь короткими джинсами, и сел на постель, — только первое время.

— Чего ты такой напряжённый, м? Я тебя накрутила, да? — она заёрзала на моих коленях и принялась массировать плечи.

Это было приятно, но я почему-то всё никак не мог расслабиться.

Хотя раньше у неё хорошо получалось меня отвлекать.

— Что там с книгой? С чего бы ей в тебя швыряться? И что ты вообще делала в её комнате?

— Её? — Ева приподняла одну бровь, получилось эффектно. — Ты нормальный? С каких пор она стала её?

— С тех пор как батя её сюда притащил. Он тебе уже всё сказал. Не понимаю, чего ты так завелась.

Она хмыкнула.

— Иногда ты такой…

— Какой?

— Непробиваемый, — она закусила губу и прошептала мне это на ухо. — Во всех смыслах.

— Да нет, просто уже кое-что узнал. Говорил с Игорем утром, — я сделал вид, что не понял её слова до конца и упёрся руками в постель, слегка прогибаясь в спине и с удовольствием хрустя позвонками. Шея затекла жёстко. — Она из обычной семьи. Хотя, наверное, даже неблагополучной. У неё была одна мать, которая работала на трёх работах, все дела. Но девчонка хорошо училась, ещё занималась фигурным катанием. По серьёзке, прикинь?

Я невольно улыбнулся. Хрен знает почему.

Ева, которой некуда было деть руки, сложила их в замок и посмотрела на меня похолодевшим взглядом.

— И что? — ей под язык словно напихали кислых конфет. — К чему ты это? И зачем вообще про неё узнавал такие подробности?

— Очевидно, чтобы понять, кто она такая. Тебя же тоже это интересует.

— Да какая разница? Что нищенка — это и так понятно. По таким сразу всё видно. А чем она там занималась, это к делу не имеет никакого отношения. Главное, что связалась с твоим отцом и смогла даже добраться до его дома, куда он обычно не водит проституток… Это она, конечно, молодец,

отлично справилась.

У Евы всегда был рот словно помойка. Да и я не из чистоплюев. Мы тысячу раз обсуждали наших друзей, не подбирая выражений. Саня вовсе была мне никем.

Но почему-то обсуждать её весело не было. И за пару минут общения с Евой я успел пожалеть о том, что вообще продолжил эту тему.

Лучше бы сделал то, на что бывшая так настойчиво нарывалась. Мы несколько месяцев не виделись. Она, наверное, соскучилась…

— Совсем уж бред не неси. Она попала в аварию. Мудак, что врезался в них, сразу же умер. И её мать не смогли откачать. У неё никого не осталось. Даже в спорт вернуться уже не сможет. Вряд ли у неё сейчас есть силы, чтобы охмурять отца.

— Ладно, — Ева поджала губы. — Но это никак не отменяет того факта, что их отношения могли начаться раньше. Дядя Андрей постоянно занимается благотворительностью. Может, на этой почве встретились. А там пошло-поехало.

Я ничего не ответил. Лёг на спину, растянувшись на кровати и задумавшись.

Ева нависла надо мной. Несколько мгновений рассматривала моё лицо, затем выдала:

— Я в коридоре была, никого не трогала, разговаривала с тобой по телефону… Откуда я могла знать, что она меня подслушает? Конечно, я стояла под дверью её комнаты, ну и

что с того? Она так разоралась… Жесть. Конечно я зашла, пыталась её успокоить. Видел бы ты её лицо! Истеричка и так и не скажешь, что мучается от боли…

Сначала она улыбалась, а потом и откровенно начала смеяться, рассказывая мне про свой не особо хитрый план. Это был не первый раз, когда она издевалась над другими. В школе в такие моменты мне нравилось смотреть на её лисье выражение лица. Какое-то время мы были подельниками, и нам реально было весело.

Только вот время прошло. Некоторые вещи перестали меня торкать. А Ева как будто крепко застряла в том лицее, где была главной стервой и могла творить всё, что ей заблагорассудится.

— Ев, — протянул я хрипло. — Отстань от неё.

— Чего?

— Я понять не могу, чего ты так завелась. Тебя-то это каким боком касается?

Она нахмурилась и потянула за мою цепочку.

— Говорю же, — выдохнула обиженно, — ты непробиваемый. Я, вообще-то… за тебя переживаю.

— Брось… — я усмехнулся. — Это просто нелепо.

То, что делал мой отец, её никак не волновало. Я даже не помню, чтобы мы когда-нибудь это обсуждали. Конечно, я и сам не был бы рад таким разговорам. Но она даже не пыталась.

— Ты в последнее время такой скучный… — Ева вдруг

сдвинулась ниже и прошлась ногтем по молнии на моей ширинке. — Расслабься уже.

— Будет проще, если до тебя наконец дойдёт, что мы расстались.

— Я помню, — она расстегнула ширинку и усмехнулась. — Но кое-что в отношениях нам удавалось делать очень хорошо. И я где-то слышала, что это можно делать и по-дружески.

— Если не будешь надумывать себе всякое романтическое дерьмо — окей.

— За кого ты меня принимаешь… Не льсти себе уж настолько…

Она рассмеялась и опустила взгляд уже надолго.

Я закрыл глаза, надеясь опустошить голову на несколько часов.

Вот только к внутренней стороне век, словно непонятно откуда взявшийся шрам, прилип образ Саши.

Её спутанные волосы, отрешённый взгляд серо-зелёных глаз и болезненная, острая усмешка...

Нет, так не пойдёт...

Глава 12

Саша.

— Глеб больше тебя не беспокоил? — спросил Андрей Викторович.

Я подняла взгляд от аккуратно расставленных изящных шахматных фигур и с трудом скрыла усмешку.

Кроме того, что подслушивал наш разговор, угрожал, обвинял во всех смертных грехах, чуть не убил, говорил обо мне с врачом, озвучил то, о чём мне не хотелось даже задумываться и… при всём этом умудрился вызвать к себе сочувствие из-за того, что тоже потерял мать?

— Нет, — ответила я легко и непринуждённо.

С того момента, как Андрей Викторович подарил мне ноутбук, он бывал здесь чаще. Мы разговаривали в основном недолго, но бывало, что и по часу.

В какой-то момент я начала ждать этих встреч. Попечитель уже не вызывал во мне таких опасений, как раньше. Он часто рассказывал про свою работу, сделки, забавные случаи из жизни. Иногда упоминал маму.

Это было интереснее всего, но у меня никогда не получалось его как следует о ней расспросить. Было слишком тяжело и тревожно.

Когда рядом не было Глеба, Андрей Викторович казался надёжным, серьёзным мужчиной.

А о парне я не слышала уже несколько дней. Намеренно не интересовалась. И старалась не думать о той ужасной сцене, когда его впечатали лицом в стену. Не хотела ломать голову над чужой семейной драмой.

И без того… мыслей о нём было слишком много. И мне это не нравилось.

К счастью, я отлично умела владеть собой. Раньше это касалось фигурного катания. Теперь я заставляла себя жить дальше и не размышлять о трагичной истории одного урода, который того не стоил.

— Играй белыми, — усмехнулся Андрей Викторович. — Дамы вперёд.

Он неожиданно вспомнил про мои ничего не значащие слова о шахматах и принёс их сегодня с собой вместе с раскладным столиком. Поставил его рядом с кроватью, где я сидела, сам устроился на стуле напротив.

Я чувствовала себя немного лучше, чем обычно. Нога ныла, спина тоже, но терпимо. В глазах иногда темнело, но при этом не было тошноты, от которой я уже устала.

Я коснулась пешки холодными пальцами и, недолго думая, заняла центр доски.

— А почему вы спросили? — уточнила я, подумав, что мужчина сегодня был каким-то молчаливым.

И тут же прикусила себе язык. Ну и чего ради было продолжать разговор, если так хотела не вспоминать ничего, что связано с Глебом? Дура.

Андрей Викторович сделал ход спокойно, без попытки сразу же перехватить инициативу. Казалось, он даже не смотрел на доску. Хотя из-за солнечных бликов на его очках, я не всегда улавливала направление его взгляда, и это немного напрягало.

— Спросил, потому что знаю, что он вышел из твоей комнаты несколько дней назад. В коридоре установлена камера, но ему на это явно наплевать.

— Ясно, — я посмотрела прямо на него без эмоций.

Затем вернулась к партии. Предложила размен. Он не отказался.

— Почему мне не рассказала?

Он спросил так, будто я действительно должна была. Мне это не понравилось. Разве не он в том числе допустил эту ситуацию? И я ещё должна была что-то говорить?

— Хотите правду?

— Всегда, — Андрей Викторович усмехнулся.

— Не хотела, чтобы вы снова его избили.

— Говоришь так, словно я главное чудовище в этом доме.

— Вы не можете не понимать, что именно так оно и выглядело.

Из-за того, что стала чаще разговаривать с Дилей, доктором и самим попечителем, общение давалось мне легче. Я не теряла слова, не заикалась, не страдала тем, что мысли разъезжались. Сегодня и правда был хороший по самочувствию день. И это делало меня больше похожей на себя прежнюю.

Холодная и отстранённая Саша. Та Саша, которой понадобилось некоторое время, чтобы научиться театрально улыбаться на выступлениях, ведь за отсутствие подходящего выражения лица снимали баллы.

— Ты доверила мне свою жизнь, — ответил Андрей Викторович. — Я думал, что ты достаточно сообразительна, чтобы понимать, что на всё, что может тебя смущать, есть веская причина. Если бы её не было, я бы не действовал так открыто.

— Значит, есть причина? — я выгнула бровь. — Вот как…

Я не была уверена, что хотела продолжать этот разговор. Сегодня мой попечитель явно что-то задумал. И меня беспокоило, что я не могла догадаться, к чему именно он вёл.

Тем временем партия продолжалась. Мы делали ходы почти без пауз: вывели коней, убрали королей в безопасные стороны, подвели слонов. Позиция получилась почти как по учебнику. Дёшево и сердито. Пока без сюрпризов, но надолго ли?

— Ты очень интересная, Саша, — улыбнулся Андрей Викторович. — Делаешь вид, что тебе не нравится говорить о моём сыне. Но когда он приходит к тебе явно не с хорошими намерениями, не просишь помощи. И теперь… разве не хочешь спросить, не наказал ли я его?

Вообще-то, я хотела. Но…

— В этом нет никакого смысла. Если вы уже что-то сде-

лали, я никак не могу на это повлиять.

— Это плохо, Саша.

— М?

— Ты уже сочувствуешь ему настолько, что не хочешь знать, что он получил парочку синяков. И к тому же за дело.

— Сочувствую? — я подняла стакан, что стоял рядом, и сделала глоток воды. — Просто не хочу в этом участвовать.

Перевела ладью ближе к краю доски и начала аккуратно теснить чёрные фигуры на фланге. Сначала поджала пешку, потом ещё одну. У меня стало больше пространства для манёвров.

Это повысило шансы на победу, но я не была настолько самонадеянной, чтобы на неё рассчитывать.

— Мой маленький дьявол умеет быть обаятельным, — произнёс Андрей Викторович с непонятной мне интонацией. — Ты наверняка уже слышала о его матери. Думаешь, что всё дурное поведение можно списать на это? И что я слишком жесток тогда, когда ему и без меня пришлось несладко?

— Да нет, — я скривилась, — мне, например, и в голову не приходило докучать другим из-за того, что моя мать мертва.

На пару мгновений я застыла с ладонью, зависшей над чёрно-белой доской.

Я это сказала. Сказала так просто и обыденно. Вслух.

Словно это давно понятный всем факт.

Словно я действительно смогла смириться.

В словах не было ничего особенного. Только вот ощущались они как ложь.

Я всё ещё не могла поверить в свою новую реальность.

— Мыслишь в правильном направлении, — прокомментировал Андрей Викторович то ли ход, то ли мои последние слова. — В любом случае я ещё не говорил с Глебом и ничего ему не делал.

Я расслабилась. И заметила это, только когда поймала на себе странный взгляд попечителя. Он уличил меня раньше, чем я сама.

— Теперь, когда ты в курсе, что я знаю об инциденте и пока не наказал его, не хочешь меня попросить о чём-нибудь?

Было несколько хороших ходов с его стороны. Немного позже у меня не без усилий получилось забрать его пешку. Это было красиво, но я недолго радовалась. Андрей Викторович переставлял фигуры слишком быстро, продолжая вести беседу, напряжённость которой сбивала с мысли.

Я понимала, что он просчитал все возможные варианты заранее, и мне стоит поступить также, но чёртов Глеб даже не присутствуя в доме, умудрялся вставлять мне палки в колёса…

— Попросить? Хотите, чтобы я просила вас не бить его?

Эта мысль показалась мне дикой.

Разговор о сыне снова сделал Андрея Викторовича не самым приятным человеком, и мне стало тоскливо.

— Вообще-то, я рассчитывал на то, что ты скажешь, что

ему лучше уехать. Это не проблема. Ты же понимаешь, на улице он не останется. А тебе так будет спокойнее.

— Я вас не понимаю.

Он не ответил. Пришлось уточнить:

— Хотите, чтобы я попросила вас выставить собственного сына из дома?

Андрей Викторович усмехнулся.

— В общем и целом — да.

Я упростила позицию и разменяла часть тяжёлых фигур. Андрей Викторович не нападал в лоб — он отрезал, лишал пространства, заставлял мою ладью стоять пассивно и медленно загонял меня в угол.

— Знаете, — выдохнула я, — мне это совсем не нравится.

— Я хочу, чтобы ты разбиралась в людях. Глеб опасен. И если ты не хочешь, чтобы он находился подальше от тебя, это вызывает вопросы.

Всё-таки начало подташнивать и в целом настроение упало. В голову словно впилась сотня маленьких холодных игл. Такое могло случаться перед обмороком.

Я нахмурилась и схватила стакан подрагивающими пальцами.

На этот раз глотки были нервными.

— У вас какие-то проблемы с сыном… Вы сами предложили мне сюда переехать. Выставили это как единственную возможность для дальнейшего лечения. И убедили меня, что вам это поможет. Говорили, что я вам ничего не должна. Но

в итоге предлагаете играть в свои странные семейные игры…

Он стянул фигуры к центру, перекрыл мне важные поля, вывел ладью на открытую линию и сам повёл короля вперёд — не прятаться, а добивать. У меня была лишняя пешка, но в какой-то момент она перестала давать преимущество и стала обузой: я всё время её защищала, а он играл не её, а всю доску.

— Стоило мне лишь слегка надавить на тебя, как ты снова стала смотреть с подозрением. Прямо как в больнице. Мне бы хотелось, чтобы ты мне верила. И опасалась в первую очередь того, кто представляет реальную угрозу.

— Странно… — протянула я. — Если вы так опасаетесь из-за него, почему вообще привезли меня сюда? И почему сами не принимаете решение?

Он отдал мне темп, всё ещё почти не глядя на доску. Через пару мгновений стало ясно: ему не нужна моя лишняя пешка, ему нужна своя проходная. Он протолкнул её вперёд, поставил ладью за спину, подвёл короля — и вся моя игра вдруг свелась к одному: успею ли я это остановить.

— А ты почему не рассказала о том, что он заходил? Он тебя расстроил, и я это заметил. Интересно, что он тебе сказал.

— Так это… — меня осенило. — Наказание? Вы так наказываете меня за то, что я не выдала его?

— Это говорит о твоём недоверии. И о том, что ты готова рисковать своим благополучием. Первое допустимо, второе

— нет.

— Вы сваливаете на меня ответственность.

— Конечно. Это же твоя жизнь.

— Интересная точка зрения для попечителя.

Я ещё давала шахи, ещё пыталась зайти ладьёй сбоку, но каждый его ход только туже затягивал петлю. Потом ошиблась — совсем немного, всего одной неточной постановкой ладьи, — и он сразу шагнул королём вперёд. Теперь проходную нельзя было остановить без потери ладьи. Я уставилась на доску, пересчитала всё ещё раз, потом ещё. Ходы оставались.

А партии не было.

— Сдаюсь.

Я с трудом отсела в сторону. Шахмат на сегодня с меня хватило. Как бы я ни пыталась, нормально думать сразу в двух направлениях не выходило.

— Ты очень хороша. Я получил удовольствие от игры, — Андрей Викторович улыбнулся и посмотрел на меня с непонятной нежностью, которая совсем не клеилась к ситуации. — Что касается моей позиции, то я хочу, чтобы ты привыкла к тому, что я могу решить любую твою проблему. Он больше тебя не побеспокоит. Но тебе нужно меня об этом попросить.

В дверь постучали, когда он закончил говорить. Это был Игорь. Видимо, у него было что-то срочное, связанное с холдингом.

Но Андрей Викторович не сдвинулся с места.

Он ждал моего ответа.

Глава 13

Глеб.

Несколько дней назад.

Нет, так не пойдёт…

Думать о Саше в такой момент почему-то было противно.

Только противной казалась вся ситуация, Ева, я, а не дурная девчонка, которая своим болезненным видом должна была вызывать желание добить её, а никак не…

Что с ней, мать её, не так?

А… со мной?

Я открыл глаза, надеясь сосредоточиться на другой девушке. Красивой, понятной, почти родной. Но стало только хуже.

К горлу подкатила тошнота.

Сцепив зубы, я схватил Еву за волосы, которые ещё недавно планировал подёргать понежнее, и оттащил в сторону.

Она зависла на мгновение, глядя на меня ошалевшим взглядом.

Едва ли не на четвереньках на кровати, приоткрыв влажные губы, она быстро хлопала длинными ресницами и с каждым мгновением становилась всё злее.

Раньше я бы так кайфанул от этого вида. И точно бы продолжил, заставив её оставаться в точно такой же позе ещё долго, упиваясь собственным именем, что она повторяла бы

десятки раз хриплым голосом, словно молитву.

В постеле Ева не притворялась милашкой. Она была настоящей и такой нравилась мне больше всего.

Чёрт, я ведь думал вернуть её позже…

Но как будто уже не выйдет.

— Охренеть, — я усмехнулся, а затем и вовсе начал смеяться, как умалишённый. Остановиться было трудно. Реально, что ли, головой поехал? — Мы всё, Ева. Это всё.

Мне было зло и весело. Больше всего на свете хотелось оказаться наверху и…

Что?

Врезать отцу? Зайти к Саше? Спрыгнуть с лоджии? Что-нибудь из этого точно.

— Ты что! Охренеть, значит?! Да ты охренел! Совсем уже?

Ева, опомнившись, наконец начала кричать так, словно хотела, чтобы её услышала добрая часть домашней прислуги. О, и она хотела. Грёбаная истеричка…

— Шла бы ты к себе, — протянул я, чувствуя, как прихожу в норму. — Не до тебя сейчас.

— Сейчас? — зашипела она. — Не до меня? Если у тебя нет проституток под кроватью или в шкафу, то я даже не знаю тогда, до кого тебе может быть прямо сейчас!

— Мне просто надоело, — я поднялся с кровати, привёл в порядок джинсы, бросил на Еву взгляд и подумал, что вряд ли буду жалеть или чувствовать себя виноватым, если по-

ставлю точку здесь и сейчас.

— Да как ты… — девушка вдруг бросилась на меня, переходя на визг. — Как ты посмел так со мной обращаться? Как ты только мог подумать, что имеешь право меня отталкивать, мудила…

— Ты по-другому не понимаешь.

— Я не понимаю? Хватит делать из меня дуру, Глеб! Ты себя-то хоть не обманывай! Ты бросал меня тысячу раз, забыл? Проворачивал это дерьмо снова и снова. Наверное, — от злости она едва ли не заскрежетала зубами, — потому что на самом деле сам себя считаешь неполноценным и боишься, что я увижу это тоже и брошу тебя первой. Только вот я это знаю прекрасно. Ты просто жалок!

— На себя посмотри, — в холодном океане злости больше не было ни капли веселья, — шлюха.

— Мразь… — она снова кинулась на меня. На этот раз с явным желанием расцарапать мне рожу длинными ноготками. Неужели маника не жалко? — Мало тебя отец по башке бил, мозги так на место и не встали.

Это меня стриггернуло.

Думал только оттолкнуть её, но в итоге ударил по лицу наотмашь.

Ева отлетела к кровати.

Я сначала не понял, что именно произошло.

Только удивился, что она, наконец-то, перестала орать.

А потом дошло.

***

Саша.

— Мне полагается для начала произнести слова благодарности, — я посмотрела на Андрея Викторовича без эмоций. — Но благодарности на самом деле не испытываю. Я предпочитала считать, что вы помогаете скорее себе, чем мне. И все после всего на всего останутся при своей выгоде. Моё мнение не изменилось.

— Это верно, — ответил мужчина. — Ты сказала это в качестве предисловия… к чему?

Я перевела взгляд на дверь. Её приоткрыл Игорь.

— Андрей Викторович, это срочно.

— Подождёт, — отрезал мужчина.

— Но…

— Скройся, — он даже не перевёл на помощника глаза, — если не хочешь лишиться работы.

Игорю оставалось только подчиниться.

Что ж, отлично. Моему попечителю удалось меня напугать. Неужели этот разговор для него важнее?

Я подозревала, что так просто покинуть его дом не смогу, но всё же высказалась:

— Мы не договаривались об этом. Вы не говорили, что будут дополнительные условия. Проверки и наказания. Я хочу уйти. Или уехать. Или уползти. Даже не знаю, как теперь правильно выразить свою мысль.

Я усмехнулась, бросив взгляд на перевязанное колено, ко-

торое не так давно собирали по осколкам.

— Значит, это твой ответ?

— Вы сами сказали, что здесь небезопасно. Озвучили это, как мой попечитель. И всё же отказываетесь самостоятельно принимать какое-либо решение.

Лицо Андрея Викторовича было непроницаемым.

В конце концов, он тихо и холодно произнёс:

— Неужели ты думаешь, что… — но недоговорил. Дал себе паузу, прежде чем продолжить. — Глеб этого не стоит, Саша.

— А дело не в нём, — ответила я. — Дело в вас.

Мне казалось, что он вот-вот начнёт вести себя со мной так же, как с сыном. Выдаст себя. И если у него есть тайные намерения, раскроит своим поведением хотя бы часть из них.

Но мужчина сумел застать меня врасплох.

— Прости меня, — сказал он с дрожью в голосе. — Я не должен был вести себя с тобой подобным образом. Я хотел узнать тебя лучше. Хотел посмотреть, сможешь ли ты распознать… психопата.

Глава 14

Саша.

— Все хотят детей, но никто не говорит, что ребёнок может родиться больным, и это не получится скорректировать даже за большие деньги, — с горечью произнёс Андрей Викторович.

— Что вы имеете в виду? — спросила я тихо.

Мужчина бросил на меня долгий взгляд, в котором была смесь не совсем понятных мне эмоций. Он словно не знал, с чего начать.

— Мы заметили это слишком поздно. Он всегда был трудным ребёнком. Задирал других ещё раньше, чем научился говорить. Позже добавились другие проблемы: агрессия, ложь, воровство… Я тогда работал намного больше. Собственно, поэтому сейчас ни в чём не нуждаюсь. А его мать… Святая женщина, любовь всей моей жизни, — он подошёл к окну и застыл там, так что я могла видеть только его спину. — Она до последнего не хотела верить, что с Глебом что-то не так. И о многих случаях просто умалчивала. Когда мы нашли во дворе труп нашей собаки, только тогда она предложила сводить сына к психологу.

Я почувствовала, как пальцы стали холодными и липкими. Вспомнила, какой дикий взгляд был у Глеба, когда мы разговаривали в последний раз. Он подумал, что я сума-

сшедшая, которая нарывается на то, чтобы умереть. Провоцирует его специально. Но то были эмоции. По правде я почему-то не верила, что он может мне что-то сделать.

Значит, ошибалась?

Эта ошибка могла дорого мне обойтись…

— В общем, стало ясно, что он отличается от других больше, чем мы думали, — продолжил Андрей Викторович. — Он агрессивный, склонен к манипуляциям и — самое главное — у него нет нормальных для человека эмоций. Он не способен на сочувствие и смотрит на людей только с точки зрения выгоды. Я много раз думал: если человек не способен любить, может ли он считаться человеком вообще?

Он обернулся и посмотрел на меня. Его длинная тень растянулась по комнате, почти доставая до моих тапочек.

— Ты не представляешь, сколько проблем он мне доставил, Саша. Я пробовал лечить его, пробовал воспитывать — всё без толку.

— И решили, что единственный выход — это периодически его избивать? — спросила я.

Мне не хотелось защищать Глеба, но поведение Андрея Викторовича тоже вызывало вопросы. И меня гораздо больше волновало, что не так было с ним, а не с его сыном. Ведь именно он был со мной связан.

— Это не решение, это моя слабость, — признался Андрей Викторович. — Я пробовал по-хорошему много раз. Он просто не способен это понять. Он понимает только язык си-

лы. Если дам слабину — едва ли смогу потом разгрести последствия. Я уже не в том состоянии, чтобы нянчиться с ним и страдать по иллюзии, что он может когда-нибудь стать тем сыном, которого я бы хотел.

— Если он такой, как вы его описываете, то почему не ответил вам? При всём уважении, ему бы хватило сил вас избить.

— О, разумеется, хватило бы, — улыбнулся Андрей Викторович. — Вот только в таком случае не видать ему наследства. Это даже прописано в моём завещании. Уверяю тебя, он бы не только избил, но и убил бы меня, если бы точно знал, что ему сойдёт это с рук. Но я заранее всё прописал и нанял людей, которые будут тщательно расследовать мою смерть, если она вдруг будет неестественной. Он просто не придумал, как это обойти, а рисковать не хочет. Вообще, я утешал себя тем, что такой человек хотя бы сможет удержать семейный бизнес. В нашем деле даже плюс, если не испытываешь лишних эмоций. Вот только он каждую неделю попадает в неприятные ситуации, из которых его надо вытаскивать. Слишком склонен к риску, слишком агрессивен. И ума не хватает действовать расчётливее хотя бы для того, чтобы получить полное наследство в будущем.

— По вашим словам, всё же хватает, если вы до сих пор живы.

— Думаешь, я ненавижу его? — спросил он вдруг, подойдя ближе и вернувшись за столик с шахматами.

— Всё выглядит примерно так.

— Я бы хотел, — он выдохнул и принялся расставлять фигуры по местам. Этот разговор, наверное, выбил его из колеи. Он не выглядел таким уверенным, каким я привыкла его видеть. — Но правда в том, что он мой сын. Моя кровь и плоть. Конечно, иногда мне кажется, что я ненавижу его, иногда я убить его готов. Но он — это вся семья, которая у меня осталась. И в чём-то мы с ним похожи. Я виню себя. Может быть, он унаследовал что-то от меня. В моей родословной полно уродов, — Андрей Викторович мрачно усмехнулся. — Саша, теперь ты понимаешь, к чему я вёл? Он не просто недовольный всем ребёнок богатых родителей. Он опасен.

— Если так, то почему вы привезли меня сюда?

— Когда я оформлял документы и предлагал тебе пожить здесь, я думал только о том, как будет лучше для тебя. Мне не казалось, что он станет такой большой проблемой. И это моя вина. В тот вечер, когда он приехал, я поговорил с ним. Уже после того, как вы познакомились.

— Поговорили?

— Я сказал ему, что если он тронет тебя, у него будут проблемы. Так как до того мотивация получить деньги была для него сильнее, чем желание навредить мне, я решил, что с тобой будет так же. Но… уже в этом не уверен.

— То есть, — решила я подытожить, — вы не рассказали ему об опеке. Не дали понять, из-за чего решили мне помочь. И ещё и сказали, что если будет меня обижать — бу-

дут серьёзные последствия. Так разве это удивительно, что он так бесится?

Глава 15

Глеб.

Несколько дней назад.

— Да не делай такое лицо, боже, — прошептала Ева, мило улыбнувшись и тут же поморщившись, будто от боли.

Каждое подобное микродвижение било по мне. Напоминало о том, какой же я мудак.

И даже тот факт, что Ева всё прекрасно понимала и иной раз не брезговала симуляцией, никак не помогал.

Её сотрясение было хоть и лёгким, но настоящим.

— Зато так у меня больше шансов, верно? — у неё дёрнулся угол губ. — Тебе же нравятся болезные девочки, как оказалось.

Она лежала на кровати в своей комнате. Точнее в той комнате, что считала своей. Дом-то всё ещё был моим (хотя у меня никогда ничего своего не было и быть не может, разумеется).

— Перестань, — протянул я. — Доктор сказал тебе больше отдыхать. Так что поменьше шевели языком.

Я сидел рядом на табуретке, устроив голень на бедре и просматривая ленту в соцсети. Было скучно, но уходить — это не вариант.

— Мне сейчас так тяжело… — вздохнула Ева. — У меня была куча планов на эти каникулы. И бесцельно пялиться в

потолок в них не входило. И всё из-за тебя.

— Я уже извинился.

— Что-то такое припоминаю, — она улыбнулась, но затем вздохнула и посерьёзнела. — Ладно, ты очень хорошо обо мне заботился. Кто бы знал, что на такое способен? И почему я раньше не болела при тебе? Зато теперь знаю, как превратить тебя в услужливого котика…

Я сидел с одним наушником в ухе. После того как Ева начала особенно много говорить, хотел подключить второй. Но остановился, когда она немного сменила тему:

— Ты сильно меня разозлил. И я, кажется, много всего лишнего сказала. Не помню, что именно уже, если честно. В моём положении это типа не удивительно. В любом случае признаю — была не права. Забудем?

Я не сводил с неё холодного, внимательного взгляда. Было не по себе.

— Уже забыл, — ответил спокойно.

— Ну а я не расскажу папе, что на самом деле не упала с лестницы, — усмехнулась Ева. — Это будет наш секрет.

Другими словами, она угрожала, что усугубит моё положение, если я продолжу её отталкивать. Она хотела, чтобы всё было как раньше. Хотя бы как несколько дней назад.

Мне было плевать и на её отца, и на своего.

Но я всё равно наворачивал вокруг неё круги первый день после того, как она потеряла сознание. Успокаивал, помогал делать вещи, с которыми она могла бы справиться и само-

стоятельно. Кормил с ложечки и переодевал.

Наверное, хотел самому себе доказать, что я не так уж и безнадёжен.

Что могу быть лучше.

Но на деле с каждым днём становилось только паршивее. В моих глазах любые действия и слова не могли перекрыть того, что я сделал.

Находиться рядом с Евой было не то что противно, но меня мучила какая-то странная ментальная тошнота.

Может быть, именно поэтому я на самом деле не уходил, а не из-за её дурацкого папаши или чего-то ещё.

Просто нравилось добивать себя больше. Наказывать. Не давать забыться, закрыть глаза, перелистнуть страницу.

Такая идиотская форма насилия, что от самого себя мерзко. Мерзко и смешно.

— Глеб, — Ева протянула ладонь в мою сторону.

— Что? Хочешь чего-нибудь?

— Да. Тебя.

Я выгнул бровь.

— Да ладно тебе, просто полежи со мной. Давай посмотрим сериал. По-другому не получается заснуть. Помнишь, мы же какой-то так и не досмотрели… Надо вспомнить, на какой серии остановились.

— Это было год назад.

— Тогда давай сначала. Ну же…

И я согласился. Лёг рядом, позволил ей удобнее устроить-

ся на моём плече, включил рандомную серию и машинально отвечал на все её реплики, которые касались персонажей и сюжета.

Было неинтересно, но Еву это не волновало. Иногда я не понимал, зачем ей вообще нужны были собеседники. С таким же успехом она могла говорить сама с собой.

— Глеб… погладь меня по волосам. Может быть, я смогу подремать.

Я усмехнулся и стал гладить её по кончикам.

— Ну, Глеб, блин!

— Что?

— По голове же…

— Тогда так и говори…

Спустя полчаса поглаживаний Ева всё же заснула. Я попытался подняться, но она слишком сильно в меня вцепилась. Будить её и рушить весь прогресс не хотелось. Так что я снова подключил наушники и решил остаться в той же позе и как-нибудь убить время. По крайней мере, до того момента, пока не захочу ссать.

Полазил по страницам друзей, проверил пару вещей в поиске и сам не заметил, как пальцы стали набирать чужое имя.

“Александра Кузнецова”.

И с чего бы мне вдруг искать её в интернете?

Как только этот вопрос возник в голове, я благополучно послал самого себя в пять букв в ответ. Ещё не хватало заморачиваться. Ну смотрю и смотрю — что с того? Интерес-

но мне.

В поиске было слишком много левых результатов. Имечко у неё всё-таки слишком обычное. Пришлось уточнять про фигурное катание. Тут уж стало полегче.

Мне сразу выпало несколько статей, обсуждений и… видео.

Можно было догадаться, что они существуют, раз уж она занималась льдом всерьёз, но я почему-то не ожидал. Было как-то странно увидеть её лицо на чужом превью в интернете.

В груди поселилось неприятное чувство. Как будто в моём понимании у девчонки не должно было быть никакой жизни до. До моего дома, моего отца. До меня.

Я бросил взгляд на спящую Еву, подумал несколько мгновений и всё же открыл видео…

***

Саша.

После того, как Андрей Викторович прояснил мне причины своего поведения, я всё же согласилась остаться до выздоровления. Мы сошлись на том, что он больше не станет проверять меня и тем более проверять своим сыном. И что поговорит с ним нормально. И только если тот будет вести себя неадекватно, переселит его.

И то не из-за меня и тем более не через меня.

После этого я наивно надеялась, что больше не увижусь с Глебом. В конце концов, если он поймёт, что я правда не

представляю угрозы, то быстро потеряет интерес.

Вот только в расчётах что-то пошло не так. И в очередной раз, когда я отпустила Дилю пообедать вместе с другими работниками, провести время в одиночестве не получилось.

В дверь постучали только после того, как приоткрыли её. Чисто для приличия, но всё равно неприлично.

— Ты одета? — знакомый голос заставил вздрогнуть.

Я обернулась.

В дверях стоял Глеб.

Глава 16

Саша.

Тёмно-синяя футболка, свободные шорты по колено, на губах странная, будто весёлая усмешка.

Для меня Глеб выглядел слишком контрастно, если сравнивать с нашей последней встречей.

Если он всё ещё думает обо мне невесть что, то в чём причина перемены в настроении? Или отец уже успел поговорить с ним? Так или иначе, я совершенно ничего не понимала и волновалась даже больше, чем когда он был очевидно негативно ко мне настроен.

Он вошёл в комнату, и я заметила в его руках переноску для животных.

— Сначала мог бы спросить, и только потом открывать дверь, — произнесла я, на самом деле желая скрыть своё замешательство и выиграть немного времени.

Он коснулся плечом стены, остановившись и не сводя с меня странного, задумчивого взгляда.

— А ты как всегда всем недовольна, — протянул Глеб.

— Что у тебя там? — я немного развернула коляску, чтобы сидеть лицом к парню.

— Бомба, что же ещё? — он усмехнулся.

И тут же, будто переча его словам, из переноски донеслась какая-то возня. А затем едва заметный звук. Который тут же

стал громче.

Там кто-то… скулил.

Я нервно облизнула губы, вспомнив слова Андрея Викторовича о замученной собаке.

Глеб очень вряд ли слышал и тот разговор. И очень вряд ли мог читать мои мысли. Но всё равно слегка помрачнел.

Я сидела рядом с кроватью. В принципе успела бы быстро подъехать к изголовью в случае чего.

Но вот смогла бы успеть достать нож из-под матраса — вопрос…

Не говоря уже о том, чтобы что-то с ним делать.

— У тебя сейчас такое странное выражение лица… — прокомментировал Глеб с непонятными для меня эмоциями.

Он оторвался от стены и как ни в чём не бывало подошёл ближе, сел на мою кровать, расставив ноги так, что между ними легко поместилась переноска. За решетчатой её дверцей было что-то маленькое и мохнатое.

— Собак боишься? — уточнил он.

— Нет… — я сжала пальцы на подлокотниках кресла. — А они тебя?

Он слегка приподнял бровь и хрустнул шеей, поморщившись.

— Ладно, — произнёс так, будто что-то для себя понял. — Наверное, идея была не очень удачной…

С этими словами он открыл дверцу, без лишней осторож-

ности вытащил на свет щенка и отпихнул переноску на пол. В его ладонях оказалось совсем маленькое существо с большими ушами и глазами, а ещё смешным влажным носом. Мордочка и всё тело было белым, а вот ушки и пятна на спине — рыжими.

— Это спаниель… или какой-то там кавалер… Не знаю, — пояснил он.

На мгновение мы пересеклись взглядами, и тут я поняла кое-что странное: Глебу было неловко. Он едва ли не смущался.

Это не было похоже на начало попытки поиздеваться, какой-то мерзкой изощрённой шутки, которую мог бы провернуть такой человек, какого описывал мне Андрей Викторович.

Он принёс сюда щенка и как будто сам до конца не понимал, зачем.

— Ты купил себе пёсика? — вопрос прозвучал глупо и сюрреалистично.

Вроде ничего такого не происходило, но зачем он пришёл сюда и показывал питомца мне?

— Это девочка, — спустя какое-то время ответил Глеб. — Не знаю, как назвать. Может быть, сама придумаешь?

Он снова посмотрел на меня. Взгляд синих глаз постепенно изменился. В нём будто медленно, но верное разрастался гнев.

Или это маска со временем спадала?

Кто бы мне ещё что объяснил…

— Я? — переспросила. — Хочешь, чтобы я придумала имя?

— Или, — он слегка наклонился и внезапно взял меня за руку, заставив тут же напрячься всем телом и замереть.

Сердце учащённо забилось, эхо гулких ударов отдавалось в висках.

— Или хотя бы погладь… — он раздражался, а я смотрела на его горячие пальцы на своей ладони, на то, как он будто случайно погладил кожу большим пальцем, как притянул мою руку к себе и ткнул пальцы в шёрстку щенка. — Что ты как замороженная? Это просто милая маленькая собака. Всем девушкам такое нравится.

Щенок уже немного освоился, он вилял волнистым хвостом на коленях парня и облизывал его шорты, периодически потявкивая. Я принялась осторожно его гладить между ушей и по спине, пытаясь успокоить то ли собаку, то ли биение собственного сердца.

Когда подняла взгляд на Глеба, он смотрел прямо на меня.

— Или болит что-то? — уточнил вдруг, немного поникнув.

Он решил, что моя реакция связана с состоянием? А то, что эта ситуация была странной в принципе, в голову не пришло?

— Не больше, чем обычно, — ответила я. — Просто… Глеб, зачем ты пришёл?

Он сцепил зубы. Неужели не понравился вопрос? Но что ещё я могла спросить? Как можно было просто делать вид, что это нормально? До того он приходил ко мне дважды, и каждый раз это плохо заканчивалось. В первую очередь, для него же самого.

— Просто… — выдохнул парень. — Ничего, — нахмурился тут же, — уже ухожу.

И он правда собрался. Потянулся к щенку, наверное, чтобы вернуть его в переноску. Но я всё ещё водила пальцами по мягкой шерсти, и наши пальцы пересеклись.

Это не должно было стать проблемой. В прошлый раз он легко с брезгливостью отдёрнул от себя мою руку. Но тут почему-то замер, подвиснув.

— Глеб… — мне вдруг стало смешно.

Малышка с умненькими тёмными глазами подняла на него голову, издала что-то милое между лаем и скулением, а затем… сделала лужу прямо на шорты парня.

— Твою ж мать… — он машинально приподнял её, но этого делать не стоило, потому что девочка ещё не до конца закончила.

— Не двигайся резко, — рассмеялась я, — а то ещё и мою кровать испачкаешь.

— Смешно тебе? — ухмыльнулся он. В глазах мелькнуло тёмное веселье. — Ну… — выдохнул, — хоть что-то.

— Глеб, я… Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Нет, — он прервал меня. — Это я хотел…

Глава 17

Глеб.

Несколько дней назад.

То видео, что я открыл первым, было двухлетней давности. Судя по названию, это была одна из её громких побед. Она будто совсем не изменилась с тех пор, разве что в обратном направлении. Сейчас, на коляске, исхудавшая после операции и всего прочего, девчонка выглядела ещё более хрупкой и маленькой, чем когда ей было пятнадцать лет.

К тому же, я слышал, что она почти ничего не ела, ссылаясь на побочки от таблеток.

Я поднял глаза к потолку. Думать об этом приходилось не в первый раз. И с чего интересно?

Меня никогда не заботили периоды Евы, когда она экстренно пыталась похудеть, днями пила только энергетики или даже запивала ими слабительное. Когда она прерывала просмотр фильма, чтобы сходить в туалет проблеваться после чипсов, не колышело тоже.

Голодающие девчонки вокруг — это всегда была грёбаная база, а не проблема. Тем более, не моя проблема.

Я поморщился и вернулся к видео.

Качество было телевизионным. Саню снимали с нескольких камер, подмешивая кадры лиц зрителей и судей. В синем платье с блёстками, она стояла в центре на льду несколько

мгновений неподвижно, пока разгонялась музыка.

Зализанный пучок пшеничных волос, большие серо-зелёные глаза, в которых не было ни капли волнения. В какой-то момент она улыбнулась. Кажется, ровно там, где это было необходимо. И через мгновение начала плавно двигаться. Музыка будто тянулась за её движениями шлейфом. Я завис, наверное, раскрыв рот, как полный дегенерат.

Просто не мог поверить, что эта девчонка со стеклянным взглядом, беспомощная и странная, может так двигаться. Что кто-то вообще на это способен.

Когда начались прыжки и вращения, я и вовсе подумал, что ошибся и смотрю про кого-то другого. Пришлось ещё раз посмотреть описание к видео. Хотя это лицо было не подделать.

Я снова перевёл взгляд на потолок и вдруг вздрогнул от осознания — её комната была ровно под комнатой Евы. Я прекрасно это знал, но только теперь подумал, куда именно пялился всякий раз, когда был в смятении.

Она наверное и сейчас сидит там в коляске. Может быть, в том же самом месте, где остановился мой взгляд.

Чёрт… Как же всё это странно.

Мазнув взглядом по Еве, я вернулся к видео. Я вообще в этом не разбирался, но Саня была великолепна, кажется, не только по моему мнению. В конце диктор озвучил, что она набрала больше всех баллов.

Когда её награждали, она выглядела такой свежей и спо-

койной, словно недавно не выполнила сложнейшие трюки и не заставила своё тело чуть ли не ломаться пополам. Словно то, что я видел на льду, давалось ей легко и было для неё естественным.

Она, кстати, перестала улыбаться и выдавать любые эмоции, как только судьи озвучили баллы.

Видимо, как раз-таки это давалось ей с трудом.

Странная до жути.

И я не один так считал. Многие хвалили Саню, находились те, кто болел за других и злился (ну да и пошли они), было несколько комментов, где говорилось, что она пугает людей. Кто-то даже назвал её ледяной принцессой. Мило, конечно. Обосраться как.

Я впервые по-настоящему задумался о том, как много она потеряла. Это было не просто хобби. Как много вообще нужно пахать, чтобы добиться таких результатов?

Вряд ли у неё даже хоть когда-нибудь был парень. Или вообще хоть что-то кроме спорта.

И… стоило мне только об этом подумать, как я наткнулся на другой тип комментариев.

“Костя подарил ей такой красивый букет”

“А вот когда у Кости было сольное, она не пришла”

“Я здесь только ради Костика и Саши”

“Кто ещё с ютуба Кости?”

Странно… Что ещё за Костя? Имя дебильное.

Отмотав ещё немного, я увидел кадр, где Саша подъезжа-

ет к бортикам. Там была какая-то женщина, кажется, её мама. А рядом с ней симпатичный на лицо паренёк с огромным букетом роз.

Как Саня на это отреагировала уже не было видно, телевизионщики начали снимать кого-то другого.

Тогда я стал копать дальше и провалился в грёбаную кроличью нору. Про парочку "Костя + Саша" не было бы столько спекуляций в интернете, если бы не её постоянный, так сказать, партнёр по фигурному катанию. Хотя большую часть времени она вроде выступала одна, в своём одиночном катании, но потом откуда-то нарисовался ещё и Константин Морозов. В отличие от Сани, он активно вёл все возможные соцсети, даже стримы и видео на ютубе имелись, хотя и не очень много. Не сказать, что был крупным блогером, но свою аудиторию собрал.

И эта аудитория почему-то считала, что он и Саня — отличная, мать их, пара.

Мне этот Костик сразу показался каким-то скользким. Манерный, любитель потрепаться, да и ещё и в основном о себе любимом.

У него на страницах было много видео с выступлений в паре с Саней. Там она раскрывалась иначе. Двигалась по-другому. Не так, как в одиночных прокатах, где всё держала сама, до последнего миллиметра. Здесь этот Костик вёл её за руку, ловил после поворотов, придерживал за талию перед какими-то поддержками. И самое мерзкое — она не дёрга-

лась. Не каменела. Будто так и надо.

Придраться было не к чему, на мой дилетантский взгляд. Но я всё равно быстро закрыл вкладки с ними, решив, что её выступления в одиночестве впечатляют гораздо сильнее.

Потом зачем-то я полез смотреть его так называемое творчество, но быстро стало скучно, захотелось выключить. Только собрался выкинуть эту нездоровую тему из башки, как в одном из видео появилась Саня.

Сразу стало в разы интереснее. Гадство.

Это был какой-то тупой челлендж вроде ответов на вопросы. Она сидела в его комнате в джинсах и чёрно-белой водолазке. С макияжем выглядела какой-то другой. На выступлениях он тоже был, но не такой и по понятным причинам.

Он много говорил, она отвечала мало и по делу, на контрасте они выглядели вдвоём… интересно.

— Глеб… — раздался рядом голос Евы, и я сразу же вытащил из уха наушник и вырубил телефон. Ну его. Нахрен. — Ты что там смотришь?

Было видно, что она только проснулась и не всматривалась в видео, а потому вряд ли узнала на нём Сашу.

— Ничего, — я машинально обнял её крепче, — спи дальше.

Не хотелось, чтобы Ева узнала об этом. Просто не было желания обсуждать, а она бы не затыкалась.

— Ты будто чем-то расстроен… — прошептала девушка. — Так сильно за меня волнуешься?

— Ага.

***

Достоин ли я денег моего отца?

Я даже не могу его ударить в ответ и пристаю к грёбаной сиротке на коляске. Кто я, если не последняя мразь?

Так она сказала. Сказала с таким видом, будто реально имела право об этом рассуждать.

Чёртова тварь…

Я ненавидел её. Ненавидел, когда крушил комнату. Когда разбил монитор и сломал грёбаную трубу кувалдой, которая несколько лет валялась среди моих вещей прикола ради. Ненавидел, когда раз за разом прокручивал в башке наш разговор.

И её разговор с отцом.

Но при всём при этом, когда пришла Ева и спросила, что я, чёрт возьми, вытворяю, я ответил ей с безумным смехом:

— А что мне делать по-твоему? Что делать, если она права?!

Глава 18

Глеб.

Несколько дней назад.

Ева ничего не поняла, а мне не хотелось объяснять. Каким-то образом девушка, рядом с которой я вырос и на которой по желанию наших семей должен был однажды жениться, оказалась последним человеком, с которым мне хотелось говорить откровенно.

Я прекрасно знал, что она ответит насчёт меня самого. И тем более — насчёт Сани.

Для Евы она по умолчанию была вторым сортом. Её мнение ничего не могло значить. Брать её слова в голову — себя не уважать.

А я… и не уважал.

От этого стало ещё смешнее, и я не затыкался, даже когда выталкивал Еву за дверь, не обращая внимания на её возгласы о сотрясении и всём остальном.

Через два часа я лежал на кровати. Дорожки слёз на лице высохли, кожу щипало. Было холодно и до ужаса тихо.

Я был так зол, но шло время. И с каждой минутой я успокаивался насчёт себя. Может быть, всё было именно так, как Саня сказала. Вот только деньги меня не волновали. Но сути дела это не меняло.

Я ждал не наследства, а хотя бы каплю тепла. Хоть что-то,

что прикрыло бы собой всё то дерьмо, что отец вываливал на меня каждый божий день. Как будто так бы я смог сказать себе, что не зря всё это терпел…

Но, может, стоит смириться, что всё-таки зря.

Что я недостоин нормального отношения. Просто по умолчанию.

Ну и ладно. Когда-нибудь мне всё равно бы пришлось посмотреть на свою жизнь трезвым взглядом.

В конце концов, мне скоро двадцать. Давно пора просыпаться, чёрт возьми.

Мысли в любом случае стали утекать в совсем другое русло.

Саня смогла меня зацепить, смогла разозлить так, что я действительно мог бы… Мог бы сорваться. Еву же ударил. Если бы не этот случай, я бы ещё сомневался в своей дурной натуре.

А самое главное, что сама Саня этого ожидала. Была уверена, что я сделаю с ней что-нибудь нехорошее. С ней. Девчонкой, которая даже встать-то не могла. С глазами на пол лица, вечно красными, заплаканными. С потресканными, кровоточащими губами.

Если бы так было, как бы я смог жить дальше? Должна быть у человека хоть какая-то граница, которую нельзя переходить.

А она считала, что мне это ничего не будет стоить. Доверила мне свою жизнь, потому что на самом деле хотела уме-

реть.

Задевало и её отношение, и её намерение.

Но осуждать её или считать слабой, учитывая всё, было невозможно.

Мне не стоило говорить ей про это. Даже несмотря на то, что она пыталась меня использовать.

Потерять мать так рано — такого и врагу не пожелаешь. Уж мне ли не знать.

А я сам виноват, что она решила, что я конченный псих.

Впрочем, я ведь им и был.

Так что с неё взятки гладки.

Только советовать мне говорить с отцом, а не с ней — совет, конечно, охренительный. Да если бы я знал, что он мне ответит, ноги бы моей больше не было рядом с «её» комнатой. Я бы лучше позволил ему триста раз избить себя, чтобы получить ответ, чем хоть раз бы стал доставать её. Вот только батя ничего не сказал бы ни на трёхсотый раз, ни на трёхсотмиллиардный.

Я лежал на постели, пялился в потолок, на губах играла безумная, ироничная улыбка.

Было то самое настроение, когда балансируешь на грани между желанием взорвать всё вокруг к чертям или пойти и тихо сдохнуть под забором, как собака, поджав хвост.

Ну… и ещё почему-то хотелось вернуться к ней. Извиниться. Да, наверное, стоило бы. Но у меня не получилось себя заставить.

Только спустя ещё час я смог хотя бы оторваться от созерцания потолка и взять в руки телефон. В закладках было несколько видео, которые я хотел посмотреть. Большая часть была связана с Саней.

Я нажал на самое короткое. С канала долбаного Кости, конечно. Они задавали друг другу вопросы его подписчиков или что-то в этом роде. На самом деле это было интересно. Вот только не в те моменты, когда говорил пацан. Если бы у меня были силы, я бы промотал всё, что связано с ним. Но их не было. Да и пропустить что-то важное не хотелось.

«Костя, — выдохнула Саша, читая вопрос с телефона, — прости за нескромный вопрос, но мне интересно, какой у тебя типаж в девушках…»

Я вяло усмехнулся. Конечно, какой ещё контент может быть у малолеток, которых смотрят другие малолетки. Ну и бред.

Я смотрел только на Саню. На ней была белая майка, которая не скрывала лямки такого же белого лифчика и широкие штаны на низкой талии, открывающие выступающие косточки таза.

Сердце метнулось в груди. Я тяжело сглотнул и сам с себя закатил глаза. Она тут младше, чем сейчас, так что надо бы поосторожнее.

Правда, спокойнее, когда я переводил взгляд на её лицо, не было. Она выглядела уставшей и ей будто совершенно не нравилось сниматься в дурацких видосах своего «партнёра».

Так нахера ж тогда?

«Нескромный, конечно, — парень хихикнул. — Но я отвечу. Мне определённо особенно нравятся не очень высокие девушки. Аккуратные, такие, не пошлые, без сильной краски на лице. Худые, да. Не обижайтесь. Это просто личный вкус, так-то все хороши. Но и не совсем плоские. Скромные, но не ванильные. Ну и, конечно, — он посмотрел на Саню, — блондинки. Со всеми вытекающими — светлые глаза, светлая кожа… Это очень красиво».

Я не должен был никак реагировать. Сколько ему тогда было? Лет пятнадцать? Это же просто смешно. Кто в его возрасте не нёс подобную чушь?

Вот только на душе стало ещё гаже, чем было.

«Светлые глаза…» Это же надо было так извернуться. Обычно если речь про блондинок, то сразу хочется сказать — голубоглазые. Ну потому что такие они в большинстве своём, чё там ещё уточнять?

Но у Сани были необычные глаза. Они часто меняли цвет. Но определённо были зелеными у зрачка и переходили в серый дальше, ободок был темнее, тоже то ли зелёный, то ли синий.

Но описать каким-то подобным образом было бы слишком палевно.

Конечно, она ему нравилась. Если бы это было не так, я бы подумал, что с ним что-то не так.

Меня больше интересовала реакция самой Сани.

А она… была великолепна.

Девчонка просто смотрела на него, ожидая, когда он закончит. Никаких эмоций, её лицо никак не изменилось с тех пор, как она начала зачитывать вопрос. Непонятно, не поняла ли она что к чему или ей просто было всё равно, но все ужимки парня на её фоне смотрелись такими глупыми, что я немного успокоился.

«Ладно, — усмехнулся Костя. — Теперь вы в курсе. Теперь вопрос к тебе, Саш».

Это «Саш» ещё долго звучало эхом у меня в башке. Вроде ничего такого, то есть вообще ничего, а хотелось его передразнивать снова и снова.

«Если тебе придётся выбирать, одиночные выступления или парные, что ты выберешь? И ещё — если тебе вообще придётся уйти из фигурного катания, то чем ты займёшься? Допустим, ты не добьешься никаких успехов: что дальше?»

Тут я позабыл обо всём прочем и просто прилип к экрану. Вопрос был актуален, как никогда.

Саша ответила сразу же, не раздумывая:

«Мне в любом случае придётся выбрать, и, конечно, я выберу одиночные выступления. Это совсем разные дисциплины, я не смогу разрываться вечно, тем более если хочу преуспеть…»

«Эй, зачем так жестоко? — прервал её Костя. — Ты сейчас разбила сердце многим нашим фанатам».

Саня посмотрела на него как на идиота и не удостоила от-

ветом. Но про вторую часть вопроса она помнила, поэтому продолжила:

«Что касается того, что я буду делать, если не добьюсь успехов, то я всего добьюсь в любом случае. Об обратном просто нет смысла рассуждать».

В горле тут же пересохло. Она была так уверена, потому что много работала и знала, что для любого результата нужно просто приложить достаточно усилий. Успех — это не что-то, что просто может произойти или нет. По крайней мере, её это точно не касалось.

Вот только про аварию и разбитое на осколки колено она тогда не думала. Она совершенно не была к этому готова.

А я триста раз пожалел, что вообще открыл это видео.

Надо ещё постараться найти более, чёрт возьми, удручающую вещь в мире.

«Блин, это вопрос на фантазию, — улыбнулся Костя. — Просто представь».

Я заострил внимание. Неужели у неё всё-таки будет хоть какой-то план на случай, если она не сможет больше заниматься своим льдом?

Саня, на удивление, и тут ответила быстро, словно всё это было удручающей обязанностью, от которой она хотела отделаться как можно скорее:

«Заведу собаку…»

«Чего?» — это спросил Костик. Но у меня был тот же вопрос.

«Я всегда хотела собаку, — ответила Саня просто. — Но её нужно будет выгуливать. Ни у меня, ни у мамы ближайшее время не будет на это времени. Как только я перестану катать, я куплю щенка».

Я ещё несколько раз пересматривал этот фрагмент. А потом полез искать ближайшие к нам собачьи питомники…

Глава 19

Саша.

Собачка протяжно заскулила, переминаясь с лапы на лапу по ногам Глеба, словно втаптывая влагу в его и без того изгвазданные шорты.

Парень застыл, глядя на меня и машинально положив ладонь на голову щенка.

Сердце бешено колотилось в груди. Я хотела высказать ему то, о чём думала долгое время. И мне было всё равно, даже если бы он рассмеялся мне в лицо. Но почему-то слова всё равно не хотели срываться с губ, безбожно застряв в глотке острым комом.

И он сам будто испытывал то же самое. В море его глаз было слишком много всего. Молчание не было неловким, но оно затягивало и с каждым мгновением становилось всё… откровеннее.

— Может, ты всё-таки назовёшь её как-нибудь?

Я выгнула бровь, словно спрашивая, действительно ли он хотел поговорить именно об этом.

Да и… почему я должна была давать имя его собаке?

Парень ещё почему-то ждал от меня чего-то вроде умиления. Будто не понимал, что все его действия кажутся мне подозрительными и, откровенно говоря, вызывают лишь паранойю.

— Имя? — прошептала я, когда поняла, что с темы он не съедет. Точнее, что успешно съезжает, но непонятно, с чего именно. Что там могло таиться такого в его тёмной душе? — У меня вообще-то плохо с фантазией, я не гуманитарий. Назови её Ссыкушка, не знаю, — я усмехнулась.

Он недоумённо моргнул, а затем рассмеялся.

— Ты… — выдохнул он в итоге. — Ты невыносима.

— Не нравится? — я внимательно посмотрела на рыже-белую малышку и стала перечислять первое, что приходило в голову: — Апельсинка, Лупоглазка, Лида — типа лидокаин, Скай — потому что скулит, Печенька, Тыковка…

— Боже, тебе что, пять лет? — ухмыльнулся он.

— Ну тогда Лулу.

— Почему?

— Просто, — я пожала плечом и немного поморщилась, — Лулу и всё.

Он задумался, почесав щенка за ухом, и в итоге кивнул.

— Хорошо. Значит, Лулу.

Я удержалась, чтобы не спросить, почему вдруг его собака будет носить имя, которое я придумала. Неужели хочет, чтобы я к ней привязалась, чтобы потом утопить её в моём унитазе? Так ведь обычно поступают психопаты?

Хотя у него был такой потаённо-взволнованный вид, что я начала чувствовать, что это только со мной что-то не так и только у меня без причины появляются столь мрачные мысли.

Я просто уже потеряла логику в его действиях, его собственные поступки и слова Андрея Викторовича накладывались на это. Было не по себе.

Но мне не хотелось снова говорить ему гадости.

Я думала совершенно о другом.

— Глеб… — продолжила я. В первый раз он перебил меня, но в итоге так ничего и не сказал сам. — Прости меня, — я собрала всю волю в кулак и посмотрела ему в глаза.

— Что? — ответил он нарочито непринуждённо, хотя я почувствовала, что он напрягся ещё больше. — Всё-таки хочешь признаться мне, как на самом деле оказалась в моей комнате?

Я проигнорировала это. Он делал всё, чтобы оттянуть неизбежное. Но почему так поступал? Этого понять мне было не дано.

— Я не должна была ничего тебе говорить. Ты меня разозлил, и я… Не надо было лезть в твои отношения с отцом и…

— Замолчи, — попытался оборвать меня он. Тихо и быстро. Раздражённо.

— Я так не думаю! — я повысила голос и быстро продолжила. Меня мучила совесть, и я хотела высказаться, несмотря ни на что. — Я ничего не знаю о тебе. Я никто и не могу судить. Мне всё равно, правда, у меня и в мыслях не было…

Голос дрогнул, мне стало неловко. Может быть, не стоило этого говорить. Может быть, он уже забыл обо всём и ему

было всё равно. А мои извинения только больше разозлят.

Так и случилось: Глеб снова выглядел злым, вот только как-то не так, как я ожидала.

— Да что ты извиняешься, твою мать? — спросил он резко. — Это я должен извиняться. Зачем я, по-твоему, сюда пришёл? Это же я на тебя наехал, ты тут вообще ни при чём. И после всего, что я сделал, ты ещё мало сказала.

Я вдруг немного нервно усмехнулась. Он заметил это и не по-хорошему разволновался ещё больше.

— Что ты улыбаешься?

— Просто, — выдохнула я. — Ты кричишь на меня, потому что… я извинилась, хотя ты сам собирался извиниться. Может быть, это тебе пять лет?

— Я не кричал, — он осекся и застыл на несколько мгновений с перекошенной челюстью. — Извини. Саня, я не должен был лезть в твою медкарту.

— Так… это не Роман Иванович тебе про меня рассказал?

Мне было неприятно обсуждать эту тему. И странно, что Глеб интересовался моим здоровьем. Ничего хорошего во взгляде постороннего человека на твои самые больные места быть не может. И всё же, уж лучше его нездоровый интерес, чем знать, что я не могла доверять собственному врачу хоть немного.

— Нет, я вообще не должен о тебе думать, не то что спрашивать, — ответил он. — Я просто хотел понять, что происходит. Понимаешь?

Он посмотрел на меня с таким странным чувством… Это была не жалость, но ему было жаль.

— Глеб… — выдохнула я. — Отец так и не поговорил с тобой?

Он не сразу ответил, отвлёкшись на Лулу. Она едва не спрыгнула на пол, так что он убрал её назад в переноску и закрыл решётчатую дверцу. И чего приносил?

— Может, шорты снять… — пробормотал он, досадливо глядя на свои ноги.

— У щенков моча не такая противная, как у взрослых собак, — произнесла я без эмоций, хотя на «хи-хи» немного пробивало. — И не так сильно пахнет, как у кошек или людей. Меня не сильно смущает. Уж лучше смотреть на обосанные шорты, чем на твои трусы.

— У тебя… — он усмехнулся, — очень странные предпочтения, Саня.

— Никто раньше не додумался звать меня так, — заметила я просто ради перехода к более важной теме. — Твой отец сказал мне, что поговорит с тобой. Но раз он этого не сделал… Я расскажу тебе то, что он сказал мне в больнице.

Он застыл на месте и ничего не ответил.

Так что я, отъехав немного в сторону (потому что сидеть на коляске к нему впритык без Лулу между нами было странно), начала рассказывать. О том, что из-за болезни люди часто слишком много думают о прошлом, о своих плохих поступках, о том, что будет после смерти. Что у Андрея Вик-

торовича просто случился порыв помочь мне, тем более что когда-то давно он знал мою маму. Ему необходимо было сделать что-то хорошее перед собственной операцией. Просто чтобы быть спокойным.

Между нами ничего не было. И то, что я оказалась в итоге в комнате сына мужчины, — случайность. Удачное или не очень стечение обстоятельств.

Глеб сначала слушал меня спокойно, будто обо всём знал и так. Но когда я рассказала, что его отец был другом моей мамы, он изменился в лице и с каждым мгновением всё больше стал походить на демона.

— Так что… — закончила я тихо. — Я правда никто. И никакого заговора против тебя нет. Через пару месяцев я исчезну, и тебе вернут твою комнату. Я не знала, что стесню тебя, правда, иначе бы не согласилась…

Он смотрел на меня будто стеклянными глазами. Было видно, что на мои последние слова ему было плевать.

— Глеб? — спросила я.

— Да иди ты… — он вдруг подорвался с кровати, застыл на мгновение, нависнув надо мной жуткой тенью, а затем развернулся и вышел из комнаты.

— Что опять не так? — крикнула ему вслед.

— Ты полная дура, вот что, — ответил он и снова хлопнул дверью.

Вот и поговорили.

Глава 20

Саша.

Несколько дней назад.

— У меня, возможно, осталось мало времени, Саша, — выдохнул Андрей Викторович.

Он всё ещё сидел напротив и смотрел прямо на меня сквозь стекло прямоугольных очков.

Я плохо себя чувствовала. И что ещё важнее — вообще не понимала, почему мужчина делился со мной откровениями. От этого становилось не по себе.

Наверное, стоило сразу прервать его и настоять на прекращении нашего «сотрудничества». Но я всё же не спешила этого делать.

— Я жалею о том, как прожил свою жизнь. Слишком много хотел, слишком много времени и сил отдавал на то, чтобы обслуживать свои амбиции. Мне всегда было мало, я не мог радоваться никаким успехам дольше минуты. И слишком поздно понял, как мало в этом смысла. Ты сейчас вряд ли сможешь понять. Тебе, наверное, кажется, что всё очень просто и я обычный дурак. Но это ловушка молодости. Постоянно кажется, что ещё достаточно времени. А потом не замечаешь, как с тебя начинает песок сыпаться…

Я невольно усмехнулась и тут же почувствовала укол боли. Губы были сухие и в трещинах. Лёгкое натяжение порва-

ло тонкую кожу.

— Некоторые работают как проклятые всю жизнь. И не потому, что у них амбиции. Просто выбора нет. Я бы сказала, что таких большинство. И это вся их жизнь — тяжёлый труд, направленный лишь на то, чтобы на столе всегда был кусок хлеба.

— Ненавидишь меня за то, что у меня был выбор? Я много работал для того, чтобы он был.

— А другие просто работали меньше, да? Плохо старались… Все и всегда говорят одно и то же. Я в это не верю. Вы хотите, чтобы я вас пожалела, потому что вы по своей воле и имея все альтернативы «попали в ловушку»?

— Нет, — он нисколько не разозлился, даже улыбнулся. — Уж жалости мне точно не нужно. Я хотел объяснить тебе, почему поступал именно так, а не иначе. Почему, в конце концов, ты здесь.

Я кивнула.

— Это правда очень интересно. Очень интересно, почему вы привезли в свой дом никому не нужную сиротку, с которой вас мало что связывает. И почему позволяете ей её глупые и дерзкие высказывания в вашу сторону, когда ваш сын получает по затылку и за меньшее.

Он моргнул, будто недоумённо. А затем рассмеялся.

Я правда ничего не понимала. Все мои слова, вся моя позиция была просто нелепой, учитывая, что я проходила реабилитацию за его деньги. Он мог бы мне напомнить об этом

и не возиться дальше с объяснениями.

Правда, тогда я напомнила бы, что кости имеют свойство срастаться и в государственной больнице, а на всё прочее мне просто плевать.

— Тебе страшно, Саша. Ты пережила за свои почти восемнадцать больше, чем многим достаётся за всю жизнь…

— Давайте не будем об этом, — прервала я его.

— Хорошо. Я просто хотел сказать, что ты очень умная девочка, я о тебе очень высокого мнения. Но всё же ты очень молода, у тебя сейчас играет юношеский максимализм, мир либо чёрный, либо белый. Все через это проходили. Если на данном этапе ты считаешь, что я просто капиталистический ублюдок, который привык слишком много себе позволять — хорошо. Твоё право. Меня это нисколько не задевает.

Я невольно сжала пальцы на простыне. Конечно, он был прав. Даже если мне иногда казалось, что я достаточно умна, чтобы вступать в спор со взрослым мужчиной, который много чего добился в жизни, верить этому было бы последней глупостью.

Но это ведь не означало, что я должна была просто заткнуться, не имея никакого жизненного опыта и морального права на формирование своего собственного мнения?

Так можно поверить во что угодно и позволить сделать с собой что угодно. Ведь мужчина же старше, умнее, опытнее.

— Тогда… — выдохнула я. — Стоит ли нам говорить дальше, если вы будете смотреть на меня сквозь пальцы и не

воспринимать всерьёз?

— Просто выслушай меня, — ответил Андрей Викторович. — Ты хочешь уйти, а я хочу это исправить. Не переубедить тебя, а объясниться.

— Хорошо.

— Нет смысла жалеть себя из-за того, что уже прошло. Но меня стали волновать моменты, о которых я раньше не задумывался. Я плохо поступал с некоторыми людьми и изрядно… запачкал свою душу. Можешь смеяться надо мной, вы, молодёжь, наверное, к вере относитесь скептически. Я тоже не ходил в церковь каждое воскресенье. Но чем ближе моя операция, тем сильнее потребность в молитве. Страх смерти один для всех — и для бедных, и для богатых, — его тусклые глаза по-странному, пугающе замерцали. — Я стал больше жертвовать на благотворительность, исповедовался, делал всё, что мог… Думаешь, это слишком цинично? Что я стал проявлять такое рвение лишь из-за желания в итоге не попасть в ад?

— Больным раком детям плевать, из каких побуждений им отправили деньги на лечение, — ответила я, нахмурившись.

Большую часть времени Андрей Викторович был облачён в ауру власти и выглядел не то что нормально — он выглядел опасно.

А теперь сидел передо мной будто почти что труп, уже смирившийся со своей участью.

— Им — определённо да. А вот что думает об этом Бог? — мужчина склонил голову и потёр переносицу. — Я стараюсь, Саша, но не могу изменить свою суть так быстро. Жалею, что не задумался об этом раньше. И почему только человек до последнего мнит, что он бессмертный, прекрасно зная, что пока он дышит, в любую секунду вокруг умирают тысячи других таких же, как он. Кто имел наглость верить, что никогда не умрёт.

Он вываливал мне всё, что, казалось, месяцами копилось в его голове. Просто так, без какой-либо обработки. Я с тихим ужасом подумала, что едва ли он говорил об этом с кем-нибудь другим.

В этом не было ничего удивительного, если в его окружении были только акулы, что бездумно раскроют пасть, как только почувствуют запах крови.

Скорее всего, никто посторонний и не знал о его болезни.

Но и в семье не было никого, кто мог бы его поддержать.

А я была хоть и чужим человеком, но безобидным и к тому же маломобильным и зависящим от него. Со мной он мог не опасаться.

И это выглядело… жалко. В такой жизни, во всех его деньгах действительно не было никакого смысла, раз в итоге ему пришлось разговаривать со мной и не нашлось никого более подходящего.

— Это механизм психики, — тихо сказала я, не вкладывая в слова никакого особого смысла и не стараясь быть

уместной. Я просто заполняла тягостную тишину и давала Андрею Викторовичу время, чтобы оклематься. — Если бы люди каждое мгновение отдавали себе отчёт в своей смертности, человечество не продержалось бы долго. Поэтому все механизмы направлены на то, чтобы обмануть нас. И лишь ради того, чтобы мы весело плодились и размножались. Хотя это не имеет никакого смысла для благополучия отдельной особи и нужно для выживания вида в целом.

— Да, — Андрей Викторович поднял голову и не по-доброму усмехнулся. — В конце концов всё именно так. Я нахожу забавным то, на какие жертвы отдельный человек идёт для всего человечества, даже не подозревая об этом. И при этом всю жизнь грызётся с другими людьми за место под солнцем. Мир полон противоречий… Впрочем, некоторые отпрыски лучше бы не рождались… Не представляю никого, кто сказал бы мне спасибо за то, что он есть.

— А как же Ева?

— Ева? — Андрей Викторович будто повеселел. — Он недавно обеспечил ей сотрясение мозга. Бедная девочка всё ещё надеется увидеть в нём что-то хорошее. Ну… или просто хочет мои деньги.

Я застыла. Уже давно её не видела. Неужели он и правда её ударил? Да ещё и так сильно?

— Ладно, не будем о них… Я хотел сказать, что с тобой другой случай. Я искренне захотел тебе помочь. Для меня это очень важно, Саша. Считай, что я сошёл с ума на старо-

сти лет. Тогда в больнице я не о чём тебе не солгал. Но дальше проявилась не самая лучшая моя черта. Как я и сказал, от старых привычек трудно избавиться. Прошу прощения, что пытался манипулировать тобой.

Глава 21

Саша.

Несколько дней назад.

— Я отвык от талантливых молодых людей. К сожалению, и я, и круг моих друзей, видимо, многое упустили в воспитании младших. Никто из наших детей не привык утруждать себя умственной деятельностью лишний раз. Я признаю, что это не их вина. В конце концов, даже крысы тупеют, если их кормить просто так, а не в качестве поощрения за решённые задачи. Так как ты больше не сможешь заниматься фигурным катанием профессионально, я хотел бы предложить тебе работу в моём холдинге.

Мне, наверное, стоило бы застыть, заморгать ресницами недоумённо или прикрыть от шока рот ладошкой. Но, честно говоря, его слова совершенно не удивили. Впрочем, логичными они мне тоже не казались.

— Андрей Викторович… это же просто смешно…

— Отчего же? Ты хорошо справилась с теми документами, которые я тебе показал. Несмотря на своё состояние, быстро разобралась в базе. Ответила безошибочно на все вопросы. Думаю, если бы я подключил тебя сейчас к созвону в зуме с акционерами — ты не растерялась бы и нашла, что сказать. А ещё поняла бы, кто есть кто.

— Вы сами-то себя слышите? Мало ли людей на свете,

которые способны к обучению. Не тащить же в компанию всех подряд.

— Ты не все подряд, — вздохнул он. — Ты моя последняя надежда.

Если бы он не говорил так серьёзно, я не выдержала бы и всё-таки рассмеялась.

— А что такого, Саша? Я же не собираюсь переписывать всё на тебя и сажать тебя, восемнадцатилетнюю, в самое высокое кресло на совещании. Многие детишки типа Глеба или Евы учатся лишь для проформы, они точно знают, чем будут заниматься дальше, и начинают с раннего возраста вникать в дела компании. Ты будешь учиться и одновременно, конечно, когда придёшь в себя и подготовишься, я дам тебе небольшую должность. Разумеется, с возможностью карьерного роста.

— Вы же понимаете… — выдохнула я, — что я не ваш ребёнок?

— К сожалению, — отозвался он тут же. И на мгновение застыл, глядя на меня, будто вспомнил что-то важное. Или словно ему в голову пришла какая-то очередная странная идея. — Но ты моя подопечная по документам. Конечно, после твоего восемнадцатилетия у меня не будет никаких прав на тебя влиять и распоряжаться твоей жизнью. И всё же мне хотелось бы всё устроить наилучшим образом. Подумай сама, Саша — очевидно, ты ценный кадр, ты будешь серьёзно относиться к работе, у тебя отлично работает голова

и всё в порядке с дисциплиной. Это не благотворительность — мне это выгодно. Да и… мне так будет спокойнее, учитывая, что на Глеба надежды нет.

— А я должна взамен… что?

— Серьёзного отношения к работе будет достаточно.

— Вы предлагаете мне социальный лифт… просто так?

— Саша, — протянул он вдруг с иронией. — Давай серьёзно: что ты можешь предложить мне взамен? Чего ты можешь опасаться? Чем рискуешь?

— Значит, по-вашему, мне совершенно нечего терять?

— Это очень грубо звучит, но это правда. Я никак не могу тебя использовать. И да — если ты вдруг опасаешься — никаких некрасивых планов на тебя, как на девушку, у меня тоже нет. Ты слишком маленькая, и я действительно воспринимаю тебя как свою подопечную.

Он сказал это прямо мне, нисколько не смягчая углы. Так как я и не думала о таком всерьёз, могла бы сейчас смутиться. Вот только не после глупых слов Глеба и его странных претензий.

Хотелось ответить, что я была бы рада, если бы он сообщил об этом своему испорченному сыну. Но уже не стала касаться бедного Глеба, которого отец и без того вспоминает каждые пять минут. И не в слишком-то хорошем ключе.

— Что касается работы в моей компании. Я понимаю, что тебе будет нелегко согласиться. Ты привыкла всего добиваться своим трудом и упорством, и тот факт, что кто-то мо-

жет поспособствовать твоему старту, наверное, будет нелегко принять. Но я надеюсь на твою благоразумность.

— Вы не правы насчёт меня, — ответила тихо, но уверенно, не стараясь показаться лучше, чем я есть. — Иначе меня бы здесь не было. Я прекрасно понимаю, что нужно извлекать выгоду из любого шанса, нетворкинг — неплохой способ пробиться повыше, а уж чьё-то покровительство… тем более. Такие правила, и отрицать это глупо. Вот только в общении я бездарна, и переступить через себя в некоторых вопросах не смогу. Если же от меня ничего не требуется, кроме честной работы, то сделка — просто класс.

— Значит, ты согласна? — Андрей Викторович довольно улыбнулся.

— Согласилась бы, если бы вы всё-таки объяснили, зачем устраивали мне игры разума. Документы, шахматные партии, разговоры о бизнесе — про это теперь всё ясно. А что же с вашим последним предложением?

— Да, как раз к этому я и вёл. Конечно, решив помочь тебе тогда, в больнице, я и не думал ни о чём другом. Но пообщавшись с тобой, изучив тебя получше, я принял решение предложить тебе работу. Я уже говорил, что… как бы это сказать… Год за годом общаясь с людьми в рамках моей работы, отбирая их, наблюдая за ними, я несколько… деформировался. Я привык не верить людям на слово, а создавать ситуации, в которых они, сами того не подозревая, могли бы ответить на все мои вопросы, понимаешь? Поэтому,

признаться, я не прогонял Глеба самостоятельно. Мне хотелось, чтобы ты сама оценила уровень опасности, которую он представляет. Приняла решение и сообщила об этом мне. Я смотрел на тебя сквозь призму бизнеса и прошу за это прощение. Это меня не оправдывает, но я могу тебе поклясться, что не действовал осознанно в полной мере. Это просто… привычка.

— Привычка? — я усмехнулась, вспомнив, как он поставил вопрос. Что-то вроде: хочешь моей защиты, попроси об этом словами через рот и желательно немедленно. — Больше походило на шантаж.

— Я искренне раскаиваюсь. Ничего подобного больше не произойдёт. Сама понимаешь, жизнь наложила на меня свой след. И я не могу стереть его, как бы ни пытался. К тому же, в итоге я остался доволен тобой. Я всё понял, и у меня точно больше не будет резона как-то тебя проверять.

— В каком смысле?

— Я пока не понял, как и почему ты относишься к Глебу, но мне достаточно твоего отношения ко мне. В конце концов, мне не удалось тебя запутать. И это несмотря на твою уязвимую ситуацию и на то количество дурманящих голову лекарств, которые ты принимаешь. Я понял, что ты не позволишь собой манипулировать, и это очень ценное качество для меня и моего холдинга. Так что… прошу ещё раз, оставайся.

— Хорошо… — отозвалась я, немного подумав. И всё ещё

чувствуя себя странно из-за того, что предмет разговора казался нереальным. Почему почти незнакомый мне богач едва ли не умоляет меня принять его помощь, не прося ни о чём взамен? Я бы подумала ещё, да только он был точно прав в одном: мне нечего было терять. — Но с одним условием. Раз уж вы поставили меня в такое положение, когда у меня почему-то есть на это право.

— Всё что захочешь, Саша.

— Я хочу в больницу, — ответила быстро. — Не нужно выгонять Глеба. Верните ему комнату. А меня верните туда, где я и лежала. Или в обычную клинику — я совершенно не против.

Он задумался. Взгляд потемнел. В глазах промелькнуло холодное разочарование.

— Я ведь говорил, мне это не совсем удобно…

— А мне неудобно занимать чужое место. Во всех смыслах, Андрей Викторович.

— Ладно, Саша, давай сделаем так: сначала я поговорю с Глебом. Я не считал, что обязан перед ним отчитываться, но раз уж так сложились обстоятельства… Я всё ему объясню. И если с ним будут проблемы после этого — тебя перевезут. Только недавно установили механизм, чтобы ты могла спускаться по лестнице на коляске. Я хотел показать тебе наш сад. Рядом лес, ровная дорога, отличное место для прогулок. Диля сможет возить тебя. Здесь будет лучше, чем в больнице. И мне спокойнее.

Мне это совсем не понравилось, поскольку вопрос с комнатой никак не решался. Но от мысли, сколько он потратил денег на оборудование в этот дом, стало неловко. Хотя это и было его решение, я всё-таки не посмела возражать.

— Только… поговорите с ним, пожалуйста, как с нормальным человеком. Даже если вы его таковым не считаете.

— Не делай из меня уж совсем изверга… — он усмехнулся и поднялся, чтобы выйти. Всё-таки у него было какое-то срочное дело с Игорем.

— Андрей Викторович? — я осмелилась позвать его. Он обернулся и посмотрел на меня взглядом, означающим, что я могу продолжать. — Вы сказали, что хотели бы измениться. У вас появилась понятная причина для того, чтобы многое переосмыслить. Вот только… неужели лучше помогать мне, чем наладить отношения с сыном?

— Во-первых, — он вздохнул, — почему одно должно исключать другое? А во-вторых, есть люди, которых нельзя изменить. Помнишь, я сказал, что не знаю, может ли человек без чувств считаться человеком, есть ли у него душа. Если души нет, то и на мне любое общение с таким существом никак не отразится.

— Кажется, считается, что у животных нет души. Но едва ли Бог одобрит, если кто-то начнёт пинать собаку.

— Тут ты ошибаешься. Животных создали для одной цели — чтобы они служили людям. Чтобы мы их ели и всячески использовали. Чтобы участвовать в пищевой цепочке. И

чтобы в конце концов благодаря её работе продолжали жить люди. Как мы с тобой уже сказали — всё ради человечества.

Сказав это, он оставил меня в одиночестве.

Вроде всё решилось, но меня никак не могло оставить нехорошее чувство.

Как же легко он расчеловечил собственного сына, низвёл его до животного, которое должно безропотно прислуживать, плохое отношение к которому никак не отразится на душе Андрея Викторовича.

Той самой душе, за которую он так усиленно пытался бороться.

Он уже ушёл, я не могла ничего ответить.

Но если бы могла, то спросила бы, может ли быть душа у человека, который рассуждает подобным образом о своём ребёнке?

Или всё же нет?

Глава 22

Глеб.

Отец сказал мне подождать в коридоре.

И я сидел в кожаном кресле у окна, словно досадливая помеха перед кабинетом какого-нибудь топ-менеджера, которую можно долго держать в приёмной, пропуская вперёд кого угодно левого весь день, чтобы в итоге сказать, что она нисколечко не подходит на вакантную должность. Но может попробовать себя во владении шваброй рядом с офисными туалетами. Может быть.

Как будто бы он правда там чем-то занят. Никогда в это не поверю. Заставить меня ждать — это просто очередной способ показать, кто в этом доме хозяин. Продемонстрировать свою власть и настроить меня на нужный, так сказать, лад.

О, я был настроен.

После той ссоры с Саней я сам хотел поговорить с ним. Но собрался окончательно лишь сегодня. После того, как снова не сдержался рядом с ней и как опозорился с этой дурацкой собакой, которая явно была ей не нужна.

Лулу до сих пор оставалась там. Интересно, она хотя бы достала её из переноски?

В итоге, пока я принимал душ и переодевался, отец сам позвал меня на разговор.

Как же это бесило…

Хотелось припереть его к стенке внезапно. Но у него, кажется, тоже было что мне сказать. Впервые за долгое время. С чего бы вдруг?

— Можешь войти, — послышался его ровный, холодный голос.

Я ещё несколько мгновений сидел на месте, словно из дурного протеста. Но потом всё же поднялся и вошёл в его кабинет.

Здесь было несколько белых стеллажей с книгами, на большом столе находился тонкий монитор последней модели, рядом стоял стакан воды, лежала пачка каких-то таблеток и сложенные очки. Это и ещё несколько стульев — ничего больше в комнате не было, а окно оказалось раскрыто настежь, но мне всё равно было нечем дышать.

Сначала отец задавал рядовые вопросы. О том, как себя чувствует Ева. О моей провальной учёбе (подумал об этом только спустя несколько недель после того, как закончился учебный год). О том, что в коридоре есть камеры, и он каждый раз в курсе, когда я «навещаю» его девчонку.

Когда он всё-таки заговорил о ней, я вспомнил новый интересный случай, произошедший несколько дней назад. Я тогда сидел в столовой рядом с Романом Ивановичем, из головы не шла фраза Сани про то, что я могу рвать её волосы, её это особо не заботит, потому что они скоро выпадут. Сколько я ни ломал голову и ни копался в её диагнозах после этого, никак не мог понять, что она имела в виду.

«Никак не могу понять, — произнёс я тогда, чувствуя себя идиотом. — Что это может значить? У неё типа рак?»

На что мужчина рассмеялся и ответил:

«От самого по себе рака не выпадают волосы, Глеб. Они выпадают из-за химиотерапии. Препараты работают так, чтобы убивать быстрорастущие клетки. К сожалению, к ним относятся и волосяные фолликулы…»

«Это не совсем ответ…»

«Нет, пока никаких опухолей не наблюдается. С чего такой интерес к девочке? Понравилась?»

«Тогда что она имела в виду?» — Я с покерфейсом проигнорировал его вопрос.

«Могу предположить, что она имеет в виду сильный стресс. Из-за него волосы действительно могут выпадать клочьями. Но не сразу. Обычно ещё несколько месяцев они держатся на голове, хоть и считаются мёртвыми. Совсем не обязательно, что она облысеет, можешь не переживать так…»

«Да я вовсе не…»

Я прервал этот разговор, поскольку мне пришло кое-какое уведомление на телефон. Я написал для личных целей код программы, за которую меня могли бы посадить. И втайне установил её недавно на телефоны Игоря и отца. Когда они находятся рядом и это удаётся отследить через Bluetooth, устройство начинает записывать окружающие звуки и передаёт их мне.

К сожалению, доступно мне только пару минут, и работает всё неидеально. Это только бета-версия.

И так как время пока ограничено, я решил, что имеет смысл записывать только если отец и его помощник находятся рядом. В конце концов, вероятность того, что они начнут говорить сами с собой по отдельности и говорить именно то, что мне нужно и в нужный рандомный момент, — минимальна.

Мне пришёл файл, и я тут же отошёл подальше и подключил наушники. Запись была плохого качества из-за того, что микрофон явно тёрся о ткань. Но я увеличил громкость и всё же смог разобрать:

«...готово. Может, не следует оставлять девочку одну в таком состоянии? Судя по всему, она вряд ли так легко примет эту ситуацию», — это явно был Игорь.

«Я не действовал по плану. Не пришлось. Она останется и так…»

«Значит, просто договорились на прежних условиях? Она же говорила, что не хочет здесь находиться…»

«Она же девушка. С ними всегда так. Стоит только надавить на жалость — и аналитические способности отключаются. Правда, всё-таки придётся кое-что сделать…»

Конечно же, запись оборвалась на непонятном месте. И сколько бы я ни переслушивал её, так и не смог сделать никаких конкретных выводов. Кроме того, что знал и так: отец — полный мудила.

Как выяснилось, он долго пробыл в комнате Саши до того, как стал вести обсуждение с Игорем. Потом уже я всё-таки нагрянул к ней вместе с Лулу, хотел понять больше — и кое-что понял. Вот только это мне совсем не понравилось.

— Глеб, ты меня слушал вообще? — резкий тон отца вернул меня в реальность.

Конечно, я слушал. Это была монотонная речь о том, что я и так знал. С видом мученика, которому приходится говорить с недостойным человеком, что-то ему объяснять, он медленно повторял то, что я уже понял сам и что закрепили слова самой Сани.

Случайно узнал о том, что девочка какой-то далёкой знакомой попала в беду. Решил помочь. Он ведь в последнее время увлёкся благотворительностью, ничего удивительного.

Вот только разве обязательно было оформлять над ней попечительство, тащить её в наш дом, в мою комнату, устанавливать кучу оборудования, нанимать и селить здесь новую прислугу?

— Я ещё раз тебе повторяю: тебя это никак не касается. Может быть, ты удивишься, но мир не крутится вокруг тебя, щенок.

— И ты думаешь, — я стоял перед его столом, сложив руки в карманы и ухмыляясь, пока отец сидел в кресле с ничего не выражающим лицом, — что я в это поверю?

— Ладно, — отец провёл костяшкой пальца по верхней

губе, — раскусил. Эта девочка вся полностью только для тебя. Теперь доволен?

Глава 23

Глеб.

— У тебя ведь такое хобби, да? Портить мне жизнь, — ухмыльнулся отец. — Что бы я ни делал, ты из собственной шкуры вылезешь, чтобы пойти мне наперекор. И кому этим, думаешь, плохо делаешь? Мне? Или себе?

— Ты меня позвал, чтобы одну и ту же телегу затирать? — я закатил глаза.

— Ты же отчаянно хочешь получить грёбаные ответы. Так вот, у тебя появилась для этого прекрасная возможность. Просто садись и слушай.

— О, кажется, я понял, почему тебе на самом деле так приглянулась твоя девчонка. Она ведь идеально подходит под твои требования. У неё отлично выйдет сидеть и слушать твои бредни целыми сутками. Встать ведь не сможет, — я рассмеялся.

— Тебе на самом деле не хочется разобраться в ситуации, так? — отец ответил холодно, всем своим видом выказывая безразличие на грани с презрением. — Иначе уже давно как миленький сделал так, как я сказал.

— Да пожалуйста, — я грохнулся в кресло напротив его стола.

Так отец выглядел выше, и половину его лица закрывал монитор. Полагаю, его такое положение полностью устраи-

вало.

— Ты только себе хуже делаешь, Глеб. Игнорируешь учёбу, попадаешь в обезьянник, бьёшь людей направо и налево… Думаешь, я вечно буду тебя отмазывать? А если вышвырну прямо сейчас, как ты будешь жить дальше? Ничего своего у тебя нет, и все возможности ты просрал на игру в плохого мальчика. Кому ты будешь нужен? Мне даже интересно, через сколько дней окажешься в невменяемом состоянии под моим забором и будешь умолять впустить тебя назад. Если вообще сможешь сказать хоть что-нибудь связное. Обычно-то не можешь…

— И ты что… думаешь, что нашёл мне замену?

— Разве я так сказал? Перепробовав всё, что можно, я встретил эту замечательную девочку и подумал, что она может стать твоим последним шансом. Что, может, хотя бы смотря на неё, твои мозги наконец-то встанут на место и ты перестанешь, мать твою, себя жалеть. Твоя мать умерла, твой отец тебя не понимает… Какой весомый повод для того, чтобы зациклиться на этом и решить, что все тебе должны. Должны компенсировать это, а ты взамен имеешь полное право кусать за ладонь, которая тебя кормит.

«А ты уверен, что она только кормит?»

Слова застряли в глотке. Я ничего не ответил. Только стискивал зубы и смотрел на него, упивающегося каждой моей реакцией.

— Александра потеряла разом и мать, и карьеру, и посто-

янная боль будет напоминать ей об этом ещё долгие годы. Она девушка, и у неё нет никакой постоянной поддержки. Ни финансовой, никакой. Она прекрасно понимает, что моё внимание не будет длиться вечно. И что-то я не видел, чтобы она себя жалела. Несмотря ни на что, она продолжает каждый день учиться, не ломает предметы и следит за тем, чтобы не подсесть на обезбол, который вполне бы мог помочь ей забыться. Нет, она предпочитает оставаться в реальном мире, где никто ей особо ничего не должен. Достойно похвалы, не так ли?

Не знаю, какой реакции ждал от меня отец, но тон его слов с каждым предложением становился всё острее, будто он планомерно подводил меня к какой-то определённой эмоции.

В конце он даже поднялся, опёрся ладонями о стол и склонился так, чтобы его тень падала на меня.

— Ну да, — отозвался я спокойно. — Она молодец. Правда, не думаю, что она в полной мере осознала всё, что с ней произошло. Дальше ей будет только хуже, и не совсем понятно, сможет ли она справиться с этим. Ей в любом случае нужен кто-то нормальный рядом, но у тебя мало шансов. Строить здания-то выходит круто, не спорю. Только людей ты в основном ломаешь, папаша.

— Такой вдумчивый… — он ненадолго прищурился. — С каких это пор? Впрочем, именно такого эффекта я и добивался. Хотя и не верил на самом деле, что выйдет. Думал,

ты безнадёжен.

— Ты решил засунуть эту девочку в мою комнату… чтобы что? Чтобы я «исправился», глядя на неё? Тупость, нет?

— Может быть. Но без шуток, Александра многому может тебя научить. Да и ты мог бы помочь ей, не думаешь? Вы почти одного возраста. Думаю, ей не слишком весело проводить время постоянно со мной и сиделкой. Совсем скоро начнётся реабилитация. Ты мог бы помочь ей сделать первые шаги.

При этих словах что-то, наверное, отразилось на моём лице. Что-то, что ему неимоверно понравилось.

— Когда я увидел её в больнице, сразу подумал, что она может тебе понравиться. Всё же ты мой сын, и какие бы между нами ни стояли преграды, не было ни дня, чтобы я не думал о том, как помочь тебе. А тут такая чудесная возможность… Я взял над ней попечительство, поселил её в твою комнату, чтобы посмотреть, что будет. Ты сразу же заинтересовался, не так ли? Может быть, у меня всё-таки есть шанс тебя перевоспитать? Некоторые женщины способны многое перевернуть в мужчине. В конце концов, разве не для этого они созданы?

Я смотрел на него не веря. В голове роилась куча мыслей.

Когда Саша упомянула о том, что отец как-то связан с её мамой, я решил, что это не могла быть просто дружба. Её просто не существует, не знаю никого, кто общался бы с девушкой и при этом не спал с ней или не планировал. В этом

просто не было никакого смысла.

Или это… всё-таки не так?

Отец широко ухмыльнулся, склонился ещё ниже и вдруг рассмеялся страшным, неприятным, скребущимся под моей кожей смехом.

— Посмотри на себя! Какой же идиот! Едва ли язык не развесил от такой перспективы… Какая же у тебя жалкая рожа, смотреть невозможно… Думаешь, я реально думал о тебе, когда оформлял документы на неё? Или когда перевозил её в твою комнату? Конечно, мне была интересна твоя реакция, но забавы ради и не более того. Ты своего отца за сутенёра принимаешь? Как только мог решить, что я считаю, будто что-то может тебя спасти? Ты безнадёжен, Глеб. И единственное, что тебе поможет, — это не хорошая девочка, а хорошая, глубокая могила.

— Да как ты… — я резко подорвался и вцепился в его рубашку. Столько лет терпел, столько лет сдерживался, чтобы не отвечать ему… А в итоге…

Я был готов разбить его рожу всмятку о шикарный прочный стол, и будь что будет дальше.

Вот только охладила его улыбка. И знакомый мне блеск в светлых глазах. Он только этого и добивался.

Неужели это какой-то способ меня подставить?

Или ему было просто приятно, что удалось вывести меня из себя?

В любом случае, я это заметил и так ничего и не сделал.

Но… отца вдруг всё равно перекосило. Его улыбка стала странной, неестественной. А грудная клетка под моими пальцами напряглась. Он перестал дышать, резко отстранился от меня, схватился за сердце. Стал хватать воздух ртом, словно выброшенная на берег рыба. Забил кулаком по столу и тут же рухнул в кресло, став белым, как офисная бумага.

У него было больное сердце. И именно поэтому я ни разу нормально ему не отвечал. Именно поэтому терпел.

Забыв обо всём, я начал звать на помощь, параллельно набирая номер скорой и думая о том, что следом нужно отправить сообщение Игорю и Роману Ивановичу.

Когда закончил с этим, подошёл к отцу.

Он уже не дышал.

***

Саша.

Я возилась с Лулу, когда в комнату влетел красный и перепуганный Глеб. Он позвал Дилю, сказал, что что-то случилось с Андреем Викторовичем.

Моя сиделка сразу же поспешила за ним.

Их не было несколько минут. Потом я услышала приближающийся вой сирены.

Диля вернулась и рассказала мне, что у Андрея Викторовича был сердечный приступ. Она смогла оказать ему первую помощь до приезда скорой и этим, вероятно, спасла жизнь.

Правда, состояние его всё равно было плохим, он не приходил в себя.

Через несколько часов в комнату вошёл Игорь. Он попросил Дилю спуститься вниз для дачи показаний. А потом посмотрел на меня и ответил на вопрос, который висел в воздухе:

— Андрей Викторович сейчас в коме. Прогнозы не очень, но за его состоянием следят лучшие врачи. Для тебя ничего не поменяется, я всё улажу. Он хотел бы, чтобы ты прошла реабилитацию здесь и не прекращала свою подготовку к обучению и… работе.

— Но разве я не должна…

— Никаких проблем не будет, — оборвал он меня. И без его объяснений было понятно, что со связями и деньгами Андрея Викторовича никакая опека не нагрянет через мгновение после того, как узнает, что он попал в больницу. — В конце концов, ты почти совершеннолетняя. Нет никаких причин для того, чтобы что-то менять. Здесь есть всё оборудование и круглосуточная сиделка.

Он ушёл. Диля тоже.

Некоторое время я просидела в кресле без движений, не в силах заставить себя что-либо делать.

За окном весь день крапал дождь, а теперь и вовсе начался сильный ливень с молниями и громом. Лулу беспокоилась и скулила. Мне тоже было не по себе.

И я не нашла ничего лучше, чем выехать в коридор. Впервые за две недели выбраться из этой проклятой комнаты. Кое-где горел слабый свет. Я добралась до лестницы, с тру-

дом сообразила, как пользоваться механизмом для спуска, и так оказалась на первом этаже.

Это была чужая территория. Чужой мир, куда, наверняка, часто уходила Ева после своих издевательств надо мной. И где жил Глеб.

Я сама не знала до конца, зачем покинула комнату. Формально я могла сделать это в любой момент, никто мне не запрещал ездить по дому. Просто не хотелось.

А теперь… чего я добивалась? Хотела пересечься с Дилей и узнать последние новости?

Или…

— Ну что, Саня, — из комнаты рядом вышел Глеб в одной чёрной майке со спортивными шортами и с мокрыми волосами, — теперь здесь остались только мы.

Я не могла понять до конца выражение его лица. Красивые губы были напряжены, а взгляд синих глаз потемнел и остекленел, словно из парня вытянули душу.

— Глеб, — выдохнула я, стиснув пальцы на подлокотниках кресла, — мне жаль…

Он подошёл ко мне, склонился будто механически и провёл ладонью по волосам. Тоже так, будто не совсем себя контролировал.

— Саш, — произнёс он странной интонацией. — Открой-ка ротик…

Глава 24

Саша.

— Чего? — я недоумённо моргнула.

Не было похоже, что он решил как-то не очень хорошо пошутить. Оказавшись так близко, Глеб стал ещё серьёзнее, в его глазах больше не плескалось злое, ядовитое веселье. В них вообще ничего не было.

Он достал из кармана что-то вроде пластиковой коробочки. Внутри было что-то белое.

— Я как раз собирался к тебе зайти, малая. Надо как-то закончить всё это дерьмо. А то уже подташнивает от скуки.

Он схватил меня за челюсть и слегка надавил. Впрочем, не так сильно, как бывало раньше. Скорее пока просто давал сигнал, что нужно открыть рот по-хорошему.

На другой стороне коридора в окне сверкнула жёлтым острая молния. Громыхнул гром. Я посмотрела в глаза Глеба и послушно открыла рот. Потому что догадалась, что именно он собирался сделать.

— Знаешь, — произнесла немного невнятно, когда он достал из прозрачного футляра ватную палочку и засунул её в мой рот, — что нужно собирать клетки с внутренней стороны щеки, а не саму слюну?

— Ты думаешь, что я совсем идиот? — он усмехнулся, словно мои слова на мгновение вернули его в реальность.

Вернули из плохого, холодного и тёмного места.

Чёрные густые брови Глеба были слегка нахмурены, и это придавало его лицу странное, отчасти забавное выражение. Он как следует поскрёб палочкой по моей щеке и отстранился, чтобы запихнуть её в мини-контейнер.

— Думаешь, что я твоя сестра? — спросила, облизнувшись и сглотнув скопившуюся слюну. — Реально?

— А ты думаешь, твоя мать с отцом восемнадцать лет назад только в шахматы играла? — он зло ухмыльнулся и окинул меня странным взглядом. В нём появилось что-то вроде сожаления, и это мне совсем не понравилось. — Пока не выясню правду, лучше не говори со мной.

— Ты поэтому что ли меня дурой назвал? Собаку-то свою собираешься забирать?

— Что? — он будто и не собирался. — Какая же ты наглая! Это вообще-то для А хотя похер.

— То, что у тебя сейчас много трудностей, не значит, что ты можешь повесить на меня бедное животное. Лулу — не моя проблема.

— Ага, — отозвался он вроде спокойно, но на самом деле едва ли не дымился, словно только что потухшая спичка. — Сердца у тебя нет. Говорю же — дура. И вообще неужели сама об этом не думала?

— О чём? Что я дочь твоего отца? Не думала, прикинь.

— А чего так?

— Может быть, потому что у меня есть отец и я его пре-

красно знаю, не думал?

— Чего?

Глеб красиво выгнул бровь, ожидая продолжения разговора. Я слабо улыбнулась. А что там насчёт того, что до результата теста нам лучше не пересекаться? И с чего бы это?

Если бы я и правда оказалась его сестрой, он возненавидел бы меня за то, что у Андрея Викторовича появился ещё один наследник? Точнее, наследница.

В этом было дело?

Я мысленно закатила глаза. В мыслях прозвучали очередные слащавые предположения Евы о том, что и приступ «отцу» я устроила специально.

— У тебя в документах только мать, не?

Глеб уткнулся лопатками в стену, возвёл глаза к потолку и едва слышно вздохнул. Его грудь медленно, тяжело вздымалась, под чёрной футболкой ходили рёбра, с волос всё ещё капала вода.

Если бы я могла нормально двигаться, то подошла бы к нему ближе. Почему-то было такое желание. Только не знаю, что сделала бы в итоге.

А на кресле подъезжать как-то глупо. Даже смешно.

— Я знала, что ты сталкер, но похоже уровня начальной школы, — усмехнулась и машинально потёрла костяшкой те места, где были его холодные пальцы совсем недавно.

Он опустил голову и проследил за этим движением странным взглядом исподлобья. Хотелось бы мне знать, что тво-

рилось в его голове.

— В смысле?

— Отец жил с нами, пока не стал совсем неуправляемым. У него всегда были проблемы с так называемыми «плохими людьми». Мать не стала вписывать его в свидетельство о рождении от греха подальше. И правильно сделала, учитывая, сколько потом от него было проблем.

— Уверена, что он тебе реально отец?

— А стала бы мать устраиваться на третью работу, чтобы платить отступные левому мужику?

— Отступные?

— Чтобы не рушил своими выходками мою так называемую карьеру, — я зевнула.

Ни за что не стала бы говорить об этом человеке, чтобы удовлетворить чужое любопытство. Но на Глебе лица не было из-за приступа Андрея Викторовича, и мне хотелось немного его отвлечь.

— А что с ним не так-то было?

— Лудомания, алкоголизм и ещё всякое по мелочи. Я была рада, когда он ушёл. И разочаровалась, когда стал пытаться вернуться.

— Ты никогда не говорила.

Иногда я совсем его не понимала. Когда бы я успела сказать и зачем? К чему? Мы были незнакомцами, и единственное, что нас связывало — это временная прихоть его отца. Нам вообще не стоило бы общаться. В этом не было никако-

го смысла.

Вряд ли мы бы хоть раз увиделись, если бы Глеба предупредили заранее и если бы он не оказался жутким параноиком.

— О чём говорить? — усмехнулась. — Ты так дико оторван от реальности, знаешь? Почти у всех так. Плохой отец или тем более его отсутствие — это классика. Не знаю никого, у кого было бы всё норм в этом плане. Так что — подумаешь

— Ты будто так себя утешаешь, Саня.

— А что прикажешь? Плакать? — я бы рассмеялась, да сил уже не было.

Путешествие на первый этаж вымотало меня гораздо сильнее, чем я рассчитывала. Эффект от таблеток снова пошёл на спад, нога дико ныла, затылок словно кто-то сдавил железными пальцами, периодически долбя в кость, пальцы мелко подрагивали.

Глеб молчал, а я собиралась с силами, чтобы вернуться к лестнице и запустить хитрый механизм.

— И где он теперь? — спросил внезапно.

— В последний раз видела его месяц назад. Приходил на выступление. Жутко расстроил маму, — я вздохнула. — У меня нет претензий к тому, что алкоголь убивает. Но какого чёрта так медленно?

— Так, значит?

Глеб мрачно усмехнулся, почти как обычно. Подошёл ко

мне, руки спрятаны в карманах, чуть сгорбленный, странный. Застыл рядом, будто забыл, чего хотел.

Мне было тяжеловато двигать головой. Но я наконец-то представила, что именно бы сделала, если бы подошла к нему сама.

— Глеб — позвала тихо.

— М?

— Встань на колени.

Глава 25

Саша.

— Повтори? — Глеб наклонился, и наши взгляды пересеклись. Парень вяло ухмылялся. На его ресницах поблескивали капли воды.

Воды ведь?

— Давай же, — я зачем-то улыбнулась. — Не хочу руку поднимать, неудобно

Он выгнул бровь. Посмотрел на меня ещё несколько мгновений и вдруг и правда сделал то, о чём я попросила. Только не встал на колени, а просто сел на пол рядом с коляской.

Ну и хорошо, так было даже лучше. Я просто неправильно сформулировала свою мысль.

Облизнув сухие губы, я протянула ладонь и запустила тонкие, бледные пальцы в его чёрные, влажные волосы. Немного жёсткие и очень густые. Я даже позавидовала.

— Что ты делаешь? — спросил Глеб шёпотом.

А я не отвечала. На самом деле не знала, что ответить. Да и чувствовала себя неважно. Просто перебирала его пряди, уже не обращая внимания на зловещие вспышки за окном и на гром, что долбил будто прямо по стёклам.

Я не знала, как его утешить и нужно ли ему именно моё утешение. Старалась хотя бы не спрашивать, как это произошло. И вообще не говорить больше ничего лишнего.

Я не понимала, почему всё было так погано у Глеба с отцом, почему тот считал его психопатом, почему был так систематически жесток. Не знала, правда ли парень переживает или зачем-то притворяется

Наверное, позже я подумаю об этом серьёзно. Но прямо сейчас такого желания не было.

Глеб наблюдал за мной, не дёргался, не пытался отстраниться, сбросить мою руку, как раньше. Я убрала прядку с его лба, не сводя с него взгляда. Отвлекаясь, было проще справиться с болью. И в какой-то момент я перестала понимать, кому больше нужны эти прикосновения — ему или мне.

— У тебя очень красивые глаза, — прошептала я.

Он был так близко, не было никакого смысла в том, чтобы лишний раз напрягать горло. И в то же время шёпот делал этот разговор ещё более странным и каким-то неправильным. Словно у нас в этом тускло освещённом коридоре была тайна. Но на самом деле ведь ничего не было.

— Никогда таких не видела.

— Это флирт что ли? — он усмехнулся. — Не ожидал от тебя такого

Это он сказал уже в полный голос, хоть тот и был хриплым и тусклым, убитым. Я тут же отвела ладонь, но он поймал моё запястье и задержал в пальцах.

— Дурак, — я скривилась.

— Совсем не боишься? — вопрос прозвучал слишком се-

рьёзно, особенно учитывая, что я даже не поняла, о чём меня спрашивали.

— М?

— Заигрываешь со мной А что, если я и правда твой брат?

— А это Не волнуйся, ты не в моём вкусе.

Я ответила первое, что пришло в голову, полагая, что Глеб просто неудачно пошутил. Но ему это не понравилось. Он не изменился в лице, но сильнее сжал моё запястье в пальцах.

В этот же момент сильнее заболела голова, и я закусила губу от боли. Он мгновенно выпустил мою руку. Словно отбросил.

— Что с тобой опять? — спросил с раздражением.

— Я

Говорить было тяжело, я решила переждать боль и попытаться вернуться в комнату. Глеб поднялся и схватился за ручки позади кресла.

Я снова начала остро чувствовать и слышать грозу, её страшные звуки перебивали все мысли. Из-за этого я даже не сразу поняла, что в коридоре мы были уже не вдвоём.

— О, я думала, что ты уже уехала назад в больничку, — усмехнулась Ева, разглядывая меня и стоящего рядом парня.

На девушке был длинный кожаный плащ ярко-розового цвета. Волосы были убраны в высокий хвост, открывая крупные серьги сложной формы. В руке она сжимала чёрный сложенный зонт, с которого стекала вода.

— Ев, поднимайся к себе, — сказал Глеб.

Странно, но теперь его голос звучал почти нормально. Не так убито, как пару минут назад.

— Ага, — отозвалась девушка. — А чего вы тут делаете? Свою новую комнату хочешь ей показать?

Он ничего не ответил. А я немного выпала из реальности, пытаясь представить, в каких условиях теперь жил Глеб. Было ли там сильно меньше места? Не было ли холодно? И какие там были вещи? Его вещи, которые раньше лежали в «моей» комнате.

Ева не спешила уходить, так что я собралась с силами и сказала:

— Ладно, мне уже пора.

Я нащупала слабыми пальцами крышку, под которой было управление.

— Погоди, Сань, я тебе помогу, — отозвался Глеб.

— М? — я подняла голову, чтобы посмотреть на него, а Ева в этот момент тоненько, неприятно захихикала.

Я не обратила на это особого внимания. В моём состоянии я вполне могла и упустить пару фраз, которые объясняли бы её поведение. Да и вообще какая разница?

— Чего, нанюхалась? — спросил Глеб. Обращался он, конечно, не ко мне.

— Да ты бы на себя со стороны посмотрел. Самому бы смешно стало. Возишься с ней, строишь из себя неизвестно кого

— А ты думаешь, что это уместно сейчас? — я выгнула

бровь и с трудом посмотрела прямо на Еву.

Я считала себя самой бестактной и неэмпатичной, но она меня переплюнула. У Глеба всё-таки отец в больнице, а она об этом ни слова не сказала. Прямо как тогда, когда видела его лицо в крови и вела себя так, будто это нормально. Меня это почему-то выбесило.

— Да о чём ты вообще? — Ева наморщила нос и изогнула тонкие, малиновые губы. — Не волнуйся за него, Шу-роч-ка. Я поздравлю его позже, когда нам никто не будет мешать

Поздравит? Она намекнула, что Глеб подстроил всё специально?

— Ага, пригласим людей сюда время провести. Раз уж дом теперь только мой

Глеб ухмыльнулся, и в этот момент с лестницы посыпались тяжёлые, торопливые шаги.

Глава 26

Глеб.

— ...да, так будет проще, чем ехать на другой конец города. Мне нужно узнать как можно скорее, проблем не будет?

«Вечером смогу прислать тебе результат. После этого я тебе ничего не должен, Глеб»

— Ок, как скажешь, родной, — я ухмыльнулся и отключился.

Через знакомого, у которого есть доступ к лаборатории, дело пойдёт быстрее. Я как-то его выручил без особой причины, словно в воду глядел, что он ещё может мне пригодиться.

Всю дорогу, пока ехал к нему, было не по себе.

Ева впервые не сыпала безумными теориями, не пыталась выдумать новые обвинения про Саню, не пыталась спровоцировать ссору. Просто ходила за мной ласковой тенью и убеждала, что девчонка не может быть дочерью моего отца. Говорила, что всё будет хорошо.

А я видел по её глазам, что что-то не так. Она была напряжена, не пыталась шутить, даже не пыталась залезть ко мне в трусы. Что довольно-таки дурной признак.

Раз даже Ева встревожилась, значит, она уже почти верила в то, что у меня появилась новая родственница.

Представляю, какие мысли забродили в её глупой мали-

новой голове. Она ведь столько времени на меня убила. И закрывала глаза на то, что у меня плохие отношения с отцом. Всё-таки, я был единственным его сыном и как ни крути, его компания, счета и недвижимость — всё это должно было перейти ко мне в конечном итоге.

Это был наш негласный договор. Я терплю — он не меняет завещание. И чем больше денег становилось в семье, тем изощрённее становился отец в своих наказаниях.

Помню, когда дела впервые резко пошли в гору, капитал увеличился за год в несколько раз, мне было лет десять. И тогда всё лето я провёл в инвалидном кресле из-за переломов и рваных ран.

Может, отец не хотел, чтобы блага семьи доставались мне слишком просто. В его представлении деньги нужно было заслужить. Выстрадать.

Но думал я совершенно не о том, как быстро всё потеряю из-за внезапно появившейся сестрёнки и не о том, как быстро в таком случае сольётся Ева.

Скорее о том, каким идиотом я оказался.

В мыслях, будто фоновый звук, который не выключить, всё ещё звучал дождь. А перед глазами то и дело вспыхивал усталый взгляд Сани. И её слабые пальцы, бестолково путающиеся в моих волосах.

Я передал два образца ДНК-материала в лабораторию и встретился с парочкой друзей в ресторане. Не видел их уже год. Думал, что будет весело, но под кожей зудело нетерпе-

ние, пришлось делать вид, что всё нормально и ждать момента, когда смогу культурно слиться и вернуться домой.

Вообще-то эта девчонка потенциально может разрушить всю мою жизнь. Она уже заняла мою комнату, что это если не жирный намёк от отца, что она в итоге полностью займёт моё место?

В его духе держать интригу до последнего, тут я бы не удивился.

Вот только в мыслях было не это, а её дурацкие слова: «Ты не в моём вкусе». Она легко и непринуждённо касалась меня, так что волна тёплых мурашек едва ли по спине не бегала. Дышать было трудно, я чуть не сдох просто сидеть и не двигаться. А у неё на лице почти не было эмоций.

Нет, она не боялась, что я окажусь её братом. Даже не думала об этом.

Похоже, вообще не воспринимала меня как мужчину.

Я почувствовал себя так, словно мне в душу плюнули. Может быть, это просто хвалёная мужская гордость, не знаю. Может быть, просто привык к другой реакции.

Ещё бы. Ева была во всём лучше, чем она. Из такой же обеспеченной семьи (ну почти), красивая, фигуристая, сексуальная. И что-то при этом ей было не в падлу за мной таскаться все последние годы

Впрочем, кого я обманывал. От такого сравнения меня самого замутило.

Да, сначала я не увидел в Саше ничего особенного. Болез-

ненная замухрышка. Правда, со странным характером, который не мог не зацепить.

Но чем больше я узнавал её, тем больше

— Чёрт, — остановившись у дома, я сжал крепче руль и ударился лбом о тыльную сторону ладони. — Это просто нелепо

Прикрыл веки, за ними был чудесный, тёплый свет. Это так мило мне светил Ад за всё то, что я сделал и довеском за те мысли, которые уже успел надумать о дорогой «сестрёнке».

***

Саша.

Вчера вниз спустилась Диля. Она перепугалась, не обнаружив меня в комнате, и пошла искать. Конечно, увидев меня в компании Глеба и Евы, она не обрадовалась.

А я вот была очень рада её видеть, мне не терпелось снова оказаться на третьем этаже.

Когда медленно ехала по лестнице, зачем-то обернулась и заметила, как Ева прижималась к Глебу. Может быть, она только с чужими такая язвительная? А когда они остаются наедине, она вполне его утешает?

Я почувствовала укол стыда за свои слова. Что попыталась её упрекнуть. Всё-таки, в чужие отношения лучше было не лезть. Они не маленькие, сами разберутся.

Да и вообще зачем спустилась на первый этаж, зачем с ним говорила? Тогда это казалось почти нормальным, теперь

— некрасивым и бессмысленным.

В комнате Диля дала мне лекарство и помогла устроиться на постели. Она пообещала поменять пелёнки у Лулу и покормить её. А я закрыла глаза с мыслью, что скоро, скорее всего, наши странные встречи с Глебом прекратятся.

Все эти две недели он сходил с ума из-за того, что отец оставил его в неопределённости. И в итоге даже решил, что мы родственники. Полагаю, что при всей его токсичной динамике отношений с отцом, сестрёнка ему точно была не нужна. Если бы так оказалось, Андрей Викторович вполне бы мог использовать меня как рычаг давления. Ничего удивительного, что парень был на измене.

Но когда он убедится, что я не его родственница и никак не могу претендовать на его деньги, у него не останется поводов ходить ко мне в комнату.

Конечно, неприятно, что я заняла его место, но это ведь ненадолго. Вряд ли он окажется таким мелочным, что продолжит изводить меня только из-за этого.

Так что да, я хотела, чтобы Глеб наконец-то успокоился и перестал переживать хотя бы на мой счёт.

И когда это случится, у нас не будет причин общаться, а у меня персонально не будет причин много размышлять о нём.

Решив это, я наконец-то провалилась в сон.

Проснулась с неприятным осадком в голове, какая-то отёкшая и с новой порцией боли. Но в целом всё было как обычно. Лекарство помогло успокоить не самые радужные

ощущения, хоть взамен и сделало меня вялой.

Утром приходил Роман Иванович, после осмотра он заставил меня делать упражнения, снова поменял препарат из-за сыпи на теле, дал новые указания Диле и ушёл.

Звонил Игорь, спрашивал, как дела. Он, видимо, теперь не только помощник Андрея Викторовича в компании, но и заместитель его как попечителя. Странно.

Я сидела в кресле рядом с окном, приложив к уху новый смартфон, который он мне передал ещё вчера.

«Глеб тебе не докучает? — спросил мужчина. — Знаю, что ты хотела вернуться в больницу, но согласилась остаться в доме, если он уедет.»

— Вообще-то, если останется, но при этом будет не против, что я здесь. Я не хотела доставлять ему проблем.

Игорь немного помолчал.

«Ситуация неоднозначная. Андрей Викторович хотел, чтобы ты оставалась в доме, поскольку оборудовал его для тебя и искренне хотел, чтобы тебе было удобно. Его последние распоряжения касались этого же, и я не хотел бы их нарушать. В то же время я не могу напрямую влиять на Глеба, это и его дом тоже и он имеет право там находиться. Так что сообщи мне, если он вдруг будет тебя обижать сразу же»

— А почему он должен?

«Просто сообщи, — Игорь ответил уклончиво и одновременно настойчиво. — Я постараюсь что-нибудь придумать».

Он отключился и почти сразу же в комнату вошла Ева.

Я никак не ожидала её увидеть. Поэтому даже не сообразила, что нужно поздороваться.

— Привет, — она манерно помахала мне ладонью, — ну и видок у тебя.

С этим я была согласна. Выглядела не очень. Особенно на фоне этой супермодели в чёрном оверсайз костюме, с золотыми украшениями и на каблуках.

— Сашу нельзя беспокоить, — Диля вышла из своей комнатки с Лулу на руках.

Ева тут же выгнула бровь:

— Вы сюда пса притащили? Кто вам разрешал?

— Это моя собака, — сказала я, чтобы прервать её и не дать запугать сиделку. Хотя по сути никто не должен был ей ничего объяснять. Пока что она была такой же гостьей в этом доме, как и я.

Или они с Глебом уже успели расписаться, и она не просто его невеста? В отношениях этих двоих я уже немного запуталась

— Твоя собака? В смысле?

— Всё нормально, — я посмотрела на Дилю, затем перевела взгляд на Еву. — Ты что-то хотела?

У неё было ещё меньше причин приходить сюда, чем у Глеба. У меня не было никакого резона слушать её. Да и прошлую её выходку я не забыла.

Впрочем со вчерашнего дня, когда Андрею Викторовичу стало плохо, атмосфера в доме резко изменилась. Почти все

стали вести себя иначе. И мне было тревожно оставаться в танке.

— Вообще хотела, — она со вздохом и брезгливостью осмотрела комнату и в итоге села на стул, что стоял у моей кровати. Перекинула ногу на ногу и подпёрла острый подбородок ладонью. — Хотела знать, что ты думаешь.

— О чём?

— О ком, — Ева раздражённо цокнула языком. — Не подслушивайте, пожалуйста, — она стрельнула взглядом в Дилю.

Я нахмурилась, но дала женщине понять, что всё нормально. В конце концов её кровать была в бывшей гардеробной, совсем рядом. Ничего не могло произойти.

— О Глебе, — продолжила Ева. — О том, что он сделал.

Глава 27

Саша.

До Евы было метра три, но стоило ей только сесть, как меня окутал удушливый запах её духов. Что-то мускусно-древесное, с яркими раздражающими цитрусовыми нотами.

Меня мгновенно начало подташнивать. Благо, что я хотя бы так и не смогла заставить себя поесть. Иначе овсянка уже была бы на полу.

Никогда не понимала, зачем так сильно пшикаться.

У меня даже её вопрос вылетел из головы. Хотя с бессмысленными вещами такое постоянно случалось и без всякого недомогания.

— Что он сделал?

У Евы задрожали губы, она сначала лишь тонко усмехнулась, а затем и вовсе продемонстрировала широкую улыбку, открывающую ряд идеально ровных белых зубов.

— Ты же не совсем дура — произнесла она. — Вчера Андрея Викторовича на скорой увезли, забыла?

— Если бы Глеб что-то сделал специально, его бы уже здесь не было, разве нет? Они просто разговаривали. Наверное, ссорились. Это не значит, что он буквально виноват.

Ева смотрела на меня так внимательно, будто хотела прожечь во мне дыру. А затем снова улыбнулась, на этот раз невероятно слащаво:

— Ты правда так думаешь? И совсем не переживаешь, что в следующий раз в больницу увезут уже тебя?

— Это угроза? Или что?

— Что? — она распахнула глаза и захлопала ресницами. — Конечно, нет Я наоборот волнуюсь за тебя.

Я кивнула. В голову пришла не очень тактичная мысль, но сдерживать её не было сил. Поэтому я, подавшись чуть вперёд, всё-таки спросила:

— А зачем ты так делаешь?

— Ты о чём?

— Как будто отыгрываешь роль, причём актёрская игра у тебя на уровне порноактрисы. Выглядит странно. Но ты мне подумай, мне правда просто интересно

Забавно, как обезболивающие могли иногда развязать язык. Хотя я надеялась, что выработаю устойчивость со временем.

На самом деле я правда просто спросила, было бы мило, если бы она ответила честно.

Ну и почему ей можно было сказать, что она волнуется, а мне нельзя сказать, что просто интересуюсь? Это ведь по сути одно и то же

— А Глеб-то думает, что ты маленький сломанный ангел — усмехнулась Ева уже без слащавости, в этот момент став по-настоящему красивой. Но она тут же осеклась и прикрыла настоящие эмоции пластиковой улыбкой. Меня это насторожило. — Для него это словно команда «фас». Я правда

боялась, что он в этот раз заиграется слишком сильно. Но ты огрызайся с ним побольше. Может быть, целее будешь. Когда он потеряет интерес.

Она вела себя одновременно и как обычно, и нет, вводя меня этим в замешательство.

Только недавно говорила обо мне гадости, подбиралась ближе, чтобы понаблюдать за эффектом от собственного яда, и визжала, как сумасшедшая, когда получила отпор. А теперь будто сдерживается.

Но чего ради?

Что ж тебе от меня надо на этот раз, Ева?

— Не переживай, мы с ним часто обмениваемся любезностями.

Она запустила ладонь в волосы и накрутила красный с фиолетовым оттенком локон на палец.

— Насколько часто? — это явно был не тот вопрос, за ответом на который она изначально пришла.

— А ты не знаешь? Ты же всегда где-то за дверью караулишь

— В тот раз он меня не просил. Я просто не хотела, чтобы у него были проблемы.

— Он, значит, за мной следит, а ты за ним?

Ева отвела взгляд и покрутила золотое кольцо на большом пальце.

— Слушай, — выдохнула она. — Мы с тобой не с того начали. Извини, что обидела тебя. Я правда думала, что у

тебя есть какие-то более глобальные планы. Трудно было поверить, что ты просто случайная жертва обстоятельств, понимаешь? Так вот, я хотела узнать, что ты думаешь об этой ситуации с дядей Андреем. Если ничего, то и хорошо.

— А ты что думаешь?

— Ну, — она поморщилась, наблюдая за тем, как я принялась разминать пальцами ноющий затылок, — Глеб, конечно, не простой Недавно он меня так ударил, что сотрясение поставили Но я верю, что это вышло случайно. И что на самом деле он не мог бы навредить тебе серьёзно. Да и отцу своему тоже Просто так получилось. Понимаешь, у него было непростое детство

Я уже окончательно запуталась. Она пришла обелять своего парня или выставлять его в дурном свете? Верит, что он не смог бы мне серьёзно навредить? Он с ней какими-то мерзкими планами что ли делился?

И вся его иной раз нет-нет да проскальзывающая забота — просто игра?

Это она хотела сказать?

— Его детство меня не интересует. Зачем ты всё-таки пришла?

Она помолчала несколько мгновений, а затем выдала запальчиво:

— Дядя Андрей часто к тебе ходил. Вы, наверное, много разговаривали. Конечно, ты не можешь не знать, дочь ты ему или нет. Так что может быть, уже хватит притворяться? Если

он просил тебя разыграть сиротку, то в этом уже нет смысла. Неизвестно, очнётся ли он

Ах, так вот в чём было дело. Извинилась, потому что сама себя успела убедить, что у меня здесь есть какая-то власть? Решила подстелить себе соломку что ли?

Всё равно очень странно.

Но я не удержалась и сделала серьёзное лицо.

Вряд ли выйдет сменить эту скучную тему, Ева умела зацикливаться на странных вещах и людях.

И если с ней не выйдет конструктивного диалога, так хоть немного развлекусь.

— Ну да, — ответила я без тени улыбки. — Странно, что вы об этом сразу не подумали. Версия про любовницу была такой безвкусной. Мне было за вас даже стыдно.

Мне было интересно, что она ответит на это. Может быть, так у меня получится лучше разобраться в ситуации.

Она замерла и будто даже побелела, хотя я могла это себе и придумать.

— И он знал с самого начала, так? — спросила она вкрадчиво. — Значит, было достаточно времени изменить завещание Но ты, конечно, вряд ли мне об этом расскажешь, я понимаю

Я отвернулась к окну, чтобы успокоиться. Смотреть на её выражение лица без смеха было слишком трудно.

— Почему же — произнесла тихо. — Только, Ева, не могла бы ты сначала подать мне воды?

Она тут же схватилась за бутылку, что стояла на тумбочке рядом с ней, подняла и едва заметно подрагивающими пальцами подала мне, в мгновение ока оказавшись рядом.

— Спасибочки, — я сделала несколько жадных глотков. — Ты не могла бы отойти, меня от твоих духов тошнит

— Эй!

— Ева, буквально тошнит.

Она брезгливо нахмурилась и тут же понизила голос и вернулась на место:

— Прости, не подумала об этом

— Да ничего. Так что конкретно тебя интересует?

— Да, в общем Ты же видела, как дядя Андрей бил Глеба. При тебе он ещё сдерживался. И это всегда так было. А мы с ним знакомы ещё с тех времён, когда на соседних горшках сидели. Наследство у дяди Андрея хорошее, там с головой на всех хватит. Будет несправедливо, если ты ну, понимаешь

Я сидела в кресле и не могла поверить своим ушам.

Мало того, что она по какой-то непонятной причине уверилась, что я дочь Андрея Викторовича (видимо, по более сложным причинам, чем кровное родство, люди друг другу помогать не могут), так ещё и решила, что он уже и все деньги на меня переписал.

И что подумала, что просто попросить меня поступить по справедливости — это хорошая идея?

Или решила просто разведать обстановку и попытать счастье, а на самом деле припасла что-то посущественнее, чем

жалобные речи?

Ещё интересно, что Глеб, кажется, не рассказал ей о моём родном горе-отце. Зеленоглазом блондине, кстати.

От этого мне почему-то было приятно. Это было слишком личным. Но я понимала, что после того, как рассказала, никак не могла контролировать то, что он сделает с этой информацией.

— Разве Глеб не собирается мне навредить? Ты же это хотела сказать?

— Нет, я не думаю, что он Послушай, мне просто не нравилось, что вы общаетесь, ха-ха. А раз ты его сестра, то всё в порядке. Не бери в голову, он очень хороший и добрый, — это прозвучало слишком нелепо. Она сама себя остановила и покачала головой. — Перестань, Саша, ты не такая. В любом случае это нечестно. Ты же так не поступишь?

Я сложила руки на подоконнике и спрятала лицо в локте.

— Можешь уже начинать угрожать, раз уговоры не помогают

— Да с чего бы?

— Не будешь? — я посмотрела на неё, улыбку сдерживать уже не получалось. — А мне вот интересно, что ты готова сделать для того, чтобы Глеб не остался без денег?

— Что ты имеешь в виду? — она выгнула бровь, не замечая, что я просто откровенно издевалась.

Неужели так сильно испугалась, что жених останется без денег? Других кандидатов из её круга что ли нет? Последний

шанс в девятнадцать лет? Как-то не верится.

— Ты так сильно расстроилась из-за моей глупой шутки? Мне на колени встать?

Я вздохнула и спросила уже так, чтобы она точно поняла, что я ни разу за этот разговор не отвечала ей серьёзно:

— Вставай и это тапочки мои заодно оближи.

Странно, но даже после этого Ева не съехала с темы. Её всерьёз перекосило.

— Ты — она запнулась. — Ты серьёзно, да? Тебе это нужно?

— Ага. Этого хватит.

Она подошла ко мне и сделала движение, как будто собиралась склониться. Я замерла в шоке. Но Ева тут же выпрямилась. В её глазах сталью заблестело осознание.

— Никакого завещания нет. Или по крайней мере ты ничего об этом не знаешь, — произнесла она страшным шёпотом, напрягшись всем телом.

— Какой стыд, — я прикрыла зардевшееся лицо ладонью. — Ты ведь и правда собиралась это сделать

— Идиотка, — протянула она холодно. — Мне нужна была информация и только.

— Извини, но я тебе не верю. Уже не забуду, что ты, оказывается, не против пресмыкаться ради денег Уже наверняка так делала. Мне твоё решительное выражение лица в кошмарах будет сниться

Я смеялась, хотя смех отдавался в теле колкой болью. Ни-

чего не могла поделать. Ничего забавнее в жизни не видела. У неё ведь не было совершенно никакого самоуважения.

Ева стояла рядом, не двигалась, просто смотрела на меня так, словно её впервые в жизни застали врасплох.

— Ладно, — я резко перестала смеяться, даже самую хорошую шутку можно было испортить, если затянуть. — Выйди, пожалуйста, я устала.

У меня появилась нехорошая догадка. Присмотревшись, я и вправду заметила, как сильно у неё были расширены зрачки.

А кроме духов ее волосы ещё и пахли чем-то синтетическим.

Это многое объясняло

Мне стало противно, что я не заметила этого раньше и вообще позволила говорить с собой человеку в таком состоянии. Мерзость.

— Я убью тебя, — прошептала вдруг Ева. Впрочем, довольно ожидаемо. — Ты всё это очень зря начала, ты понятия не имеешь, на кого нарвалась

Она схватила меня за волосы, но я ожидала этого, поэтому смогла извернуться и укусить её за руку. Человеческие зубы вполне способны на то, чтобы откусить большой кусок плоти. Этого хватило бы, чтобы она свалилась на пол из-за болевого шока. Но я не собиралась ей вредить всерьёз, поэтому вцепилась лишь до первой крови.

В отличие от Глеба, Еву вряд ли когда-нибудь били. Так

что даже это было для неё весомым поводом отступить назад с истеричными криками.

— Это просто шутка, — я усмехнулась, хотя из глаз выступили слёзы. Голова и так раскалывалась, а она ещё и в волосы вцепилась и резко дёрнула. — Чего ж ты не смеёшься?

— Ты чокнутая!

Диля подбежала ко мне, бледная от страха. Главное веселье произошло за несколько мгновений. Она, наверное, слышала, что мы просто разговариваем. Скорее всего даже то, о чём именно говорили. Но не уловила сразу, когда Ева стала угрожать шёпотом, напала на меня и получила в ответ.

Мне стало ужасно неловко перед Дилей. Вечно я заставляла её нервничать.

— Извините, — сказала я, — это я виновата

— Да что ты Ты в порядке? Где болит?

— А у меня вы спросить не хотите? — закричала Ева. — Вы медсестра или кто? Не видите, у меня кровь!

Диля очень меня удивила, потому что ответила ей ровно:

— Что вы, я ведь горничная. Что я могу сделать?

Ева сцепила зубы, и в этот момент дверь открылась и в комнату вошёл Глеб.

Глава 28

Саша.

Ева тут же метнулась к Глебу, крича что-то бессвязное о том, что я её укусила, ударила, в общем, хотела убить.

Я уже приготовилась к тому, что концентрация сумасшествия в комнате увеличится, парень начнёт выяснять, что случилось, наезжать и угрожать. Но он только усмехнулся, схватив Еву за руку и небрежно пройдясь взглядом по её едва кровоточащей ране.

На самом деле я вряд ли сильно повредила кожу, от ран скоро почти не останется следов, а вот синяк вряд ли сойдёт быстро.

— Меня ни разу ещё не укусила, — протянул Глеб с такой иронией, что это даже больше походило на зависть? — Что ты сделала?

— Я? — опешила Ева. — Я здесь причём? И вообще, знаешь что

Хотя для этого не было никаких причин, девушка вцепилась в него ещё сильнее и стала быстро что-то шептать на ухо. Тут уже его всё-таки перекосило, правда, ненадолго. Он схватил её за талию и выволок из комнаты, бросив:

— Потом поговорим

Я вздохнула.

— А, может, вы всё-таки сейчас поговорите? — выгнула

бровь и посмотрела на приближающегося ко мне Глеба с надеждой.

— Неа, — он остановился рядом и перевёл взгляд на Дилю. — Дайте нам поговорить.

Бедную женщину все пытались отбросить в сторону, словно мячик для пинг-понга.

— На один день для Саши уже достаточно потрясений, — нахмурилась Диля. — Роман Иванович не рекомендовал долгие разговоры, а я здесь, чтобы соблюдать его инструкции.

— Мой отец этими инструкциями вполне себе долгое время пренебрегал, ошиваясь рядом, и что-то я не заметил, чтобы вы его выгоняли. Кажется, вы не о подопечной своей беспокоитесь, а о насиженном месте. Позвоню Игорю, скажу, чтобы заменил сиделку, — он некрасиво осклабился.

Как же достало, что эти богатые детишки наперебой каждый раз угрожали женщине, которую никто из них не нанимал.

— Ева уже угрожала этим, но никто Дилю не уволил, хватит уже пугать

— Ева? — Глеб усмехнулся. — А она здесь причём? Если ты не заметила, я единственный в здравом уме и памяти, кому сейчас принадлежит этот дом. И если я захочу, кто угодно здесь начнёт собирать монатки.

Я мысленно сделала себе пометку позвонить Игорю и спросить, возможно ли такое или нет. Хотя мне и претила

мысль жаловаться мужчине по каждой мелочи, но сколько уже можно было изводить Дилю?

— Хорошо, — я посмотрела на женщину, решив, что сейчас лучше не разжигать скандал ещё больше, — вы ведь ещё не обедали, оставьте меня ненадолго.

— Выйти из комнаты? — Диля опешила. — Если хотите поговорить — хорошо. Но я останусь рядом.

— Пошла уже вон, — Глеб с таким холодом посмотрел на неё, что я всерьёз испугалась, что он может её ударить.

— Всё нормально, — сказала я. — Он выговорится и уйдёт. Как обычно.

— Могу и не уходить, если тебя это так волнует, — Глеб усмехнулся. — Сюда поместится ещё одна кровать.

Диля перевела встревоженный взгляд с него на меня. На мгновение мне почудилось, что она вот-вот скажет: «А вы, вижу, друг друга стоите». Но вместо этого женщина просто молча вышла из комнаты. Её шаги затихли сразу же, как закрылась дверь. Вряд ли она собиралась спускаться в столовую. Но Глеба это не волновало, он тут же наклонился и схватил меня за подбородок. Правда, осторожно, едва прилагая силу.

— Она тебя ударила? — он всматривался в моё лицо и хмурился. — Где-то болит?

— Да не особо. Отпусти Я сама виновата. Знала бы, что с ней, не стала бы даже разговаривать.

— А что с ней? — он ещё на несколько мгновений задер-

жал пальцы на моей коже и всё-таки отстранился.

— Ты и сам знаешь.

На это он ничего не ответил. Только схватил коляску сзади и подкатил ближе к постели, чтобы в следующее мгновение упасть на неё и положить голову на мою подушку.

Я только подняла брови и несколько мгновений молча наблюдала за его наглыми действиями.

Кроме того, что он залез на мою простыню в уличной одежде, ещё и подтащил меня туда, где ему было удобнее разговаривать. Как бы это выглядело, если бы у меня не было проблем с ногой? Он бы просто в рандомный момент брал меня на руки и ставил в том углу комнаты, где ему комфортнее? Кто вообще так делает?

— Ты сказала Еве, что ты его дочь, м?

— Я сказала ей то, что она хотела услышать. Тебе могу то же самое сказать. Только потом не выбегай из комнаты с криками, а то второй раз уже не так эффектно будет.

— Я так и думал.

— Палочку свою на проверку отправил?

— Смотря какую палочку ты имеешь в виду, — он усмехнулся. — Результаты скоро будут. От твоей подушки воняет какой-то бабушкиной мазью, кстати.

— Мою подушку можно и не нюхать, кстати.

На это Глеб зарылся лицом в подушку и картинно сделал глубокий вдох, а затем стал ржать как конь. Придётся сменить наволочку А ещё в том же месте под матрасом был нож.

Я понимала, что он вряд ли знает об этом и едва ли догадается туда залезть, но всё равно было тревожно.

— Может, я и наивнее, чем Ева, но я верю, что ты сама не знаешь, — протянул Глеб уже серьёзно. — Скоро пришлют результат в любом случае.

— И что тогда будет?

— Дай-ка подумать — он удобнее устроился на спине и прикрыл глаза запястьем. Я окинула его фигуру раздражённым взглядом. Спасибо, что хоть в носках залез, а не кроссовках. — Насколько я знаю, в этой комнате камер нет. Ну а если что-то и есть, с состоянием моего папаши это не большая проблема.

— Как он? — я перебила Глеба.

Тот на мгновение убрал руку, чтобы посмотреть на меня ясным взглядом синих глаз.

— Так же, — ответил и снова прикрыл глаза рукой. — Если ты моя сестра, то я тебя расчленю и растворю в ведре с кислотой. А если найду очень большой тазик, так уж и быть, растворю целиком. И потом закатаю немного капель в какую-нибудь безделушку из эпоксидной смолы и буду носить на шее.

— Нужно заранее позаботиться о том, какая именно будет кислота. Некоторая легко разъест смолу. К тому же неприятные химические реакции могут произойти при нагревании. Не думаю, что стоит брать такую штуку в баню, например.

Он рассмеялся немного истерично и переместился на бок,

опершись локтём на мою бедную подушку и подперев голову ладонью.

— Ты аутистка?

— Не совсем, скорее где-то на границе спектра. Сарказм понимаю, если что.

— Ага, — протянул Глеб скептически.

Я снова вцепилась в затылок и прикрыла веки, пытаясь унять головную боль. Если станет хуже, придётся пить лишнюю таблетку, а мне бы этого не хотелось.

С каждым мгновением я всё больше злилась.

Всё происходящее было ненормальным.

— Знаешь, — произнесла неожиданно для самой себя, — вы все меня достали. И ты, и Ева, и твой отец. Хотя я и надеюсь, что он будет в порядке. Он говорил, что хочет мне помочь, потому что это его способ бороться с его демонами. Но в итоге намеренно подводил меня к тому, чтобы я на тебя пожаловалась и попросила выгнать из дома.

Я видела, как оживился Глеб. С каким вниманием он вслушивался в каждое моё слово. Как будто на самом деле хотел знать не то, кому достанутся деньги, а то, каким его отец был на самом деле. Каким он был, когда не издевался над ним.

Но несмотря на это внимание, парень не задал никаких уточняющих вопросов. Он только усмехнулся и сказал ядовито:

— Добро пожаловать в грёбаный Неверленд.

— Я отказалась тогда. И теперь не хочу на тебя жаловаться, хотя Игорь и настаивал на этом.

— Да уж насчёт него я уже всё понял.

— Не знаю, что у вас происходит. С отцом, с Игорем, с Евой. Но я хочу, чтобы ты кое-что понял и про меня. Я никак с вами не связана. Твой отец решил мне помочь — спасибо ему, конечно. Я без колебаний приму эту помощь. И вообще всё, что он сможет мне предложить, если придёт в себя, — я слабо улыбнулась.

Мне нужно было сказать хоть что-то. Поставить этих людей на место, пусть у меня и нет реальной власти. Иначе они продолжат приходить сюда и вываливать свою агрессию, несмотря на то, что я вообще последний человек, который виноват в их бедах.

— И мне всё равно, если кого-то из вас это расстроит. Если я займу чьё-то выстраданное место. Меня это не волнует. Мне надоело, что вы прибегаете ко мне и лаете, словно свора собак. Справедливо это или нет, но я уже здесь. И пока я здесь, это моя комната. Так что не надо нарываться.

Он улыбнулся и облизнул губы, склонив голову ниже и глядя на меня с презрением.

— Чё-то ещё, малая?

— Я не думаю, что ты можешь влиять на увольнение Дили или найм других сотрудников. Но она всё равно пугается. Тебе не понять, тебе ведь никогда не приходилось содержать несколько голодных ртов. Да что там — ты и себя-то нико-

гда не обеспечивал самостоятельно. Так что хватит угрожать ей. И не заходи в эту комнату. Ни через коридор, ни через лоджию.

— Это всё?

— Дай-ка подумать — я вздохнула. — Да...Хотя нет, не всё. Собака. Лулу я себе забираю, понял?

Глеб сел на кровати и вдруг потянулся ладонью к моей шее.

— Это почему ещё?

Глава 29

Саша.

— Что что ты делаешь?

Я не успела отстраниться, да и неудобно было. Глеб уже обхватил горячей ладонью мой затылок и прошёлся пальцами по выступающим позвонкам.

Этот массаж был приятнее, чем тот, что я делала сама.

Если бы ещё не думать о том, что он в любой момент может свернуть мне шею

— Расслабься, — прошептал он с тёмным смешком. — Сказал же, что сначала расчленю. Не голыми руками же это делать. Так что там насчёт моей собаки?

Эта тема каким-то магическим образом подняла ему настроение. Или он был настолько зол, что так маниакально улыбался? Я совершенно запуталась, но дёргаться дальше не стала.

— Просто — выдохнула. — Я всё ещё не понимаю, зачем ты принёс её сюда. Но как тогда вылетел из комнаты, так и не сподобился забрать.

— Сподобился Что это вообще значит? — он ухмыльнулся.

— Читай больше книг и повышай словарный запас, — я закатила глаза. И зря, потому что даже такое движение причиняло дискомфорт. — Это живое существо, а не игрушка,

Глеб. Если бы Диля не заказала ей корм и всё остальное, она бы уже погибла от голода. Ты забыл о ней, что ли?

— Я думал, что ты о ней позаботишься

Он сказал это так просто и искренне, что я опешила.

На самом деле Лулу принесла мне немало стресса. Я тысячу раз крутила в мыслях этот поступок Глеба, пытаясь понять, чего он хотел добиться. И, конечно, после слов Андрея Викторовича идеи были не самые радужные.

Я вполне себе могла предположить, что Лулу принесли лишь затем, чтобы заставить меня привязаться, а затем убить её — в качестве угрозы или ради забавы.

Я понимала, что нельзя давать собой манипулировать. Поэтому была уверена, что смогу выставить щенка за дверь, попросить Дилю вернуть её Глебу, или Игоря увезти её куда-нибудь.

Смогу заставить себя не думать о том, что будет с ней дальше. Потому что она не моя проблема. И я не хочу больше ни за кого переживать.

Но я не смогла. И хоть старалась не привязываться, всё равно провела с малышкой несколько часов, гладя её и зовя по имени. Правда, называя её то Лулу, то Ссыкушкой.

После этого уже трудно было думать о том, чтобы избавиться от неё. Она мило виляла хвостом и подбегала к нам с Дилей каждый раз, когда мы говорили вслух. И на каждое слово отзывалась так, словно это её кличка, похвала или призыв получить вкусняшку.

Так что как можно было отказаться от неё?

— И к тому же

Я не смогла продолжить. Глеб сбил меня с мысли.

Он повёл рукой чуть выше, запустил пальцы в волосы и принялся массировать кожу головы. Боль почти сразу начала послушно утихать, словно у парня была над ней власть. С губ невольно сорвался тихий стон-шелест.

Я замерла на мгновение. Глеб тоже.

Он смотрел на меня таким тяжёлым, странным взглядом Я почувствовала, что всё это выглядит неправильно, постаралась взять себя в руки и продолжить.

— К тому же Ева её видела.

Уголок губ Глеба дёрнулся. Он подобрался чуть ближе для своего удобства и немного нахмурился.

— Опять ты про неё?

Странно. Он всегда так реагировал, когда я упоминала его девушку. Так, будто она была лишь моей фантазией, о которой говорить было неуместно. Но с чего бы вдруг? Ева бывала здесь не сильно меньше, чем сам Глеб, и имела прямое к нему отношение.

— Ты ей, видимо, не сказал, что взял собаку. Она удивилась. Я сказала, что Лулу моя. Будет странно, если ты притащишь её к себе после этого. Купи себе другую. А то ещё поссоритесь

— Да боже — усмехнулся он, продолжая делать мне массаж головы, с таким видом, будто это было нормальным, а

вот тема разговора — нет. — Думаешь, я купил бы себе такую маленькую недособаку, а не овчарку или на худой конец добермана? Почему я должен ссориться с Евой из-за этого? О чём ты вообще, Сань?

— А ты о чём? В твоих словах вообще нет смысла.

— Ты просто дурочка — он рассмеялся.

— Я бы посчитала странным, если бы мой парень взял щенка и забыл его в чужой комнате. Она ещё подумает, что ты её мне купил.

— Да я ведь — если бы мы были в аниме, его глаза точно бы сейчас сверкнули от злости. Он остановился на несколько мгновений, набрал в грудь побольше воздуха и, наконец, выдохнул. — Окей, Сань. Собака твоя. Довольна?

— Ну — протянула я. — Ты как-то легко согласился.

— Чёрт — он приблизился ещё больше, опустил руку и слегка сжал мою шею сзади, а затем прошептал на ухо: — Такими темпами я реально тебя прикончу!

— Да и, — я продолжила как ни в чём не бывало, — что насчёт всего остального? Ты хотя бы понял мою позицию?

— Ага, — он снова взял моё лицо за подбородок и посмотрел в глаза, — лучше тебе?

— Угу.

— Хорошо.

Глеб опять растянулся на постели словно отъевшийся кошак, а я вспомнила фразу из старого советского фильма, который смотрела ещё в детстве с мамой: «Уже лежит один на

моей кровати — привыкает».

Фантомные ощущения тепла от его прикосновений ещё не исчезли. Я прикусила внутреннюю сторону щеки и опустила взгляд в ожидании, когда они пройдут.

— Коней не гони, — продолжил парень. — Придут результаты — поговорим. Сейчас не хочу об этом думать. А, и да С Евой я не встречаюсь, если чё.

— М? — я посмотрела на него. — Мне кажется, что в этом доме так думаешь только ты.

Глеб сверлил взглядом потолок. Ответил не сразу, но на его лице было написано, что он хотя бы понимает, о чём вообще речь.

— Мы расстались несколько месяцев назад. Ей просто надо свыкнуться с этой мыслью.

— Ей, наверное, было бы проще, если бы она не жила с тобой в одном доме, — я усмехнулась.

Каждое его слово было тем ещё противоречием.

Парень посмотрел на меня странным взглядом.

— Типа хочешь, чтобы я её выгнал?

Я открыла рот от возмущения. Да боже, с ним было невозможно разговаривать

— Ты и правда сын своего отца.

— Хм Без ножа меня режешь.

Он усмехнулся, и в этот момент из комнатки Дили к нам выбежала малышка Лулу. Она, видимо, спала в своём новом мягком домике-лежанке и только теперь очухалась.

Девочка застыла на месте посреди комнаты, насторожившись из-за Глеба.

Да уж, хватило пары дней, чтобы она стала воспринимать его как чужака.

— Ссыкушка! — Глеб заметил её и похлопал ладонью по кровати. — Иди сюда!

Надо же, он помнил об этом дурацком прозвище

Лулу заскулила. Не от боли или страха, а просто от собственной нерешительности. Ей и хотелось, и было страшно. Она виляла хвостом и переминалась с лапы на лапу.

— Эй, Ссыкушка, ну чего ты там застряла? — улыбнулся Глеб. — Не узнала своего папочку?

— Не называй её так, — я вздохнула. Опустим, что сама этим грешила. — Ещё привыкнет

— Да брось, — Глеб рассмеялся, — ей идёт.

— Продолжай так её называть, и она будет тебя воспринимать как свой лоток.

— А на тебя не прудила?

— Нет, — я улыбнулась.

Вид у него мгновенно стал припылённым и смешным. В тот же момент Лулу всё-таки решилась и подбежала к нам. Глеб продолжил призывно хлопать ладонью по кровати, и малышка каким-то образом поняла, что от неё требуется. Она прыгнула на постель, потянулась ко мне на колени, но Глеб тут же спешно притянул её к себе со словами:

— Не трогай мамочку, не видишь, у неё ножка болит?

Я снова хотела закатить глаза, но сдержалась. Что вообще происходит?

— Зачем ты её научил? Теперь она постоянно будет сюда прыгать

— Ну она же для этого и нужна. Чтобы её обнимать, когда спишь, и всё такое.

— Ты придурок.

Я смотрела, как он гладит Лулу между ушей, как она лижет ему руки и больше не боится. На глаза невольно стали наворачиваться слёзы, хотя это никак не было связано с собакой. Стало тоскливо.

— Ну чего ты? — я не сразу поняла, что Глеб обращался ко мне.

Заметил перемену настроения? Не слишком ли внимателен для психопата? Или долго этому учился?

— Зачем ты пришёл? — спросила я тихо.

— Ну ты опять

— Тебе не нужно было оставлять Еву одну. Я волнуюсь за неё.

— Серьёзно? С чего бы вдруг?

— Я привыкла давать отпор и после этого обычно не мучаюсь угрызениями совести. Всю жизнь, сколько себя помню, мне приходилось соперничать с другими девочками. Нападки, попытки как-то испортить настроение перед соревнованием, испорченные вещи — это классика. Но когда я отвечала им, я знала, что они осознавали, что будут последствия.

Мы были одинаковыми в каком-то плане. А Ева она не такая. С ней что-то не так, Глеб. Думаю, ей нужна помощь

— Кому тут нужна помощь, так это тебе. Видела себя вообще? С момента нашей первой встречи ещё больше похудела. Вообще не жрёшь, что ли?

Я нахмурилась. Глеб всегда меня напрягал, но его поведение в последнее время было непонятным и потому ещё более настораживающим, чем обычно.

Я действительно теряла вес каждую неделю, но разве это было так заметно?

— Причём тут это. Она беспокоилась в том числе и за тебя. Но в этом было что-то ненормальное

— Сань, я в любом случае скажу ей, чтобы больше к тебе не подходила. Мне за вашими бабскими разборками тоже не в кайф наблюдать. Не парься.

— Ты не понимаешь, — вздохнула, — о чём я говорю

До сих пор перед глазами стояло её лицо, когда она собиралась встать на колени. Понятно, что она была не в себе И всё же почему вела себя именно так, а не как-то иначе? Может, это Глеб так сильно расшатал ей психику? Может быть, это перед ним ей приходилось унижаться так, что граница нормального просто стёрлась вместе с уважением к себе?

А если это не так, почему его всегда злит, когда речь заходит о ней?

Может быть, она — ключ к ответу на вопрос, какой Глеб на самом деле человек?

— Ты её ударил? — я задержала на нём взгляд, хотя это и далось мне с трудом.

Глеб смотрел на меня в ответ отрешённо. Совсем как тогда в коридоре на первом этаже.

— Да. Ударил.

— Ясно.

Он молчал. Перестал гладить Лулу. Отвёл глаза к потолку. Не пытался оправдаться. И даже не прикрылся удачной картой, которая была у него в рукаве. Мог бы ответить, что я сама её сегодня укусила до крови. Но не стал.

— Хочешь, — наконец произнёс он, — чтобы я ушёл?

Я хотела ответить, что вообще-то всегда этого хочу, но почему-то промолчала.

В последнее время я сама у себя вызывала не меньше вопросов, чем Глеб.

Он смотрел на меня с видом человека, ожидающего приговора.

Я собиралась что-то сказать. Он тоже. А в итоге прозвучало только пиликанье телефона. Сообщение?

Глеб достал смартфон из кармана, разблокировал экран и нахмурился.

— Быстро — протянул он.

С каждым мгновением выражение его лица становилось всё более мрачным. Я даже начала размышлять, как бы успеть достать из-под матраса нож

— Ну и что мы будем делать с этим, Сань? — Глеб отвёл

взгляд от экрана и усмехнулся.

Глава 30

Саша.

Я потянулась к пульту под крышкой. Глеб рассмеялся и вцепился в моё запястье, не давая отъехать в сторону.

— Что такое? Как бы ты ни старалась, уйти не сможешь. И прятаться здесь негде.

Лулу тявкнула одновременно с его словами, будто подтверждая их.

— Ну, что там? — выдохнула я, подняв на Глеба взгляд.

Он не спешил отвечать. Но по его улыбке на губах можно было сделать определённые выводы. Кажется, это было не притворство и не попытка перекрыть внешним весельем злость Значит, облегчение?

— Я же говорила, что не могу быть его дочерью. Мы же не в дурацком сериале для домохозяек.

Он ухмыльнулся и кивнул.

— Ага, Сань, это хоррор.

Он погладил Лулу. У меня фантазия разыгралась, или это был зловещий намёк? Всем известно, что животные в фильмах ужасов умирают первыми.

Вот только парень ничего плохого не сделал. Он почесал щенка за ушком и отпустил на пол. Другой рукой всё ещё придерживал коляску.

Я бы всё равно могла попытаться отъехать, но теперь бо-

ялась случайно придавить Лулу.

Да и Глеб был прав, смысла в этом в любом случае было мало.

— Ты не моя сестра, — он ликовал уже открыто. Так, словно долгое время был ранен, а теперь все раны зажили в один миг, и боль исчезла без следа. — И что же это означает для тебя?

Глеб заправил мне за ухо светлую прядь волос, а я нахмурилась.

— То, что ты оставишь меня в покое?

— Или то, что покой тебе теперь будет только сниться

Он в очередной раз задержал взгляд на моём лице. Явно собирался что-то сказать или сделать. Но, слава богу, отвлёкся. Его смартфон снова запиликал.

Я хоть и была уверена в том, что мы не родственники, всё равно на миг перепугалась: что, если результаты напутали и теперь прислали ему верный вариант?

Он быстро прочитал сообщение. Выражение лица не изменилось. Значит, всё было в порядке.

— Это Ева, — зачем-то пояснил мне. — Друзья зовут нас в Питер на пару недель. По-хорошему уже надо бы выезжать.

Я выдохнула и наконец-то расслабилась. Губы невольно тронула улыбка.

— Хорошо.

Он будто удивился.

Чем больше я с ним общалась, тем больше чувствовала,

как размягчается мозг, превращаясь в непонятную беспомощную субстанцию.

Что, в конце концов, с ним было не так?

— Не хочешь со мной? — спросил вдруг.

— Смеёшься?

— Ты же не собираешься всё лето просидеть здесь?

— Собираюсь.

Глеб поджал губы.

— Ну да, будешь только обузой. Действительно

Он резко поднялся и направился к выходу. Довольный и одновременно какой-то задумчивый.

Я хотела напомнить ему о том, что не хочу, чтобы он или его девушка ещё пытались меня «навещать», но решила не задерживать его. Решил уйти — уже хорошо.

Может быть, за время, проведённое с друзьями в другом городе, он и вовсе забудет обо мне.

По идее должен. Причин приставать-то больше не осталось.

Наконец-то мы всё выяснили.

У меня самой зазвонил смартфон. Уже не глядя на Глеба, полагая, что он вышел, я посмотрела на экран. Номер был незнакомым.

После аварии свой собственный айфон старой модели я не видела. Может быть, он разбился или потерялся. Я даже не интересовалась. Не хотела ни с кем говорить.

У меня были друзья. И мой тренер наверняка хотел бы

меня навестить. Но я не видела в этом никакого смысла. О моём состоянии и о том, что я не вернусь в спорт, всем, кому надо, уже должны были сообщить. Так о чём ещё можно было разговаривать?

Даже когда Андрей Викторович подарил мне ноутбук, я не стала заходить в свои соцсети и вообще очень опасалась случайно наткнуться на статьи об аварии, если такие вообще существовали.

Но когда попечитель попал в кому, а Игорь принёс мне новый телефон для связи, нехорошее предчувствие всё-таки подтолкнуло меня к тому, чтобы скачать несколько приложений и войти в свои аккаунты. На цифры у меня была хорошая память, все пароли хранились в голове.

Я прочитала несколько десятков сообщений, но ответила лишь трём людям. На общение со всеми остальными просто не было сил.

Среди них был и Костя, мой бывший партнёр по фигурному катанию. Я уже больше года не пересекалась с ним на льду, поскольку сделала выбор в пользу другой дисциплины. Но мы всё ещё поддерживали какую-никакую связь.

Когда ответила на звонок, услышала его голос. Точно. Я оставляла ему свой номер на всякий случай. Но он был в отпуске в другой стране с родителями, так что я не ждала звонка так скоро.

— Костя? — выдохнула в динамик и перевела взгляд на пол, чтобы найти Лулу. Но вместо неё заметила Глеба, кото-

рый уже развернулся и не сводил с меня взгляда. Забыл что-то? — Зачем звонишь?

Костя немного нервно рассмеялся в ответ:

«Узнаю тебя, совсем не меняешься Просто хотел услышать твой голос»

— Да нет, — я нахмурилась, — это же дорого.

«Не волнуйся хотя бы об этом. Саш, я пытался выяснить, где ты. И не только я. Но ты просто исчезла со всех радаров. Хорошо, что зашла в сеть. Но ты же ничего толком не объяснила. Я писал потом ещё, ты не открывала. Скажи хоть, где ты?»

— Это сложно объяснить. Но всё в порядке. Не переживай.

«Легко сказать. Ты хоть представляешь, как я волновался?»

— До или во время отпуска? — я беззлобно улыбнулась.

Не думала, что мне будет приятно слышать его голос. Но простой разговор приносил облегчение. Словно у меня ещё осталась какая-то жизнь. Кто-то кроме мамы, кому на меня было не плевать. Я не верила в это до конца, но разговор с Костей всё равно поднимал настроение.

«Саш, родители столько месяцев это планировали. Ты же знаешь, я не мог отказаться»

— Да я же шучу, чего голос дрожит? Отдыхай спокойно. Расскажешь потом, как оно там. Ну всё, ещё спишемся

«Нет, стой. Я могу уехать раньше, возьму билеты Саш, где

ты?»

Я хотела ответить, что ничего ему не скажу, пока он не вернётся домой вместе с родителями.

Но Глеб не дал мне этого сделать. Он уже через пару мгновений оказался рядом и вырвал телефон из моих рук.

— А тебя это волновать не должно, — бросил в ответ так, будто до того стоял и прислушивался к каждому Костиному слову.

Он отключился и стал копаться в телефоне с непроницаемо-наглым лицом.

— Что ты творишь? Ушёл ведь уже

— Блокирую его, — ответил Глеб буднично. — У тебя совести нет. Я ещё уехать не успел, а ты уже неизвестно кого в мой дом зазываешь?

Глава 31

Саша.

С тех пор, как Глеб уехал, прошло где-то полторы недели. Тогда он никак не объяснил своё поведение.

Он вмешался в мой разговор со знакомым, наехал на него, хотя не имел на это никакого права, а когда я указала ему на это, и вовсе забрал телефон и хлопнул дверью.

На следующий день пришёл Игорь. Мужчина почему-то извинился за парня, принёс мне новый смартфон и сказал, что Глеб вполне может задержаться у друзей надолго, и мне можно о нём больше не думать.

Мы потом ещё списались с Костей, конечно. На фоне того, что один придурок вмешался в наш разговор, пришлось пояснять, кто он и почему вообще был рядом со мной.

Правда, итог этой переписки мне не очень понравился

Костя: «Значит, у тебя появился опекун? А как же твой отец? Не объявлялся?»

Я: «Не опекун, а попечитель. Опека осуществляется до четырнадцати лет. Мне почти восемнадцать. А отец вряд ли знает. Для этого надо сначала просохнуть, а это задача невыполнимая, как я понимаю».

Костя: «Но он же в коме? Попечитель этот. Это норм типа?»

Я: «А какие у меня варианты? Вернуться домой? Наша

квартира была в ипотеке, кстати. Я до сих пор не знаю, отказаться ли мне от наследства. У меня есть ещё несколько месяцев. Не знаю, смогу ли тянуть и её, и учёбу. Здесь мне помогают, и я могу хотя бы спокойно всё обдумать».

Костя: «Саш, ты всегда можешь пожить у нас. Знаешь же, мама будет не против. Она тебя любит».

Учитывая, что мне всё ещё нужна была помощь в элементарных бытовых вещах, я ни за что не стала бы утруждать кого-то постороннего. Уж лучше в детский дом или куда там отправляют сирот, которые почти достигли совершеннолетия

Я: «Точно нет. Не думай об этом».

Костя: «Если бы там не было этого гада, может, и не думал бы».

Я: «А его и нет. Уехал, говорила же».

Костя: «Ну так вернётся. И что он в следующий раз сделает?»

Я: «Может быть, и ничего. Хватит уже о нём. Так сильно испугался в прошлый раз?»

Костя: «Да за кого ты меня принимаешь? Просто это не норм, если что. Какого фига посторонний парень торчит в твоей комнате, забирает твой телефон, блокирует меня? Он даже не знает тебя»

Я ничего не ответила. Так что парень продолжил:

Костя: «Кто знает, что он ещё выдумает? Мало ли, как богатые развлекаются. Саш, давай что-нибудь придумаем. Чем

тебе не нравится идея переехать ко мне?»

Я: «Его отец — мой официальный попечитель. Не помню ничего такого за твоим отцом или матерью».

Я: «Как ты вообще себе это представляешь?»

Костя: «Помню твою позицию и всё такое Но можно же просто сказать, что мы встречаемся. Тебя в нашей квартире тогда точно примут как родную»

Я тогда могла только горько вздохнуть. Костик и понятия не имел, как я себя чувствую, как сложно оказалось мне подобрать лекарства, которые будут больше помогать, чем вредить, как часто меня рвёт, как тяжело мне делать элементарные движения, о которых я даже не задумывалась раньше.

Его предложение было просто смешным.

Переехать к нему в двухкомнатную квартиру, притворяться парой, утруждать ещё больше его и без того измученную маму? Ещё и обманывать её?

Может быть, я была странной, но эта перспектива не казалась мне привлекательной.

Я не отвечала ему несколько дней. Он продолжал писать. В основном о том, как беспокоится за меня из-за Глеба. И какой он мудак.

И чего его так задело это?

Глеб делал вещи и страннее.

Например, притащил в мою комнату Лулу. Делал мне массаж и вообще беспокоился о том, как я себя чувствую. Позвал с собой в другой город с таким видом, будто это и не

издёвка вовсе. Несколько раз врывался в комнату, надеясь получить ответы, которые ему не дали бы те, кому он должен был доверять и кому доверять не мог.

Это был первый день, когда мы с Дилей выбрались на прогулку возле дома. Погода стояла пасмурная, но холодно не было.

— Ох, боюсь, скоро дождь начнётся — вздохнула Диля, но я ничего не ответила. Меня это мало беспокоило.

Сиделка медленно катала меня по дорожкам между цветов в саду, а я вновь и вновь перечитывала переписку с Костей.

Надо же, я ведь и не замечала, как сильно иногда занудничала в общении с ним и с другими людьми. А он, в отличие от Глеба, ни разу меня в этом не упрекал и отвечал нормально.

Он был неплохим парнем.

Но почему же я тогда не могла собраться с мыслями и ответить на его сообщения, унять его беспокойство?

Я не хотела обсуждать прошлое. И аварию тоже не хотела. И Глеба. А если всё это вычеркнуть, казалось, что говорить с Костей нам просто будет не о чем. Поэтому я игнорировала его. Перестала заходить в мессенджер, и звонки тоже игнорировала.

Теперь вот только заглянула, пока он не онлайн.

— Этот мальчик влюблён в тебя, правильно? — спросила вдруг Диля.

Она раньше загадочно улыбалась, когда я сидела в теле-

фоне. А теперь, видимо, озвучила свои мысли.

— Просто друг, — отозвалась я тихо.

— Разве так бывает?

Я запрокинула голову и посмотрела на неё. Нет, наверное, не бывает. Так что мне стоило бы заблокировать парня самостоятельно.

Может быть, именно поэтому я и не могла злиться на Глеба за его последнюю выходку.

Вот только если бы поступила как нужно было сделать и перестала общаться с Костей, у меня бы почти никого не осталось.

В тот же миг позади послышались шаги. Я почему-то решила, что это садовник, и даже не подумала о том, чтобы обернуться. А вот Диля издала какой-то странный звук.

— Боже, — прошептала она потом, — когда же это закончится

— Гуляете? — это был голос Глеба.

Я не поверила своим ушам. Он ещё должен быть в Петербурге. Неужели вернулся раньше?

Не успела опомниться, как парень оказался рядом. Почти такой же, как когда только залетел в свою (или мою?) комнату. В джинсах, майке и кожаной ветровке. Только на этот раз в его руках был сложенный чёрный зонт.

— Молодой человек? — Диля посмотрела на него вопросительно, а я спрятала телефон в карман и отвела взгляд в сторону.

— Как дела? — Глеб склонился надо мной, проигнорировав сиделку. Он уже будто привычно вцепился в подлокотник кресла, пытаясь заглянуть мне в лицо.

В ответ я не удержалась и молча посмотрела на него. Он выглядел чуть лучше, чем в нашу последнюю встречу. Синяки окончательно сошли с лица. Но взгляд синих глаз был всё ещё уставший.

Я вспомнила о том, что состояние Андрея Викторовича до сих пор не улучшилось, и невольно посочувствовала Глебу.

— Ужасно выглядишь, — заключил он вместо приветствия. — Не стоило тебя оставлять здесь одну.

— А? — я выгнула бровь. Ничего другого, кроме как глупо хлопать ресницами, не оставалось.

— Молодой человек — начала Диля.

Глеб вздохнул и перевёл на неё взгляд.

— Я просто решил прогуляться возле дома, нельзя?

— Но

— Я не думала, что ты вернёшься так скоро, — протянула я, всё ещё разглядывая его.

Заметила сбоку на шее несколько красных следов и почему-то не смогла отвести от них взгляд.

— Не рада меня видеть? — он ухмыльнулся.

— Да нет, мне всё равно.

Ответила, как мне показалось, вежливо, но парню это не понравилось.

— Вижу, — он перехватил мой взгляд и слегка нахмурил-

ся. — Вы о чём-то говорили? Я вас прервал?

Ответить не успела, потому что Глеб продолжил задавать вопросы так быстро, будто ответ ему не требовался:

— Костик твой не приезжал? А что Роман Иванович говорил, ничего нового? Как физиотерапия? Почему гемоглобин до сих пор такой плохой?

— Ты опять? Рылся в моей медкарте?

— Нет, за кого ты меня принимаешь? Просто взломал почту Игоря. Это не сложно.

— Глеб

— Ещё вот что: ты сегодня завтракала?

— Почему я вообще должна отвечать?

— Значит, нет. А вы куда смотрите? — он посмотрел на Дилю.

— Я же просила — я нахмурилась. Снова он предъявлял претензии женщине. — Можешь выбрать другое время для своих прогулок?

— Значит, — он запрокинул голову и многозначительно посмотрел на небо, — мне уйти?

В тот же момент, словно по его мысленному приказу, с серого неба стали падать капли дождя.

Глеб с довольной ухмылкой открыл зонт, накрыл им меня и сам склонился, отгораживаясь от назойливых капель и взгляда Дилю.

— А ты только этого и ждал, — выдохнула я.

— А как же, — он усмехнулся.

Глава 32

Саша.

Глеб взломал почту Игоря, чтобы просматривать его электронные письма. Это могло быть и не связано со мной напрямую. Полагаю, парня очень волновали его наследство и будущая работа. Допустим, он провернул всё это, чтобы быть в курсе и держать под контролем свою паранойю.

Но что насчёт того, что он, несмотря на то, что нас больше точно ничего не связывало, рьяно интересовался моим здоровьем, моими делами в принципе? Просто от скуки? Я сильно сомневалась, что у такого, как Глеб, не было развлечений получше.

А как насчёт трюка с зонтом? Ведь продумал это заранее, знал, что пойдёт дождь, дождался нужного момента и увязался за нами с Дилей под благовидным предлогом.

Он держал над нами зонт, пока женщина катила коляску к дому. Я так сильно погрузилась в раздумья, что не додумалась отогнать его, попросить уже идти до конца и передать мне зонт, раз уж он такой галантный, или накрыть Дилю. Или вовсе попросить её побежать в дом без меня, чтобы не намокнуть. У меня-то всё ещё оставалось управление

В общем, я просто молчала, хмуря брови и глядя на стремительно темнеющую от воды дорожку под колёсами.

Даже не заметила, когда мы подъехали к недавно установ-

ленному пандусу и оказались под навесом.

В коридоре Глеб как ни в чём не бывало закрыл зонт и молча ушёл вниз. Главный ход вёл на второй этаж. Он спускался в свою комнату на первом, пока я поднималась на третий, глядя ему в спину.

— Что это вообще было? — спросила я у Дили позже, подъезжая к тумбочке, чтобы взять бутылку с водой.

— Не нравится мне это, — она поморщилась. — Хотя

— Что?

Женщина замялась, заправила за ухо тёмную прядь волос и пожала плечами.

— Может быть, ему просто одиноко.

Диле Глеб не нравился, но она всё равно смотрела на него как на ребёнка. Несчастного ребёнка по большей части. В её словах часто это проскальзывало, и я не могла не согласиться с её выводами. Правда, что-то всё равно не складывалось в логичную картину.

— Только что вернулся от друзей ведь.

Я сделала несколько глотков, посмотрела на бегающую вокруг Дили Лулу через полупустую бутылку и слабо улыбнулась.

— Сейчас друзьями называют всех подряд, — фыркнула женщина. — Тебе помочь переодеться? Бинты сильно намокли? Дай посмотрю

— Нет, вообще не намокли. Всё в порядке. Я сама справлюсь.

Она кивнула и, будто подумав о чём-то неприятном, вернулась к двери, чтобы закрыть её изнутри на замок.

— Я хочу сходить в душ ненадолго. Точно ничего не нужно?

— Точно, идите.

Она взяла несколько вещей из своей комнаты и пошла в ванную, попутно набирая чей-то номер в смартфоне.

— Да, доченька, ну как вы там? — донёсся до меня её приглушённый голос. — Ничего не случилось?

Послышался звук льющейся из крана воды, я перевела внимание на Лулу и подозвала её к себе, чтобы погладить.

— Не крутись так, смотри, чтобы я тебе хвост не придавила

Она лизала мои ладони и беззаботно гавкала. Веселья ради я попробовала показать ей, как выполнять команду «сидеть», но малышка была слишком маленькой и ничего не поняла.

Я смотрела на неё с чувством, будто что-то важное забыла. И это что-то было связано с ней. Какая-то безликая мысль крутилась в голове, но я никак не могла её поймать, чтобы повнимательнее рассмотреть.

— Ладно — выдохнула и потянулась к заранее оставленной на кровати пижаме.

Сложнее всего было, конечно, с шортами. Я вытащила из кармана смартфон и положила его на кровать, потом стянула через голову длинную утеплённую юбку, идеально подходя-

щую для прогулок на улице, когда было прохладно. Снимать и надевать её было удобнее, чем брюки. Затем осторожно просунула ноги в отверстия мягких пижамных шорт. Колено привычно прострелило болью, но я её почти не заметила. Снова приподнялась, чтобы подтянуть резинку на бёдрах.

Такие простые действия — а дыхание так участилось, словно я бегала марафон. Дальше сил хватило только на то, чтобы стянуть с себя белую вязаную кофту, мягкую и тёплую. Под ней был только лифчик-топик. Я позволила себе перевести дух и потянулась за водой.

А потом так и застыла с пластиковым горлышком у рта. По двум причинам.

Во-первых, увидела в зеркале напротив свою осунувшуюся фигуру. У меня всегда был хороший мышечный каркас, а теперь сильно выпирали рёбра, живот едва ли не лип к спине, от груди вообще мало что осталось Хотя бы сошла неприятная побочка в виде сыпи, но это не утешало. Выглядела я и вправду не очень.

Во-вторых, боковым зрением заметила метнувшуюся в сторону тень на лоджии. Когда повернула голову, уже никого не было, но стало не по себе.

Это мог быть Глеб? Или у меня уже совсем фантазия разыгралась? В любом случае, надо бы как-то запереть другой вход изнутри.

Я ещё несколько мгновений хмуро рассматривала себя в зеркале. Хуже не выглядела, наверное, никогда. Но даже от-

вращение к себе не мотивировало есть.

Парень тогда на улице ударил в нужную точку: перловая каша со сливочным маслом и бутерброды с сыром до сих пор стояли на тумбочке нетронутые. Запечённое с мёдом яблоко лежало рядом, и от его запаха меня немного мутило.

Заставить себя сказать об этом Диле почему-то не получилось. Мне было совестно просить его выкинуть или даже просто унести или съесть. Кто-то это выращивал, кто-то готовил А кое-кто даже переделал часть особняка под мои нужды.

На меня было потрачено слишком много ресурсов. Больше, чем я заслуживала.

— В этом нет смысла, — прошептала я сама себе и тут же, словно в ответ, услышала стук в дверь.

— Кто там? — спросила и потянулась к рубашке, что шла в одном комплекте с шортами.

— А ты как думаешь? Дверь заперта, что ли?

Конечно, это был Глеб. Кто же ещё Вот только с каких пор? Его ненормальное нелогичное внимание слишком уж быстро стало для меня привычным.

— Заперта. Я же говорила, что не принимаю гостей.

— Даже английская королева принимает, а ты нет? — послышался смешок. — Я не собираюсь входить, так что открывай.

— У тебя логика хромает — протянула я недоверчиво и всё же подъехала ближе к двери. Непонятно зачем — откры-

вать ведь не собиралась, как и вести задушевные беседы через преграду.

— Тебе ли про хромоту говорить — с этими насмешливыми словами послышался щелчок, и дверь открылась.

Я сцепила зубы. А замок-то оказался двусторонним. В этом доме, кажется, не предполагалось мест, где можно чувствовать себя в безопасности.

Глеб стоял в коридоре, смотрел на меня без улыбки. Его серьёзное, даже мрачное выражение лица меня насторожило. Секунду назад в голосе было хоть и ироничное, но веселье. А теперь что? При взгляде на меня настроение упало?

— Что ты хочешь?

— Тебя, не понятно? — ответил он. — Выходи погулять. Диля, вижу, отвлеклась и не скажет мне, что ты не можешь сегодня выйти.

Я почувствовала укол облегчения, когда на его красивых губах всё же заиграла лёгкая усмешка.

— Не будешь врываться в комнату?

Это определённо было что-то новенькое.

— Ты же не хочешь, чтобы я приходил к тебе. Давай посидим в коридоре. Дело есть.

Он упрямо стоял на месте, хотя ему ничего не стоило, как обычно, зайти внутрь, развалиться на моей кровати или вовсе схватиться за ручки кресла и потащить меня туда, куда ему будет угодно.

Если честно, это меня подкупило. Да и настрой у него был

каким-то необычным. Может быть, есть новости про Андрея Викторовича? Что-то ещё случилось? Я понимала, что ему нет смысла мне вредить, тем более под камерами, поэтому всё же направила пульт в сторону дверного проёма.

А может, мне просто хотелось рискнуть? Или тоже было одиноко?

В любом случае, я выехала в коридор. Сердце отчего-то разогналось в груди, было не по себе. Но что такого могло случиться?

Как только этот вопрос прозвучал в голове, Глеб подошёл к двери, закрыл её и вставил ключ в замок. Провернул его и оставил на месте, так чтобы с другой стороны нельзя было открыть.

— Кладовку тоже запер, — протянул он без эмоций и холодно посмотрел на меня.

Глава 33

Саша.

— Хорошо, — протянула я. — Теперь скажи, зачем это сделал.

— Зачем? — Глеб усмехнулся. — А ты как думаешь?

Он схватился за ручки сзади и толкнул коляску вперёд. Раньше я не успевала среагировать, теперь же смогла открыть панель управления и нажать на кнопку, блокирующую колёса.

Глеб остановился вместе со мной, склонился и выдохнул мне едва ли не на ухо:

— Перестань, Сань. Мне ничего не стоит протащить тебя и так. Не говоря уже о том, чтобы заломить тебе руки. Или, — в голосе появилось что-то насмешливое и опасное, — вообще вытащить тебя из этой проклятой коляски.

Я опустила взгляд, и он упёрся в ортез. На мгновение представила, как в случае чего придётся ползать по полу и какой болью это будет сопровождаться.

Даже если бы Глеб не собирался мне вредить, вряд ли у него могло получиться взять меня на руки так, чтобы я не вспомнила, что такое болевой шок.

— Вот и славно, — рассудив заминку по-своему, он легко убрал мою руку с панели управления и нажал на нужную кнопку, чтобы покатить коляску дальше.

Я сидела ровно, гадая, столкнут ли меня с лестницы или придумают что-нибудь поинтереснее.

Остановились мы и правда у лестницы. Но Глеб развернул меня и подкатил к софе, что стояла у ближайшего окна. Там же был раскладной столик, на котором стояло что-то похожее на пластиковую кастрюльку. Рядом на подносе была ложка.

Я с удивлением наблюдала, как вальяжно он сел и деловито открыл крышку кастрюльки-контейнера. Воздух тут же наполнился ароматом мясного бульона.

За стеклом крапал дождь, свет казался серым и каким-то туманным. Или это из-за лент пара над супом?

Я быстро оглянулась на коридор, Диля вроде бы ещё ничего не заметила. Не хотелось её снова волновать.

— И что ради этого ты запер двери?

— Ты не говорила, что тебе не нравится, когда их запирают. Это надо было заранее уточнить, раз уж решила высказаться, — Глеб усмехнулся, правда его синие глаза были всё такими же холодными и серьёзными. — Я не входил в твою комнату. Но и не хотел, чтобы нам помешали. Твоя сиделка довольно бесполезная.

— Не говори так.

— А что такого я сказал? Посмотри на себя, такими темпами мозги усохнут и глаза провалятся в череп. Если тебя вообще это волнует.

— Меня волнует или нет, тебе-то какое дело? — маши-

нально ответила я.

Глеб зачерпнул горячую жидкость ложкой и поднёс её к своим губам, чтобы подуть.

— Мне твой вид настроение портит, — произнёс он так легко, словно это был заранее заготовленный ответ. — Раз уж живёшь в моём доме и в моей комнате, будешь жить по моим правилам.

С этими словами он протянул ложку так, что она едва не ткнулась в мои губы.

— Ты обалдел?

— Ну же — он попытался протолкнуть ложку дальше, но я увернулась. Несколько капель жидкости попали на рубашку. Я устало вздохнула. Снова придётся переодеваться

— Это костный бульон, попросил приготовить, когда ехал сюда. Раз нормальную еду не жрёшь, попробуй хотя бы это.

В разговоре, если это можно так назвать, были паузы. Мне требовалось слишком много времени, чтобы вообще осознать тот факт, что он действительно замкнул двери и покатил меня по коридору с мрачным видом для того, чтобы накормить?

— Отравил что ли? — усмехнулась, потому что в этом дурном предположении был хоть какой-то смысл.

— Да боже — Глеб вздохнул и демонстративно выпил несколько ложек бульона. — А вкусно вышло.

— И мне теперь после тебя этой ложкой пользоваться? — это спросила просто из вредности.

Я не была слишком брезгливой, и его слюна — это последнее, что меня смущало в этой ситуации.

Он слегка нахмурился.

— И почему именно ты? — бросил не совсем понятную мне фразу и продолжил уже спокойнее: — Несколько недель назад у тебя вместо колена было месиво из костей. Из белка, так-то, новые клетки строятся. Тебе повысили его норму, а ты не то что его не добираешь, вообще ничего не жрёшь.

Наконец-то отойдя от ощущения нереальности происходящего, я смогла ответить ему серьёзно:

— Глеб, я не могу. Смысл есть, если потом всё равно вырвет? Диля не виновата, что мне почти никакие таблетки не подходят. И вообще я ем просто меньше, чем обычно.

Он раздражённо прицокнул языком.

— Таблетки? А, может, ты просто решила украсить мой дом своим трупом?

В этот момент выражение его лица стало точно таким же, как когда только открылась дверь в мою комнату. Так он из-за этого злился?

— Думай, что хочешь Есть я не буду. Не делай так больше. Не хочу, чтобы у тебя были проблемы.

Я потянулась к управлению, чтобы вернуться в комнату. Почему-то казалось, что он не станет настаивать, это ведь будет уже совсем глупо, и я смогу вытащить ключ из замочной скважины.

— Сань — Глеб мягко схватил меня за запястье, по коже

тут же пробежалась непрошеная волна мурашек. — Не стейк ведь я тебя заставляю есть. Эта хрень всосётся в кровь быстрее, чем успеешь пискнуть. Уже давно бы закончила, и я бы тебя отпустил. Постарайся хотя бы, заставь себя — и всё.

Сначала я хотела придраться к его формулировке. Потом к тому, что он считает, что вправе меня «отпускать». А потом услышала его последнюю фразу.

— Заставить себя? — я зло усмехнулась. — Я всю жизнь только и делала, что заставляла себя. Было ради чего стараться. А теперь зачем?

Последнее слово было брошено шёпотом.

Я опустила взгляд, чувствуя в горле мерзкий слезливый комок. В висках стучало. Ну и зачем? Зачем было ему это говорить

Я ожидала, что Глеб отшутится, проигнорирует меня, скажет что-нибудь обесценивающее но он молчал.

И только когда я подняла на него неясный взгляд, спокойно спросил:

— Знаешь, как умерла моя мать?

Глава 34

Саша.

— Я не понимал, что с ней что-то не так. Думал, что все мамы так себя ведут и так выглядят. Что это нормально, — произнёс Глеб так спокойно, что мне стало не по себе.

Взгляд синих глаз был ясным, ни один мускул на красивом, бледном лице не дрогнул.

Он рассказывал о том, что его мама месяцы проводила в кровати, почти всегда спала, наверное, из-за таблеток, что принимала горстями. Не хотела выходить на улицу, не хотела есть. С сыном виделась всё меньше и меньше.

— А в последнюю неделю она вдруг изменилась. Стала весёлой, звала в дом гостей, разговаривала со мной Всего на несколько дней, но я поверил, что так будет всегда. Придурок.

Он улыбнулся как-то странно, словно мы были во сне. Зачерпнул ложкой бульон и снова едва не ткнул ею в мои губы. В такой момент я не хотела дёргаться и сбивать его с мысли, поэтому послушно открыла рот и позволила тёплой, ароматной жидкости проникнуть внутрь.

Бульон был простым, из специй только соль и, может быть, лавровый лист. И это было идеально. Меня даже не замутило.

— Потом я нашёл её в ванной комнате. Голова свисала с

бортика, волосы закрывали лицо. Вода была красной и пахла железом. Я долго смотрел на неё и звал Не сразу понял, что на самом деле стоял там один.

Он ничего больше не уточнял, всё и так было понятно. Просто продолжал кормить меня, и я даже не сразу подумала о том, что вообще-то ложку-то точно была способна держать сама.

Позади послышались всхлипы и страшные гортанные звуки. Мама

Перед внутренним взором пронеслись кадры аварии. Только на этот раз изменённые. Мы были не на дороге. Машина тонула в кровавом, горячем и вязком озере

Я смежила веки и постаралась досчитать от десяти до одного, чтобы прийти в себя.

Когда открыла глаза, Глеб смотрел на меня без эмоций и терпеливо держал на весу ложку у моего лица. Я послушно разомкнула губы и, проглотив бульон, взяла его за запястье.

— Я сама, — прошептала.

Он кивнул и придвинул круглый контейнер ближе ко мне. Такой сосредоточенный, словно проводил хирургическую операцию

Есть не хотелось совсем. Тем более после его рассказа. Голова раскалывалась, но я смогла взять себя в руки и вычерпать почти половину, наслаждаясь образовавшейся тишиной, в которой можно было спокойно подумать.

Теперь стало понятнее. Возможно, мой болезненный вид

и правда портил ему настроение.

Моё поведение могло расцениваться им как то, что он уже видел в детстве.

И это, конечно, жёстко триггерило.

Я могла бы сказать, что это вовсе не моя проблема. Что я не стану насиловать себя, чтобы не дай бог не ранить его искалеченную психику ещё больше. Что он мог бы свалить, если ему что-то не нравится, или просто переключить внимание. А это далось бы ему легче, если бы он постоянно не ошивался у моей комнаты.

Могла бы, но Не собиралась.

Я молча отложила ложку, когда почувствовала, что не могу больше. Подняла на него глаза и сказала только:

— Мне жаль.

Прекрасно знала, что никакие слова не смогут утешить. Сама бы только разозлилась, если бы смерть моей матери стали рассусоливать. Долго жалеть её или меня. От этого на душе стало бы только паршивее.

— Да ладно, — Глеб вдруг ухмыльнулся. — Я хотел тебя шокировать, чтобы ты заткнулась и просто поела. Хотя это явно одноразовая акция, даже не знаю, что тебе рассказать в следующий раз. Самое стрёмное ты уже знаешь.

Он старательно делал вид, что уже не переживает из-за смерти матери. Не переживает настолько, что может использовать её как инструмент для достижения своих нехитрых целей.

Но в стрессовых ситуациях люди сильно раскрываются. Я видела Глеба злым, подавленным, видела его в отчаянии. Поэтому в каком-то смысле уже хорошо знала.

Если это всё не было затянутой игрой, конечно же.

Ему было тяжело говорить о матери. И хоть прошло несколько лет, едва ли он смог пережить её смерть и смириться.

Так зачем было рассказывать мне? Он сравнивал меня со своей матерью? Или сравнивал нас с ним, почти сирот, ведь с отцами чертовски не повезло?

Впрочем, если у него и правда не было эмпатии, он действительно мог с лёгким сердцем рассказывать мне жуткую историю лишь затем, чтобы зачем-то заставить есть

Дуристика какая-то.

— Я всё думаю, — выдохнула, — всё-таки ты хороший одинокий парень со странностями или полный отбитый псих?

— Одинокий? — он нахмурился. Угол губ дёрнулся в дикой половинчатой усмешке.

Странно, но это часть моей фразы задела его больше всего.

Настроение Глеба мгновенно изменилось. Не знаю, что бы он сказал или сделал, если бы нас не прервал громкий стук в дверь. Диля заметила, что произошло, начала тарабанить и кричать.

— Откроешь? — спросила я.

Он поднялся и, ни слова не сказав, подошёл к лестнице. Завис там на мгновение, будто раздумывая, уходить или нет. Потом развернулся в сторону женщины. Когда я совладала с коляской и заехала в коридор, он уже открывал дверь.

Стоило мне только почувствовать облегчение и найти в мыслях слова, чтобы объяснить происходящее Диле и успокоить её, как Глеб всё испортил.

Он толкнул её внутрь, зашёл в комнату сам и закрылся там с ней.

Глава 35

Глеб.

Днём ранее.

Адское сборище на этот раз проходило в четырёхкомнатной квартире одного из знакомых, в центре города. Музыка долбила по стёклам, дёргающиеся тела размывались из-за дыма, а неоновые краски, которыми мы запачкали весь дорогущий ремонт, превращали всех в части разноцветной полуголой безликой массы.

Были ли эти апарты того знакомого или его родителей — ему в любом случае придётся крепко поплатиться за попытку вписаться в нашу компанию.

Я сидел на диване, держа в пальцах полупустой стакан и раздумывая о том, чтобы уехать. На другую хату, на другой конец страны ну или домой.

Ближе всего ко мне была Ева. И её легко было вычленить в толпе: облегающее бордовое платье, красные волосы, яркая помада, уже чуть смазанная, высокие каблуки, плавные, откровенные движения

Рядом с ней тёрся Славик. Рыжеватый, под два метра ростом, не очень красивый, со своеобразным характером, но безумно перспективный, если хочется найти себе кого-нибудь побогаче.

Все были в курсе, что мы расстались, но мало кто воспри-

нимал всерьёз, пока Ева сама не начала вести себя вот так.

Я сделал глоток и окинул их взглядом. Теперь она тёрлась спиной о его грудь и качала бёдрами, прижимаясь к нему и периодически кокетливо пряча лицо в его груди.

Она делала так не раз, и иногда я вёлся, бил очередного бедолагу, к которому липла та, что номинально всегда принадлежала мне. Оттаскивал её, выводил подальше и делал то, чего мы хотели оба.

Но теперь подобного желания не было. Вообще ничего не было. Даже раздражения. Странно было смотреть на неё и думать, что я в любой момент могу снова заявить на Еву свои права, переиграть и всё вернуть.

Могу, но вместо этого позволяю ей продолжать тереться о Славку, у которого наверняка уже до боли тесно в штанах.

Впрочем, стоило бы не тупить и правда жениться на ней. Не совсем понятно, что будет дальше. Если отец умрёт или если очнётся. Игорь стал относиться ко мне иначе. Будто я и не наследник больше вовсе. Может быть, это просто параноя, но

Подстраховаться и взять в жёны Еву было бы не лишним. По крайней мере, её папаша пока ничего не знает о моём положении и ждёт этого.

Так я в любом случае остался бы на плаву.

Было бы чуть больше пространства, чуть больше влияния на свою же судьбу.

Горячечные размышления пульсировали в голове, я на-

блюдал за мыслями будто со стороны, прекрасно зна́я, что в итоге забью на них болт и позволю Еве закрыться со Славой в любой комнате квартиры, хоть в туалете. Потому что всё уже решил. По крайней мере, насчёт неё.

Рядом плюхнулась какая-то девчонка. Невысокая, худая, сильно накрашенная и с каре чёрных волос. Она чем-то обмазала кожу везде, и та сверкала тысячами мелких частиц.

— Думаешь, скоро приедут парни в форме? — спросила меня, приблизившись, чтобы я мог её услышать.

— Чего?

— У меня просто кинк, знаешь, — она улыбнулась, — на форму, на наручники. Если ты понимаешь, о чём я

Понимаю, раз сама заговорила о подобном сразу же, значит вход в трусы мне обеспечен и без всяких там фуражек.

— Ага, — усмехнулся, — могу представить.

— В прошлый раз приезжали из-за музыки, так один из них позволил мне оттянуть его ремень, чтобы напихать туда купюр, ха-ха Знаешь, он был даже чем-то похож на тебя Бывают же такие красивые парни

Она посмотрела на меня розовыми из-за линз глазами. На мгновение мне стало интересно, какие они на самом деле. Может быть, серые или зелёные?

Девчонка вцепилась в моё плечо и прошептала прямо на ухо:

— Слышала, что вы с Евой разбежались.

— А мы знакомы?

Она ненадолго отпрянула, но затем рассмеялась и снова оказалась слишком близко.

— Арина. Мы виделись несколько раз, но это до того, как ты уехал. Забыл? Мы же и переписывались пару раз

— А, — я сделал вид, что вспомнил, — ну да. Привет.

Она кивнула, облизнула губы и вдруг приблизилась к моей шее. Облизала кожу, а потом присосалась к месту чуть ниже губами. Прикусить и пройтись по укусу вёртким языком, как бы намекая на свои умения, тоже не забыла.

Я бы оттолкнул её сразу, но Ева заметила это и застыла на месте, игнорируя Славу, который только что чечётку вокруг неё плясал. Тупо, наверное, но мне не хотелось, чтобы она подумала, что я отверг девчонку из-за неё.

Прикосновения к коже и тем более боль от засоса были неприятны даже в моём шатком состоянии. Впервые в подобной ситуации я почувствовал откровенную брезгливость. Раньше мог бы разозлиться, конечно, что меня не пойми кто трогает и скорее всего нечищеным ртом, но тут стало откровенно гадко.

Какого хрена она себя позволяет?

Пока Ева смотрела, я отстранил пиявку от себя и поднял её на руки. Усмехнулся, в последний раз окинув взглядом бывшую, и отправился в одну из свободных комнат. Даже странно, что никто там ещё не заперся

— Мммм, — простонала девчонка, схватившись за мою шею, — так сразу? С чего ты взял, что я тебя хочу?

Я остановился у окна и посмотрел на неё. На лицо падал белый лунный свет. Симпатичная вроде, хотя с таким макияжем не понять.

— Догадался.

— Догадливый, — она игриво рассмеялась. — Мне нравится.

Вот же общительная. Я ухмыльнулся, но не ей, а собственной мысли, что с такими леди спать тупо опасно. Она была для меня грязной уличной крысой, переносчицей заразы, не более.

Я перехватил её покрепче, но не переместил на кровать. Вместо этого открыл один из шкафчиков комода. Парни уже шарились тут, нашли кое-что и ржали, как малые дети. Тот, чья хата была, только оправдывался и даже не сказал, что трогать его вещи нельзя. Никто не виноват, что он такая тряпка и, походу, не будет против, если я позаимствую одну из игрушек

В шкафчике лежали разные приблуды, но меня интересовали только наручники с ярко-розовым мехом. Я схватил их, но девчонка не успела заметить, что именно я взял.

— Защита? Не парься, я на противозачаточных

Я криво усмехнулся. Мне-то какое до этого дело? В любом случае не хватало ещё без резины в неё что-то пихать.

Впрочем, может быть, она специально это затеяла. И дело было не в ветрености, а в голом расчёте. Залететь от меня или ещё кого-то из нескольких моих друзей тут — та ещё

удача.

Вот только я лучше убью, чем позволю хоть кому-нибудь родить от меня. С моей наследственностью этого ребёнка ничего хорошего ждать не будет. Так что и его не будет тоже. Никогда.

— Не парься — бросил я и открыл дверь, чтобы зайти на балкон.

— Оу, хочешь на звёзды посмотреть, такой романтик — вздохнула девчонка, правда, с нотками разочарования в голосе.

Ничего, милая, я собираюсь исполнить твою фантазию, может, тогда будешь довольна.

Я отпустил её, взял за руку и прицепил к ограждению в кованых вензелях.

— Эй, Глеб, что это значит? — она попыталась выдернуть руку, но ничего не вышло. — Это шутка?

— Почему? Тебе же такое нравится

Я взял её за волосы, заставил опереться животом об ограждение и свеситься башкой вниз. Кто-то сидел на балконе напротив нас в другом доме, я видел только красный огонёк. Вряд ли он отреагирует, даже если увидит — никого не волновали чужие проблемы. А уж в этом паршивом городе — особенно.

Она застонала и захныкала, поверив, что я могу скинуть её с седьмого этажа.

— Глеб, пожалуйста, да что я сделала

— С какого-то хрена решила, что правда можешь ко мне прикасаться, — ответил я и потянул её за волосы назад.

Она закричала и сползла на пол, только рука торчала вверх, словно у милой отличницы, которая знала ответы на все вопросы в школе.

— Ты чокнутый! — закричала мне в спину, когда я закрыл дверь.

Так часто слышал подобное, что это просто перестало иметь всякий смысл.

Закрыл шторы, чтобы её нашли не сразу, и пошёл в туалет.

Скоро кто-то в любом случае пойдёт туда покурить, так что вряд ли она пробудет на балконе слишком долго. Зато подумает получше в следующий раз, прежде чем творить подобную хрень.

Я с омерзением прошёлся взглядом по красному пятну на шее, промыл это место горячей водой несколько раз, умылся и вышел.

Дверь на кухню была открыта. Там тусили самые старшие и отчасти крутые из нас. Впрочем, большая часть из них зарабатывала хорошие деньги на так называемом творчестве. Кое-кто состоял в популярной группе, кое-кто дорого продавал картины, благодаря своей мамочке, была даже одна вполне себе узнаваемая актриса. На такое я смотрел сквозь пальцы и не воспринимал всерьёз. Это дерьмовый бизнес, популярность быстро сойдёт на нет, и все они окажутся под забором.

Один из знакомых заметил меня, шмыгнул носом и спросил:

— А, Глеб, хочешь с нами?

Я окинул взглядом то, чем они занимались, и с непроницаемым лицом мотнул башкой.

— Не. Я поехал.

— Куда?

Ответил раньше, чем решил:

— Домой.

Глава 36

Глеб.

После того, как забрал у Сани телефон, ещё долго сидел в своей комнате, вертел его в руках и думал.

Через какое-то время будто автоматически подошёл к своему компьютеру, подключил к нему смартфон через USB и врубил программу для разблокировки экрана.

Пробовал подбирать пароль самостоятельно, но нифига не вышло. Ни дата её рождения, ни её матери не подошла. Зная Саню, пароль был максимально не привязан к её личности, просто рандомный набор цифр, который можно было подбирать часами.

Большинство программ удаляли все данные с телефона, но у меня была одна, которая почти всегда оставляла файлы целыми. Поначалу я даже не думал о том, что делаю что-то неправильное.

Мне хотелось знать о ней больше, и я привык получать всё и сразу любыми доступными методами.

Когда получилось разблокировать смартфон, я по привычке сначала зашёл в галерею. Обычно это довольно интересно: девчонки любили фоткаться, а по скриншотам переписок и прочего можно было сделать довольно много выводов об интересах, личности, даже целях.

Но в галерее Сани ничего не было. Вообще. Я даже прове-

рил, не повреждены ли файлы, но вроде нет. Она даже Ссыкушку ни разу не сфоткала

Я криво усмехнулся. И стоило ли вообще ей дарить щенка? У неё же сердца нет.

Впрочем, это же новый телефон, «подарок» Игоря. Она могла просто не успеть, да и не до того ей. Это было вполне понятно.

Среди иконок не было ничего особенного. Парочка мессенджеров и одна игра. Это были онлайн-шахматы. Я зачем-то зашёл в неё. Саня была авторизована, в профиле было только имя «Александра» и пустая аватарка. Как скучно Статус пустой, над ним гордая приписка уровня: «Эксперт-любитель» и ещё ниже: «Четыре года в приложении».

В игре был даже чат, и ей много кто писал, но она ни разу не реагировала.

Я хмурился, пролистывал страницы и случайно начал с кем-то игру. Хотел выйти, но тут же пришло сообщение: «Я так долго мечтал об этом! Наконец-то мы сразимся в эпичной битве!». Ну и бред Не думал, что кто-то до сих пор развлекается такими скучными вещами.

Почему-то решил доиграть, уверенный, что легко справлюсь. Правила я знал, с логикой тоже всё было в порядке, так что

Через пятнадцать минут меня разгромили. Тут же клацнуло сообщение: «От такого мастера я ожидал большего Это победа даже удовлетворения не принесла».

— Да пошёл ты, — я закатил глаза, закрыл приложение и отбросил смартфон в сторону.

Если Саня узнает об этом, наверняка разозлится, что я порчу её репутацию. Или её больше заденет, что лазил в её учётке?

Мне вдруг стало не по себе. Впервые задумался о том, что делаю что-то не то.

Через пять минут всё же снова взял в руки телефон. Только теперь копаться в нём было как-то нервно. И всё же я открыл мессенджер, увидел сообщения от мелкого придурка Костика и залип. Чем больше листал их переписку, тем хуже себя чувствовал. Ничего особенного там не было. Да и другие чаты выглядели прилично, хотя я их не открывал.

Кроме своего дружка, она переписывалась в основном с парочкой других девчонок. Это было видно по тому, что они были в важных. Сообщения от всех остальных были по большей части не открыты. Некоторые висели в таком состоянии месяцами, а то и годами.

Это были, наверное, какие-нибудь одноклассники, фигуристки, подписчики с блога Костика и прочие.

Конечно, пачка парней с непристойными предложениями или просто попытками познакомиться тоже присутствовала. Никому из них она не ответила.

Такая хорошая девочка. До зубовного скрежета.

И с какого хрена я вообще копался в её телефоне несколько часов? Что собирался найти? Уже ведь ясно, что она не

угроза для меня. По крайней мере, не сама по себе.

Я ещё какое-то время сидел и тупо пялился в экран. Нет, так не пойдёт Это уже совсем клиника. Чтобы не было соблазна, я отформатировал её смартфон и отбросил в сторону.

— Ну чего ты? — Ева зашла в комнату. — Поехали?

Она перевязала руку, где Саня её укусила. Я бы не перевязывал, если бы это случилось со мной. Смотрел бы на синяк и проходился пальцами по следам от ровных маленьких зубов. Забавно ведь

— Да, — я поднял на бывшую взгляд, — давай.

Со всем этим надо было кончать. Саня пережила ад и теперь всего лишь пыталась восстановиться. Отец просто сошёл с ума, не стоило искать в его поступках какой-то великий замысел. Даже если он и правда устроит её в холдинг и будет дальше присматривать — пусть.

Я не собирался больше вмешиваться. И думать о ней тоже.

Пусть переписывается с кем хочет. Новый телефон скорее всего не заставит себя долго ждать. Вряд ли она позовёт сюда своего Костика или кого-то ещё. А если даже кто-то и захочет её навестить — ладно.

Ей, наверное, одиноко.

А я, как бы ни хотелось, не подходящая компания.

Может быть, если бы обстоятельства были другими, я бы подкатил к ней. Тот факт, что она мне понравилась, было глупо отрицать. Но впервые в жизни я задумался о том, что

не достоин. С какой-то другой девушкой, может быть, наоборот гнул бы линию, что она никто, а я грёбаный пуп земли.

Но тут другое К деньгам она явно была равнодушна, а я ничего иного предложить не мог.

К тому же она младше на два года, в некоторых вещах совсем ещё ребёнок, хоть и наверняка считает себя самой умной.

Да и то, что несколько недель назад она потеряла мать вместе со спортивной карьерой тоже к романтике не располагало.

Я был ей безразличен. Сначала это задевало, даже шокировало. Женским вниманием я уж точно никогда обделён не был, вот и зажрался. Теперь решил, что всё к лучшему.

Для всех будет лучше, если мы больше не будем пересекаться. Особняк большой. В крайнем случае перееду. Отец хотел, чтобы я провёл лето дома, но больше это никакого значения не имело.

Питерский загул тоже должен был поспособствовать. По крайней мере, я на это надеялся. Тупой план — ещё больше расшатать психику, чтобы вообще больше ничего не волновало. И никто не волновал.

Правда, планировать свою будущую жизнь отморозка без привязанностей было проще, чем на деле перестать постоянно думать о ней.

Я держался три дня, потом начал лихорадочно следить за её соцсетями. Она как назло часто была онлайн. С Костей

переписывалась? Я мог бы взломать её страницу, но не стал опускаться на самое дно. Мог бы просто написать, даже набирал, но в итоге так ничего и не отправил.

Как идиот пересматривал видео с ней и каждый день проверял почту Игоря. На отчётах от врачей в итоге помешался.

Какого хрена у неё вроде лучшее лечение из возможных, а показатели только ухудшаются? Вес так падает, что сумасшедшие дистрофичные модели, вечно запивающие соками слабительное в качестве основного приёма пищи, ей бы жутко позавидовали.

Игорь тоже дураком не был, и они с Романом Ивановичем это обсуждали. Правда, вскользь, видимо основное уже проговорили по телефону. Но как я понял, дело может быть не только в побочках, а ещё и в психотравме.

С этим нужно было работать. Формулировка доктора: «Будем ещё какое-то время наблюдать» — меня не воодушевляла. Им всем будто лишь бы подольше подержать её в амёбном состоянии. Недоврачу — чтобы бабла побольше срубить, а Игорю — зачем?!

Может, эти ублюдки всё-таки что-то от Сани хотят? Я знал, насколько извращённый мозг у моего отца. И просто закрывать глаза на судьбу девушки больше не получилось.

В общем, да Я собирался за пару-тройку недель окончательно забыть её, а в итоге убедил себя, что должен быть рядом. По крайней мере, чтобы наблюдать за дальнейшим развитием событий. Чтобы в случае чего быть поблизости.

И ещё надо как-то заставить её есть

Я уехал домой, ничего не сказав Еве. Надеясь, что она решит всё лето тусить со Славиком.

По дороге заказал повару приготовить наваристый костный бульон без особых приблуд, чтобы меньше было шансов, что от какого-нибудь ингредиента Саню замутит.

Если она совсем мало ест, в неё сейчас нельзя было пихать ничего тяжёлого, толку бы не было, только вред, да и выглядело бы это как насилие.

Я хотел сначала отдохнуть с дороги, только потом идти к ней. Выглядел неважно после тусовки и нескольких часов в машине. Но заметил её в саду и не удержался. Знал, что с минуты на минуту пойдёт дождь, судя по прогнозу, поэтому прихватил с собой зонт.

Всё это время я помнил её слова о том, что она не желает видеть меня в «своей» комнате. Хотелось бы, чтобы сама передумала. Поэтому, переодевшись, я решил не заходить сразу, а сначала постучать в окно с лоджии.

В моей голове это выглядело нормально. Я шёл с листком, на котором было отпечатано: «Выходи погулять». Хотел прислонить его к стеклу, чтобы моё появление не показалось ей жутким.

Я снова зашёл на лоджию через кладовку и замедлил шаг. Шторы не были задёрнуты, и я сразу заметил, что она переодевалась. Остановился и решил вернуться позже. Пялиться не собирался, но взгляд сам зацепился за талию, которая ка-

залась не больше моей ладони.

Саня всегда была в свободных футболках, рубашках, длинных юбках или широких пижамных штанах. Я прекрасно видел, что она худая, заметил, что лицо осунулось, но всё-таки не представлял, что так сильно могут выпирать рёбра сквозь едва не полупрозрачную кожу, к которой прикасаться было страшно.

Меня перекосило от злости. Листок выскользнул из пальцев. Даже не сразу обратил на это внимание. Просто ушёл. На кухню. За бульоном.

***

Саша.

Я подъехала к двери, стала дёргать за ручку, но Глеб предсказуемо заперся на ключ. До меня доносились голоса, но слов нельзя было разобрать. Словно он оттащил женщину на другой конец комнаты.

Я и представить не могла, почему он так поступил, что говорил Диле или что собирался сделать.

Развернула коляску и попыталась открыть дверь в кладовку, но та тоже была заперта на ключ, как Глеб и сказал.

Поэтому я с колотящимся сердцем вернулась назад, стала стучать в дверь и просить парня впустить меня. Реакции не было.

Смартфона, кстати, тоже. Он так и лежал на кровати.

Оставалось только спуститься вниз и позвать кого-нибудь на помощь. Сюда несколько раз в неделю приезжал повар,

постоянно жила домработница и садовник, иногда приходил мастер по починке. Кого-то точно получится встретить.

Я потянулась к пульту управления, проехала пару метров и остановилась. Чёрт Кажется, зарядка закончилась. Ну да, точно. Я ведь сама каталась по саду, прежде чем Диля не напомнила о батарее и не взялась за ручки. Совсем забыла об этом и не поставила на зарядку, к тому же времени с прогулки прошло совсем мало.

— Блин — я крутила колёса сама, но выходило не очень быстро, сил не хватало.

Смогла только добраться до лестницы, как дверь распахнулась. Диля вышла из комнаты. Она выглядела нормально. Правда, одета была так, будто собиралась на улицу. И это при том, что тёмные волосы всё ещё казались мокрыми.

— Как хорошо, — порадовалась я. — Вы в порядке?

Но женщина быстро прошла мимо меня. Ничего не сказала. Только бросила мимолётный взгляд. В её глазах не было привычной теплоты. За несколько минут я будто стала для Дили абсолютно безразлична.

Я смотрела ей вслед, ничего не понимая. Она торопливо спускалась вниз.

Из комнаты вышел Глеб. Он шёл ко мне спокойно, выглядел как обычно.

— Что ты сделал? — прошептала я.

Он оказался ближе, и меня словно обволокла тёмная, колючая и холодная аура.

— Зачем тебе сиделка, если есть я?

Глава 37

Саша.

Я ничего не ответила.

Как же некстати закончилась зарядка! Мне нужно было как можно скорее попасть в комнату. В лучшем случае мог пригодиться смартфон, в худшем — нож.

Происходящее не укладывалось в голове. Сначала он накрывает зонтом от дождя, потом угрожает в коридоре, потом кормит бульоном и делится сокровенным, а затем приправляет это тем, что выгоняет мою сиделку

Почему она ни слова не сказала? Что же там всё-таки случилось?

Я уже спросила у Глеба, он не ответил, пытаться дальше было бессмысленно, если не опасно. Я вцепилась в колёса немеющими пальцами и стала крутить ими, чтобы доехать до комнаты.

В спину тут же ударил колючий смех. Попытка скрыться в моём исполнении и правда выглядела жалко, даже комично. Но кровь от этого не переставала стыть в жилах от хлёсткого звука голоса Глеба и его тяжёлых шагов.

— Что ты творишь? — он вцепился в ручки кресла, тормознув коляску.

Пальцы на резине поехали назад и как будто порезались о железку. Я с шипением отдёрнула руку и поднесла её к ли-

цу. Совсем слегка поцарапалась, на самом деле, но даже от вида одной капли крови на ресницах застыли слёзы. Слишком утомилась физически и морально устала чувствовать себя настолько беспомощной.

— Что такое? — я не оборачивалась на Глеба, но почему-то легко представлялось, что он снова хмурит свои густые, чёрные брови. — Дай посмотрю

Он взял меня за середину ладони. Сделал это осторожно, едва касаясь, будто я серьёзно травмировалась. Поэтому у меня легко получилось выдернуть руку. Невольно дёрнувшись всем телом, я пискнула из-за прострелившей таз боли.

— Не трогай меня! — закричала, хотя вышло что-то больше похожее на полухрип-полуписк. — Не смей ко мне прикасаться! Ублюдок

Он застыл, и я сжалась всем телом, ожидая в ответ хлёсткое слово или не только слово.

Глеб больше не пытался поймать мою ладонь, он просто склонился и посмотрел на капельку крови, собравшуюся в конце розовой линии на указательном пальце.

— Это всего лишь царапина. Не пихай руки в колёса. Я довезу тебя до комнаты.

Я всё-таки обернулась, чтобы посмотреть на его непроницаемое, наглое выражение лица. И тут же пожалела. Он выглядел холодным, сосредоточенным, мрачным. А я вся раскраснелась и расплакалась как идиотка. И из-за того что обернулась, спровоцировав головную боль, вид у меня стал

ещё несчастнее.

— Сказала же — отвали! Я тебя уже почти ненавижу. Сколько можно ко мне приставать? Почему просто не можешь оставить меня в покое?!

Весь страх, что кололся в груди из-за кучи ситуаций, в которых Глеб заставлял меня нервничать без веской причины, накопился в груди и теперь стал красным и горячим, трансформировавшись в тупую злость.

У Глеба тоже было достаточно топлива, которое можно было подпалить.

Он злобно ухмыльнулся, рассматривая меня с отвращением сверху вниз:

— Знала бы ты, как меня достала. От тебя одни проблемы

Я от удивления приоткрыла рот. От меня проблемы? Да разве я трогала его хоть раз? Разве что в тот вечер, когда Андрей Викторович попал в больницу За исключением того эпизода ни разу не начинала общение сама. Или он имел в виду, что одно только моё существование на его территории оказалось таким невыносимым?

— То голодом себя моришь, то сама себя запугиваешь, то режешься иглой или вот колёсами Как тебе это удаётся?

Ещё немного, и у меня бы задёргался глаз.

Он перечислял свои «претензии» с каким-то странным остервенением, вот только ни один из пунктов никак его не касался!

— В нашу первую встречу ты едва синяк мне на лице не

оставил, — прошептала я, хотя скорее прошипела. — Потом угрожал, обзывал, да перечислять можно долго Когда выяснил, что зря навешивал на меня своё дерьмо, даже не извинился! Будто это нормально! А потом что? Накричал на моего друга, забрал телефон. И да, лазил там, я проверила. Читал мои переписки. Постоянно лезешь в мои диагнозы, я даже друзьям не говорила, что со мной, а ты посторонний человек Да как вообще смеешь? Потом и вовсе заперся с Дилей. Толкнул её наверняка, она же хотела выйти ко мне. Я слышала, что вы ругались. А потом она просто ушла. Это нормально? Она единственная, кому я могу здесь доверять, а ты просто урод.

— Единственная — прошептал Глеб будто неосознанно.

Он долго смотрел на меня, пока я не сдалась и не вернула голову в нормальное положение. Какое-то время я сидела чуть сгорбившись и водя неясным взглядом по паркету, просто пережидая дурноту. А он стоял надо мной, ничего не говорил, только угрюмо распространял своё напряжение, так что оно холодными иголками кололо мне кожу.

— Что — начал вдруг и остановился. Но потом всё-таки договорил шёпотом: — Что мне сделать?

Я не совсем понимала, что он имел в виду, но сил переспрашивать не было. Поэтому просто дала ему чёткую инструкцию, которая была выгодна мне:

— Просто уйди.

Глеб ещё какое-то время постоял рядом непонятно зачем.

Я почти поверила, что вот-вот почувствую, как он отдаляется, услышу его шаги. Вот только парень как обычно не по-хорошему удивил:

— Нет. И не дёргайся, Саня.

Он завёз меня в комнату. И вместо того, чтобы уйти, полез в шкафчик, где хранились лекарства и медоборудование. Вытянул оттуда аптечку, подошёл и попытался схватить меня за руку. Сначала я дёрнулась, потом подумала, что тратить силы бесполезно.

Глеб достал перекись, ватный диск и пластырь. Быстро прошёлся влажной ваткой по царапине и заклеил её, после чего выпустил руку не сразу, а ещё какое-то время подержал её в горячих ладонях.

— Я ей не угрожал, если что, — внезапно протянул он, — просто предложил деньги.

Глава 38

Саша.

— Предложил деньги за что?

Я вскинула на него усталый взгляд. Глеб казался чёрно-серо-красным пятном, едва заметно подрагивающим от напряжения. Он был одновременно будто и каменно-спокойным, и с лихорадкой где-то под кожей. Я не понимала, что происходит, чем он вообще руководствовался, и это неимоверно раздражало.

— Просто — выдохнул и остановился на мгновение, словно переводил дух. — Она всё время мешается под ногами. Так что

Глеб хотел подытожить, но на кровати засветился и запиликал смартфон. Впрочем, я не была уверена, что он сам понимал, что хотел сказать.

— Ты ненормальный

Я подъехала к кровати. Парень на этот раз никак мне не препятствовал. Не трогал ни меня, ни коляску. Но я кожей чувствовала его прилипший взгляд.

— Да, — произнесла, когда посмотрела на экран и приняла звонок. Это был Игорь.

«Саша, мне звонила Дилара. Она больше не сможет работать, к сожалению. Но ты, наверное, и сама знаешь»

— Нет, — я нахмурилась. — Почему?

«Она с тобой не говорила? Не ожидал от неё такого непрофессионализма, впрочем, ситуация сложная В любом случае, я приеду через несколько часов и буду с тобой, пока не приедет новая медсестра. Я уже обратился в агентство. Я сейчас в центре, тебе нужна срочная помощь? Могу прислать кого-нибудь.»

Мысли разбредались, в первую очередь хотелось узнать больше деталей, но Игорь задавал вопросы, и я постаралась на них сосредоточиться.

Хотелось в туалет, но с этим я уже могла справиться сама. Вечером нужно было сделать уколы, но и тут можно изловчиться. Да и ничего страшного не случится, если даже один раз пропущу. Я очень устала за сегодня, но состояние было нормальным по моим меркам. Так что

— Нет, всё в порядке.

«Точно? Ты ведь сказала бы мне? — протянул мужчина вкрадчиво. — Глеб ещё не возвращался?»

Я распахнула глаза и повернулась, чтобы взглянуть на парня. Он стоял на том же месте.

Игорь ещё не знал о том, что он вернулся домой.

Значит, Диля ничего не рассказала об этом. Она взяла деньги и просто ушла.

Стоило бы об этом рассказать. Но я не хотела доставлять проблем женщине. Да и Глебу тоже. Пусть это и было тупо.

— Не думаю. А почему

«Саша, у меня сейчас встреча, — прервал меня Игорь. —

Я постараюсь как можно скорее закончить с делом и приеду. Точно ничего больше не нужно?»

Закусила губу. Так забавно. Глеба почему-то волновало, что я плохо ем и могу умереть. Но при этом, интересно, ему казалось нормальным, что я снова выгораживала его, несмотря ни на что? Разве это не куда более громкий звоночек о тех самых депрессивных наклонностях, в наличии которых он постоянно пытается меня уличить?

Какое лицемерие.

— Точно. До встречи.

«Хорошо. Звони, если что-то понадобится»

Мужчина отключился, я заблокировала смартфон и покрепче вцепилась в него холодными пальцами, опасаясь, что Глеб вот-вот вырвет его из рук.

— Значит, ты решил таким образом от неё избавиться? — я посмотрела на парня. — Скоро здесь будет новая сиделка. И что для тебя изменится? Разве что так сильно хотел мне подгадить, что даже денег не пожалел

— Ты же постоянно кричишь о том, что она нищая, что ей приходится кормить семью и что ей нужна эта работа, — Глеб вдруг усмехнулся.

От его вечных ужимок меня перекосило. Как же достал

— Так что же ты не радуешься за неё? — продолжил он. — И её детишек в частности. Или лучше пусть она перебивается меньшими деньгами, но будет с тобой, потому что тебе так удобнее?

— Ты не можешь говорить это всерьёз. Разве можно так всё переворачивать, Глеб? И что б ты знал, именно из-за неё я ничего не сказала Игорю.

— Ну а из-за кого же. Она же единственная, кто тут о тебе вообще думает. Правда, только пока ей платят, но это мелочи.

Я качнула головой в немом отрицании. Спорить было бесполезно. Хотелось бы верить, что он неосознанно решил отбирать у меня всё то, что мне было хоть немного дорого в новой безрадостной жизни, но выглядело всё как намерение.

— Чего ты хочешь?

Он подошёл ближе, окинул меня взглядом, будто до того не насмотрелся.

— Выглядишь плохо, — сказал тихо, уже совсем другим тоном.

От калейдоскопа его эмоций у меня скоро начнёт дёргаться веко.

— Ты собираешься уходить?

— Нет. С чего бы? А если ты хочешь знать, Саня, она не взяла деньги.

— Глеб, — я сдержалась, чтобы не швырнуть в него телефоном, — к чему тогда твои упрёки и слова о том, что она продажная? Ты меня с ума свести хочешь?

В ответ он зло рассмеялся.

***

Глеб.

Несколько минут назад.

У меня давно уже была эта идея, но я собирался реализовать её позже. Найти время, когда Диля останется одна где-нибудь в столовой на первом этаже, и спокойно поговорить с ней.

Мне было бы проще общаться с Саней, если бы эта заполошная женщина не кидалась прикрывать её грудью каждый раз, когда я подходил близко.

Чёрт знает, что там отец такого про меня рассказал. Иногда мне казалось, что он и правда устроил всё это шоу для меня. Конечно, не из благих целей, а просто ради развлечения. Чтобы лишний раз напомнить мне, что я грёбаное чудовище и так считают все вокруг, даже прислуга, которой я ничего плохого не сделал.

Что-то во мне перещёлкнуло, когда Саня сказала про одиночество. Значит, вот каким я был в её глазах? Либо жалким искалеченным одиноким парнем, либо психом? Я даже не знал, что хуже.

И это после того, что я ей рассказал

Впрочем, за язык меня никто не тянул. И злиться на девчонку я физически не мог. А вот долбящаяся в дверь в истерике Диля, словно в комнате пожар, меня выбесила. И я решил поговорить сразу. Был уверен, что всё получится и одной головной болью станет меньше.

Я нуждался в каком-то прогрессе, в компенсации неудачи с Саней. В чём-то, что смогло бы перебить перед глаза-

ми картинку, где она смотрела на меня с недоверием и жалостью.

Когда мы оказались в комнате, Диля выглядела такой встревоженной, что хотелось её как следует встряхнуть. У неё от волнения дрожали губы, мокрые волосы были всклокочены, белые пальцы сжимали смартфон.

Я закрыл дверь и взял её за предплечье, чтобы оттянуть ближе к ванной. Не хотелось, чтобы нас подслушивали.

Диля вырывалась, словно от этого зависела её жизнь. Плохое начало. Я рассмеялся, осознав, что совершил ошибку и сильно понизил свои шансы на успех. Впрочем, круглая сумма должна была всё сгладить. Как всегда.

— Отпусти меня сейчас же! — прикрикнула она на меня. — Мне нужно идти!

— Куда? Она в порядке, я её не съел. Давайте вы уделите мне пару минут, и я уйду.

Она бросила странный взгляд на экран своего смартфона. Уже кому-то позвонила? Интересно

— Я не могу. Не до тебя сейчас, мелочь!

Я не удержался и приподнял бровь. Не ожидал от неё такого обращения. Вообще не помню, чтобы со мной кто-то так говорил. Разве что отец в детстве. Хотя «щенок» всегда было его неизменным фаворитом.

Пока она трепыхалась, я достал из кармана смартфон и зашёл в приложение банка. Спустя пару быстрых движений на экране появилась сумма, которую я собирался ей запла-

тить. По моим расчётам, это в десять раз превышало всю её зарплату даже в том случае, если бы ей пришлось не отходить от Сани полгода.

Я ткнул ей смартфоном в лицо и спросил:

— Переводить по номеру?

— Что? — она наконец-то перестала дёргаться и просто застыла на месте, словно в голове переключился какой-то тумблер.

Я ухмыльнулся. Отлично.

— Я не прошу вас увольняться или что-то типа того. Давайте договоримся: вы берёте деньги и больше не мешаете мне общаться с Сашей. Не нужно настраивать её против меня. И вообще вмешиваться. Мы сами разберёмся. Что непонятного?

— Ты хочешь, — она нахмурилась, — чтобы я её продала Тебе, извергу?

Я моргнул, не веря своим ушам. Какого..?

— Рассчитываете, что мой отец заплатит вам больше? Уверены, что это хорошая ставка, учитывая, что он ещё непонятно, жив или мёртв вообще?

— Да как можно так говорить? — её голос дрогнул, но я не обращал на это внимание.

— Если не соглашаетесь, явно где-то есть условия повыгоднее. Но с чего бы так много платить обычной сиделке? Может быть, вы знаете что-то особенное и вас обещали вознаградить за молчание?

Я просто накидывал предположения, всматриваясь в неё, надеясь понять по реакции хоть что-нибудь. Правда, упустил из виду, что ей было реально не до меня.

Диля вдруг толкнула меня в грудь и гневно зашипела:

— Моя мать умирает! Открой дверь, я должна поехать к ней! Дочка звонила Мне нужно уйти Я всё объясню Игорю. Пожалуйста

Я отшатнулся от неожиданности. Тут же встала на место её странная реакция и встревоженный вид. Она в спешке надела джинсы поверх домашнего платья и накинула сверху рубашку. Смотрелось это нелепо, но у неё не было времени думать об этом. Ей нужно было домой.

Дело было в этом, а не в том, что она волновалась за Саню.

— Ладно, — ответил я и вернулся к двери. — Потом вернёмся к этому разговору.

— Я не собираюсь никакие деньги принимать от тебя, больше ни слова об этом, — отрезала она, спеша покинуть комнату.

Но ещё прежде чем я успел распахнуть дверь, у неё зазвонил смартфон. Она мгновенно ответила:

— Да, доченька, ну что там? Лучше ей?

Прошло несколько секунд. Я не слышал, что ей ответили. Но догадался.

Женщина всхлипнула и отключилась.

— Нет, — прошептала она. — Как же так

Она шла дальше будто по инерции, молча, словно оцепе-

нела внутри. Саня, конечно, спросила, что случилось, но ей не ответили. Я на мгновение представил себя на её месте и тут же сжалось сердце.

Она привязалась к Диле, а та её будто не слышала и просто прошла мимо.

Теперь мы и вправду остались одни.

Глава 39

Саша.

— Так что то, что она ушла, никак со мной не связано, — закончил объяснять Глеб.

Я расслабила пальцы на смартфоне, больше не ожидая нападения. Лулу заскулила в бывшей гардеробной. Глеб медленно подошёл к двери, открыл её и присел на корточки, чтобы пригладить щенка.

Я наблюдала за ними, но перед глазами стоял образ Дили. Она рассказывала, что её мать тяжело больна, но быть с ней рядом не получилось, ведь надо было продолжать работать, чтобы оплачивать ей лечение и кормить троих детей.

Я прекрасно понимала состояние женщины. Сама долго молчала и не хотела никого видеть, когда очнулась в больнице после аварии.

Глеб почему-то упрекал меня в том, что я хорошо относилась к женщине и постоянно напоминал, что она всего лишь обслуживающий персонал, и наше дружелюбное общение — это прямые её обязанности.

Но я ведь это хорошо понимала. И чем то, что для неё я всего лишь работа, мешало мне хорошо к ней относиться?

Почему у Глеба такое странное ко всему этому отношение?

— Ты мог сразу мне рассказать, — произнесла я тихо, от-

части надеясь, что он не услышит и разговор не продолжится.

Я просто устала от того, что могу получить удар неожиданно во время обычного разговора. То он вскакивал и прерывал нормальное, дружелюбное даже общение, когда я упомянула маму. То внезапно запирался с Дилей без объяснений, хотя до того вёл себя спокойно.

Эта нестабильность утомляла.

Конечно, в большинстве случаев я понимала истоки такого поведения. Или сразу, или потом всё выяснялось. Но это ведь не оправдание. Он уже не ребёнок и должен хоть немного себя контролировать.

— Мне показалось, что ты не хотела меня слышать. Сама уже сделала все выводы. Зачем мне тебя поправлять? — ответил он после нескольких мгновений напряжённой тишины.

Он играл с Лулу и не смотрел на меня. Его широкие плечи выглядели напряжёнными. Мне вдруг захотелось оказаться рядом и дотронуться до них. Но я быстро отогнала эту мысль.

— А выводы эти я на пустом месте сделала, по-твоему? Спрашивала ведь, что случилось. И что ты ответил? Помнишь?

— Я, — он повернул голову и посмотрела на меня, — наверное, перегнул палку

Голос был тусклым, а синие глаза, наоборот, казались ещё

ярче.

— Ты так раздражаешься, хотя я отношусь к тебе адекватно, учитывая твоё поведение. Тебя будто задевает, что я не читаю твои мысли. Насколько в лом рот открыть в нужный момент?

— Ты меня как ребёнка отчитываешь, — он вдруг улыбнулся. — Скажи, я реально так плох? Так сильно тебе навредил?

Он взял Лулу на руки и, подойдя ко мне, сел рядом на кровать. И всё ещё больше смотрел на щенка, будто опасался долго смотреть в глаза.

— Я устала одно и то же повторять. Ещё раз перечислить? Давай заведём гугл-таблицу и будем туда все твои плохие и хорошие поступки записывать. Посчитаем по баллам, чего больше.

Глеб усмехнулся.

— Давай.

— Дурак, — я вздохнула и протянула руку, чтобы коснуться рыжего пятнышка на шёрстке Лулу. — Мне нужно отдохнуть, ты скоро уйдёшь?

— Чем я тебе мешаю? И, кстати, ты сказала, что я даже не извинился. Это не правда. Ты просто хорошее не запоминаешь. Может быть, последствия травмы головы, не знаю.

Наши пальцы столкнулись, он нахмурился и добавил будто про себя:

— У тебя руки холодные

— Ты издеваешься? — последнюю его фразу я проигнорировала. — Ты извинялся только за то, что лазил в моих документах. Но какой в этом смысл, если ты снова это делаешь? Ты вроде прислушался ко мне, такой молодец, решил не заходить ко мне без разрешения. Делал на этом акцент, будто я должна тебе хлопать за это. А теперь Посмотри, где ты находишься. Сколько минут продержался?

Он помолчал, затем ответил серьёзно:

— Обстоятельства поменялись. Диля ушла, у тебя коляска разрядилась. Можешь не верить, но я просто пытался помочь. А про медкарту Почему Игорь может смотреть и обсуждать твои дела с врачом, а я нет?

— Да потому что — я едва не задохнулась от возмущения. Даже голова закружилась. Когда-нибудь этот парень реально сведёт меня с ума. — Он помощник моего попечителя, ему платят теперь в том числе и за это. Можешь проследить эту связь? А когда это делаешь ты, это просто нарушение личных границ. Про телефон я уже молчу. Я понимаю, тебе плевать на меня и мои чувства, ты меня ни во что не ставишь, но всё равно Зачем только время тратишь, не понимаю. Я думала, мы уже закончили.

Со злости я сказала, что буду бороться, чтобы остаться здесь и с комфортом лечиться дальше, но теперь всё изменилось. Глеб продолжал приставать, а я морально чувствовала себя всё хуже и была готова сдаться. Мне всё труднее было каждый раз убеждать себя, что всё когда-нибудь наладится.

Может быть, мне лучше уйти? Я не смогу долго всё это выдерживать

— Это не так, — Глеб оборвал мои мысли. И словами, и тем, что осторожно взял за руку. — Я не должен был забирать твой телефон. Ну, хочешь, зови его сюда. Пусть живёт под твоей кроватью

Это прозвучало так странно и мило, что я даже не попыталась вытянуть пальцы из его хватки.

— Ты же читал нашу переписку. Знаешь, что я не хочу его видеть.

— Ну а иначе я бы не предлагал, — Глеб ухмыльнулся. — Сань

Я опустила глаза.

— Посмотри на меня.

— Что?

— Прости, — произнёс он вымученно. — Я могу представить, что ты обо мне думаешь, но

— Я ничего не думаю, — оборвала его. — Ты всегда говоришь одно, а делаешь другое. В этом общении нет никакого смысла.

— Если ты заметила, я говорю плохое чаще, чем делаю.

Лулу снова попыталась перебраться ко мне на коляску, но он ловко перехватил её и прижал к своей груди.

— Какая прыткая — это было адресовано щенку. — Чего ты вечно волком смотришь? — а это, конечно же, мне.

— У меня из-за тебя мозг подтекает, — ответила я. —

Знаешь, я уже не хочу понимать тебя. Почему ты всё это делаешь. Почему твой отец это делает. Я не могу так больше. Мне нужно поговорить с Игорем и

— Тебе нужна причина? — спросил он будто с надеждой. Словно впервые за долгое время нашёл ответ на какой-то давно мучивший его вопрос. — Я, может, дружить с тобой хочу.

Я испугалась из-за того, как серьёзно звучали в его исполнении эти абсурдные слова.

— А если без шуток?

— Без шуток, — он ухмыльнулся. — Что не так?

— Если бы не обстоятельства, я бы скорее поверила в то, что понравилась тебе, — я улыбнулась.

А вот Глеб почему-то помрачнел.

— Обстоятельства?

— Ну, я про это, — ткнула пальцем в воздух рядом с коленом. — Сейчас я вряд ли могу кого-то впечатлить. Да и для дружбы странный выбор. Не думаю, что у тебя есть подруги, с которыми ты не спал.

Он немного изменился в лице, но быстро взял себя в руки.

— Не веришь в дружбу между парнем и девушкой типа?

— А я правда на дуру похожа? Да и ты вроде разозлился, когда узнал, что мама общалась с твоим отцом. Сразу же решил, что мы родственники в таком случае. Дал понять, что единственное возможное общение с женщиной именно такое.

— Значит, и с Костиком у вас не просто дружба? Так выходит? — Глеб отпустил щенка на пол и стал нервно водить пальцем по моим костяшкам.

Лулу несколько раз пыталась запрыгнуть назад. Один раз зацепилась за край кровати, но свалилась. В другой у неё всё вышло, но парень раздражённо вернул её на паркет.

— Просто дружба. Но мне кажется, что я ему нравлюсь, — ответила просто. — Это неприятно. Особенно когда он подводит к этой теме теперь, будто не понимает, что мне не до него. Не сказать, что мы были такими уж близкими друзьями, просто приходилось много общаться, сам понимаешь. Но я всё равно чувствую себя преданной.

Я слегка пожала плечом и ещё раз немного нервно улыбнулась, намекая Глебу, что не рассчитываю на то, что он поймёт, о чём я говорю.

— Он ещё что-то писал? — переспросил парень напряжённо.

— Ну да, всё это время. Хочет, чтобы мы притворились парой, чтобы я могла переехать к нему и пользоваться помощью его родителей. Что-то вроде того. А ты не видел?

Я сама не знала, почему говорила об этом с Глебом. Обсуждать его самого с тем же Костиком, например, было неприятно.

Но тут другое.

Когда мы говорили об этом теперь, я чувствовала себя расслабленной и испытывала облегчение. Словно у нас с Гле-

бом не было недопониманий и он действительно мог меня понять.

Это странно, ведь по факту он последний человек, который был на это способен.

— Я отформатировал тот телефон почти сразу. Не отвечай ему, это просто детский лепет. Он понятия не имеет, через что ты проходишь. И ещё смеет тебе такое предлагать Тебе не нужно отказываться от помощи отца. А если так хочется, то я и сам могу за всё заплатить. И не надо глаза закатывать, у меня есть работа.

— Дело не в этом, — я усмехнулась. — Я вообще-то из-за тебя хочу уйти. Ты мне на нервы действуешь. Разве можешь это не понимать?

Когда тема о Костике сдвинулась дальше, Глеб стал выглядеть спокойнее. Он уже не бесился каждое мгновение и отвечал ровно:

— Мы просто друг друга не так поняли с самого начала. Конечно, это я виноват. Почему нельзя начать всё с нуля?

— Можно, — ответила я. — Но зачем?

— Потому что — Глеб склонился ко мне и прошептал на ухо, — я сейчас тебя придушу! И ещё, — он слегка отстранился и повысил голос, — без меня ты не справляешься, не идёшь на поправку. А если тебя это так задевает, можно зайти с другой стороны. Ты же думаешь, что я такой одинокий и несчастный. Настолько, что вцепился в первого же человека, которого поселили в моей комнате. Как тебе такой мотив?

Мне показалось, что совсем недавно его задели те мои слова, хотя я и не собиралась его обижать.

Теперь же Глеб называл себя одиноким с ироничной полуулыбкой и не злился.

— Хочешь, чтобы я с тобой из жалости общалась?

— Зачем быть такой жестокой? Вообще-то дело ещё кое в чём

Глава 40

Саша.

— И в чём же?

Я немного неловко отстранилась, чтобы посмотреть на него. В какой-то момент Глеб стал сидеть слишком уж близко: я кожей ощущала его неровное дыхание.

Его взгляд будто плыл, и если бы я почувствовала специфический запах или его речь была бы рваной, точно решила бы, что он пьян.

Хотя Я сощурилась, глядя ему в глаза. Зрачки были расширены.

Странно.

— Тебе не кажется, — произнёс он с загадочной ухмылкой, — что мы похожи?

Это было неожиданно. К губам тут же слабо прилипла усмешка. Хотя из-за моего состояния она, наверное, была почти незаметна и могла отклеиться в любой момент.

— Глеб А ты трезвый вообще?

Я часто заморгала и ненадолго отвела глаза, словно они устали от столь долгого контакта с другим человеком.

— В каком смысле?

— Да, — вздохнула, вспомнив последний разговор с Евой, — во всех.

— Да, — он нахмурился, но всё-таки не вспылил, — сей-

час да.

Я незаметно закусила губу изнутри и кивнула.

Ладно, может быть, дело в освещении. Или волнении.

— Почему мне должно казаться, что мы похожи? Мы друг друга не знаем.

Глеб закатил глаза.

— Хватит. Ты Саня, а я Глеб. Мой отец за последний месяц говорил с тобой больше, чем со мной за несколько лет. Уверен, обо мне тоже рассказывал. Это, — он обвёл пространство рукой, заставив Лулу забавно подпрыгнуть на задних лапах, словно она ожидала угощения, — моя комната. В каком-то смысле ты знаешь обо мне больше, чем мои друзья. А про тебя я тоже знаю достаточно. Классно катаешься, кстати. Но у тебя лучше получалось, когда ты была на льду одна.

Я посмотрела на свою руку, всё ещё накрытую его пальцами. В какой-то момент я совсем забыла об этом. Будто всё нормально.

Нехорошо.

— О том, что гуглил меня, лучше говори поменьше. Для приличия хотя бы мог сделать вид, что ты нормальный.

— Ну вот, — он улыбнулся. — Видишь, я ненормальный. Ты знаешь меня. А вообще мне просто было любопытно. Ты никогда не искала в соцсетях своих одноклассников или типа того?

— Нет, — ответила я тут же. — И вообще ты не можешь

не понимать, о чём я.

— Именно, — припечатал Глеб. — Ты думаешь, что я должен тебя понимать. Уже неплохо, м? Сань, я о том, что мы знаем друг друга. Ну реально Хватит уже так говорить. Или скажи, сколько я должен находиться рядом с тобой, сколько должен ещё рассказать, чтобы этого было достаточно?

Он снова провёл пальцами по моей руке. На этот раз будто гладил тонкие синие вены под бледной кожей. Я попыталась высвободиться, но он только усилил хватку.

— Кое-что общее у нас точно есть, — голос Глеба звучал ровно, но его перебивало гулкое биение сердца, отдающееся в висках. Я слушала его и тупо пялилась на наши руки немигающим взглядом. — Общая черта.

— Какая?

— Паранойя.

— Я не

— Называй это как хочешь. Ты подозреваешь меня во всех смертных грехах, правда же? Думаешь, что я продолжаю что-то замышлять против тебя. Конечно, у тебя есть основания. А у меня те же мысли по поводу бати.

— Причём здесь твой отец? — я поморщилась и подняла на него глаза.

На самом деле меня обрадовало, что тема сместилась на Андрея Викторовича. Для меня она была почти нейтральной по эмоциям и довольно интересной. Я могла отвлечься на разговор о попечителе.

Отвлечься от его касаний. От попыток решить, что с этим делать.

И как-то оправдать собственную медлительность.

Он продавливает мои личные границы? Сначала комната, все эти документы, аккаунты, переписки, потом прикосновения. И уже не в первый раз.

Чего только добивается?

— Мне это не нравится, Сань, — произнёс Глеб едва ли не надрывно. Что-то было в нём такое, что заставило меня выплюнуть очередную мысленную жвачку и прислушаться к его низкому, красивому голосу. — Дело не только во мне. У отца к тебе странное отношение. Может быть, реально маразм, я не спорю. А что, если нет? Игорь что-то знает, но я пока ничего конкретного про тебя не нашёл. Один раз слышал разговор отца с ним Они говорили про какой-то план. Может быть, всё это бред, но у меня

Он замолчал и повернул голову в сторону окна.

— Что? — переспросила я. — Предчувствие, что ли?

— Ржать будешь? — Глеб усмехнулся.

— Нет, от этого голова ещё сильнее заболит

— Болит голова? — он наконец-то отпустил мою руку, и я тут же выдохнула. Вот только слишком быстро. — Сделать массаж снова? Помогает же? Я читал, что помогает

Он опять оказался слишком близко, его пальцы коснулись висков. Надо было отъехать в сторону. Но я боялась его спровоцировать и ещё придавить Лулу.

К тому же это было слишком приятно.

— Какой у твоего отца может быть план? — спросила я почему-то шёпотом. Хотя знала почему. Опасалась, что от волнения будет дрожать голос. — То, как он мне объяснял свой поступок этот мотив своеобразный, но он не лишён логики. Что ещё может быть? Во мне нет ничего особенного

Он вздохнул и помолчал несколько мгновений, продолжая проходиться пальцами по моей голове.

Я порадовалась, что недавно мыла голову и уже не страдала от температуры, из-за которой корни волос были влажными от пота.

Впрочем, тут же огорчилась, что вообще задумалась о таких вещах.

— Я не знаю. Честно, не знаю, — всё-таки ответил Глеб. — Но я хочу остаться рядом, чтобы увидеть, что будет дальше. Ты просто не прогоняй меня.

— Послушай

— Да нет, я знаю. Ты опасаешься меня. И отца, наверное, тоже, если не дура. Но мы с ним не действуем заодно. Кто-то из нас может оказаться не опасен и может желать тебе добра. Почему бы не держать оба варианта рядом на такой случай, а?

— А если вы оба опасны по отдельности?

От его прикосновений становилось легче, и я невольно усомнилась в себе.

Действительно паранойя или всё же здравый смысл?

— Тогда хана тебе, — Глеб усмехнулся. — Тебе получше?

— Да, — я попыталась отстраниться, — хватит, спасибо. Значит дело в том, что ты всё ещё не успокоился и подозреваешь, что моё появление как-то на тебе скажется?

Лулу всё-таки не смирилась и вновь прыгнула на кровать. Она быстро оказалась на коленях парня, он снова гладил её, чесал за ухом и не пытался спустить на пол.

— Типа того, — ответил мне так, будто потерял к разговору интерес.

— И раз ты для этого хочешь быть рядом, правда готов мне всё про себя рассказывать?

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Вроде гладил собаку, был спокоен, смотрел прямо, а я чувствовала, как из-за трещин этого фасада на меня глядело волнение.

— Я так говорил?

— Вроде того.

— Ладно, — он передёрнул плечом. — Ты уже много всего знаешь.

Я кивнула.

— Хорошо. Теперь уходи.

— Ты опять за своё? У нас разве не перемирие?

— Не собираешься же ты тут торчать каждую минуту? Ты меня кормил, а сам вряд ли успел с дороги поесть. Мне нужно отдохнуть.

Он поднялся и встал напротив, прижимая Лулу к себе и периодически называя её Ссыкушкой.

— Волнуешься за меня? — улыбнулся как идиот. — О себе подумай. Давай помогу на кровать забраться.

— Глеб Мне в туалет надо.

— Без проблем! — он подошёл к коляске и схватился за одну из ручек. — Сейчас организую

— Что ты делаешь? — я задрала голову. — Мы в «Дне сурка» или как? Я сама.

— Точно? Ты уже так делала?

— Ходила ли в туалет?

— Ну да. Сама.

— Да, много раз. Скажу тебе без лишней скромности, я достигла в этом деле определённых успехов.

Он рассмеялся, я тоже не удержалась.

— Хорошо, — выдохнул и как бы невзначай коснулся локона моих волос. — Только подтверди, что мы будем общаться.

— Подтвердить? — я приподняла бровь. — Нужно сначала стоп-слово придумать.

— Что? — вроде шутили, а это он не понял. Или понял по-своему.

Выражение лица стало каким-то странным.

— Чтобы ты сразу уходил, когда я прошу, а то простое «отвали» не работает.

Он присел рядом на корточки, положил ладонь на подлокотник кресла и на ней уже устроил подбородок, глядя на меня снизу вверх.

— Сейчас не уйду. Вдруг ты там навернёшься? Я останусь здесь, подглядывать не буду. И подслушивать, — гаденько ухмыльнулся. — Скоро же Игорёк приедет? До того помаячу в комнате. Потерпи меня ещё немного. Окей?

Вероятность того, что что-то могло пойти не так, была минимальной, но я не стала спорить. Всё равно это было бесполезно.

— Ладно, — протянула я и вдруг решилась спросить: — Глеб, а я же тебе не

Замялась. Это было глупо.

— М?

Глава 41

Глеб.

Саня была такой серьёзной и при этом такой безумно хрупкой, что от одного взгляда на неё разрывалось сердце.

Я знал, что общение выматывало её, но мне было сложно остановиться. И страшно, что всё снова пойдёт не туда, что мы не поймём друг друга, я всё испорчу и на этот раз окончательно.

Когда понял, что расстроил её даже больше, чем думал, стал лихорадочно соображать.

Саня не понимала, почему я никак не мог отстать от неё, а я не понимал, почему она не понимает. Точнее я сам не знал почему. И не мог объяснить нормальными словами. Это просто было. И было сильнее меня.

Разве это не очевидно?

Потом подумал, что ей просто нужна какая-то ясность. В этом мы тоже были похожи. Я должен был выдать хоть что-то и сказал, что хочу с ней дружить.

Это прозвучало по-детски: наивно и, может быть, даже глупо. Не помню, чтобы говорил такое кому-то даже в возрасте, когда лепил куличики в песочнице. Но неловко не было.

Я ухватился за это объяснение как за грёбаный спасательный круг.

Саня, конечно, не поверила. Ответила что-то про то, что она мне нравится. Я едва не поперхнулся воздухом и даже не понял сразу, что она имеет в виду под «если бы не обстоятельства». Оказалось, что речь шла про её сломанное колено. Это была такая ерунда, но я промолчал, чтобы не сделать хуже.

Всё едва не свернуло не туда, когда речь зашла о её карманном бойфренде. Саня резонно рассуждала о том, что дружить девушка с парнем не могут. Факт. Как и про то, что я спал со всеми своими «подружками». Впрочем, не то чтобы их было много.

В ответ я так же резонно спросил, что у них с Костиком в таком случае.

У меня уже сложилось впечатление, что ничего такого. Но что, если я ошибался?

Но Саня, оказывается, видела картину ясно. Прекрасно понимала, что парень по ней сохнет. Я едва сдержался, чтобы не ляпнуть, почему же тогда сейчас ей нужны какие-то причины для нашего общения?! Или для этого должно пройти несколько лет? Сколько они там партнёрствовали?

Хорошо, что ничего не взболтнул лишнего. Потом держать лицо было проще. После слов о том, что навязчивость друга в этом плане ощущалась как предательство, меня как отрезало.

Да, это полное свинство — приставать к ней, когда со смерти матери прошла без году неделя. Такие вещи ещё дол-

го не будут её интересовать. И любой нормальный человек должен это уважать.

Я уже обдумывал это и вроде всё понимал.

Если меня не отпустит Я ведь мог бы ждать хоть несколько лет.

Вот только боялся, что её это не будет интересовать никогда.

Когда Саня сказала, что в ней нет ничего особенного, я едва не расхохотался. Ничего особенного? Она была самым странным человеком, с которым мне когда-либо приходилось иметь дело.

И пусть совсем недавно я думал о девушках в целом совершенно иначе, когда речь заходила о ней, я бы не удивился, если бы она всю жизнь провела в одиночестве и наслаждалась бы этим.

И куда меня только угораздило вляпаться?

***

Саша.

Когда я сказала, что очевидно скорее бы понравилась ему внешне как девушка где-то там в прошлой жизни, я просто пошутила.

Но его перманентное желание прикоснуться ко мне наводило на определённые мысли.

Раньше я не рассматривала возможность, что действия Глеба — проявление симпатии. Теперь пришлось обратить внимание на эту слепую зону.

Хотя это ведь почти невозможно. Как такому, как он, вообще могло прийти подобное в голову?

Он едва ли обделён вниманием девушек. Даже если поверить в то, что они с Евой не встречались больше.

У меня не было никаких комплексов. По крайней мере раньше не было. Просто было очевидно, что Глеба не интересовали серьёзные отношения. А для того, что ему действительно было нужно, я была, мягко говоря, не в форме.

Так что тратить на меня время ради сомнительной перспективы — такая себе идея.

Я хотела спросить его прямо на всякий случай. Чтобы после этого обозначить свою позицию и дать понять, что если я ему понравилась, нам нельзя больше общаться. Мне правда и Костика хватало с головой.

Но вопрос застрял в глотке наполовину. Он внимательно смотрел на меня, в глазах бушевало море, а я не могла вымолвить ни слова.

Нет, это бред.

Но даже если бред, на всякий случай всё равно стоило бы расставить все точки над «и», правда же?

Только вот почему-то я не могла. Неужели мне и правда было неловко?

Раньше никогда этим не страдала. Конечно, ещё с садика и до одиннадцатого класса периодически мне признавались в симпатии или просто подавали знаки внимания. Я никогда не стеснялась сказать, что заметила это, и обозначить свою

позицию. Некоторые давали заднюю и говорили, что я слишком много о себе думаю. Даже травить пару раз пытались. Только вот меня это нисколько не волновало. И с тем, чтобы себя защищать, я прекрасно справлялась.

С Костиком было иначе. Первое время я либо и вправду его не интересовала, либо он хорошо это скрывал. Потом мы уже слишком сдружились, да и общие выступления не располагали к ссорам. Приходилось терпеть. Благо, он почти никогда не пытался меня касаться и ничего не говорил. На это легко можно было закрыть глаза.

В общем, я легко могла провернуть привычную схему с Глебом. Или только так думала.

С одной стороны, было интересно, как он отреагирует на прямой вопрос.

С другой же Он собирался наблюдать, что будет дальше. Мне тоже хотелось понять в более или менее чистых условиях, не сбивая его изначальный план, каким бы он ни был.

Ещё и глупые мысли закрадывались в голову. Например, о том, мог ли он поспорить на меня с кем-нибудь. С той же Евой или своими друзьями. Я уже сделала определённые выводы о его окружении, так что это было вполне вероятно.

Может быть, если бы я сблефовала и сказала, что про всё в курсе, он бы выдал себя.

Или это тоже глупость?

Я замолчала и задумалась уже о собственной реакции. Почему же так страшно? Из-за того, что он поднимет меня на

смех? Даже если так, ну и что дальше? Мне от этого будет ни холодно ни жарко. Правда же?

А если прокнет нулевая вероятность с одной десятой после запятой и он ответит «да»? Что тогда будет?

Тогда я точно скажу Игорю, что отказываюсь от помощи Андрея Викторовича, чтобы убраться подальше от этого дома. Закон должен быть на моей стороне, ведь попечитель в коме. Да и день рождения уже через три недели.

Решение сформировалось, но я так и не продолжила вопрос.

Просто малодушно не захотела разбираться с этим прямо сейчас и решила понадеяться на то, что меня пронесёт.

— Ты же мне не что? — Глеб подошёл ближе и опустил Лулу на пол. — Прогуляйся до пелёнок, Ссыкушка, а то я тебя знаю.

Она тявкнула, а я посмотрела на неё и вдруг кое-что вспомнила.

Глеб говорил, что смотрел мои видео с выступлений. Понятия не имею, что ему там могло показаться интересным, кстати. В любом случае, если он гуглил моё имя, мог нарваться и на блог Кости.

Кажется, в одном из видео я говорила о том, что мечтала о щенке.

На тот момент это было правдой. Но потом я поняла, что это не для меня, и перестала об этом думать. А теперь собака вовсе в моей жизни была просто неуместна.

— Ты — я посмотрела на Глеба. — Ты для меня её купил.

Сначала Глеб усмехнулся, у него был такой вид, будто он хотел ответить: «Наконец-то до тебя дошло». Но после он, видимо, определил изрядную долю претензии в моём голосе и придал своему лицу нейтральное выражение.

— Разве ты об этом хотела спросить?

— Это вообще не вопрос.

— А тот, что был до этого?

— Глеб!

Он отвёл глаза и пошёл в сторону гардеробной, подзывая к себе Лулу.

— Ссыкушка, иди к папочке, иди сюда Дай матери проехать на своём драндулете

Я проводила его недобрым взглядом.

— Ну же, — выглянул он из комнатки, — к тебе это тоже относится. Хочешь в кресло наделать?

— Мы с тобой это ещё обсудим. Нельзя дарить никому животных. Это не игрушки. А колясочнице — собаку тем более. Скоро она подрастёт, и её нужно будет выгуливать.

— Жду не дождусь, — отозвался он и снова скрылся в гардеробной. Тут же послышалось шуршание пакета. Наверное, решил покормить Лулу. — И вообще мне кажется, что ты уже всё сказала. Так что считай, что обсудили.

Я доехала до ванной комнаты и открыла матовую дверь.

— Не переживай, Саня, — донёсся до меня его голос, — я буду её выгуливать. Тебя же тоже придётся, и никто не жа-

луется.

***

Через полчаса я всё-таки уговорила Глеба поесть. Он ушёл на кухню, но быстро вернулся с едой. Заставил вместе с ним пить чай и съесть половину бутерброда.

Потом я решила лечь спать раньше. Отказалась от его помощи и забралась на кровать сама.

Игорь задерживался, Глеб долго сидел на стуле напротив меня и пялился. Я чувствовала его взгляд даже сквозь сон.

— Эй, — произнесла хриплым голосом, повернувшись к нему, — ты

— Что? Пить хочешь?

— Глеб. Ты мне спать мешаешь. Иди уже.

— А вдруг

— С кровати не свалюсь.

Он вздохнул, налил сначала ещё воды в стакан, потом пошёл в комнатку Дили.

— Зачем?

— Зови, если что, — ответил просто и скрылся.

Я отвернулась, закрыла глаза и тут же поморщилась. Рядом завибрировал смартфон. Это мог быть Игорь или Диля, так что я разблокировала его, чтобы прочитать сообщение.

Это была MMS прямо на номер. Новый номер.

На фотке была часть руки с расплывшимся под кожей синяком. Текст зачем-то кричал на меня капсом: «И НЕ СТЫДНО ТЕБЕ?»

Нужно было проигнорировать и просто попытаться снова заснуть, но я всё же напечатала в ответ: «Ева, ты?»

«А ты ещё на ком-то успела наследить?»

Что ж, это действительно была она. На этом стоило закончить, и я ничего не ответила.

Вот только спустя пару минут пришло ещё одно сообщение с картинкой.

Куда более пугающее.

«А вы с Глебом даже похожи Смотри, как недавно он поразвлекался с одной девицей».

На фотке девушка с каре тёмных волос сидела на полу. Она почему-то была прикована наручниками к железному ограждению. Сзади виднелась многоэтажка с разноцветными окнами. Значит, её пристегнули к балкону.

Впрочем, это меня удивило не так сильно, как её лицо в кровоподтёках.

Она была избита до полусмерти.

Кажется, поспать у меня всё-таки не выйдет.

На одном фото Ева не остановилась. Следом она прислала не очень качественный снимок, где всё же можно было различить ту самую девушку. Она сидела на диване и обжималась с Глебом.